красная книга русской прозы

Василь Быков

Сотников

повести

Его батальон

Василь Владимирович Быков

Аннотация
Василь Быков. Его батальон
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Аннотация

Повесть Василя Быкова «Его батальон» заканчивается словами: «Война продолжалась». Взятие высоты, описываемое автором – лишь один из эпизодов войны, которых комбату Волошину предстоит пережить немало и, может быть, погибнуть в одном из них. Но, как бы ни было тяжело на фронте, всегда надо оставаться человеком: «И чем значительнее в человеке истинно человеческое, тем важнее для него своя собственная жизнь и жизнь окружающих его людей».

Василь Быков
Его батальон

Глава первая

Траншея была неглубокая, сухая и пыльная — наспех отрытая за ночь в едва оттаявшем от зимних морозов, но уже хорошо просохшем пригорке. Чтобы чересчур не высовываться из нее, Волошин привычно склонялся грудью на бруствер, пошире расставив локти. Однако долго стоять так при его высоком росте было утомительно; меняя позу, комбат неловко повернул локоть, и ком мерзлой земли с глухим стуком упал на дно. Тотчас в траншее послышался обиженный собачий визг, и на осыпавшуюся бровку мягко легли две широкие когтистые лапы.

— Джим, лежать!

Не отрывая от глаз бинокль, Волошин повернул пальцами окуляры — сначала в одну, а затем и в другую сторону, отыскивая наилучшую резкость, но видимости по-прежнему почти не было.

Голые, недавно вытаявшие из-под снега склоны высоты, с длинной полосой осенней вспашки, извилистым шрамом траншеи на самой вершине, несколькими свежими пятнами минных разрывов; и даже чахлый кустарник внизу — все

застилал сумрак быстро надвигавшейся ночи.

— Ну что ж, все ясно!

Он опустил подвешенный на груди бинокль и расслабленно откинулся к задней стенке траншеи. Дежурный разведчик, наблюдавший из соседней ячейки, зябко передернул плечами под серой замызганной телогрейкой:

— Укрепляется, гад!

Противник укреплялся, это было очевидно, и комбат с сожалением подумал, что вчера они допустили ошибку, не атаковав с ходу эту высоту. Тогда еще были некоторые шансы захватить ее, не вчера подвела артиллерия. У поддерживающей батареи остался всего с десяток снарядов, необходимых на самый критический случай; соседний батальон ввязался в затяжной бой за совхоз «Пионер», раскинувшийся на той стороне речки, и когда Волошин спросил относительно этой малозаметной, но, по-видимому, немаловажной высоты у командира полка, тот ничего не ответил. Впрочем, оно было и понятно: наступление выдыхалось, задачу свою полк кое-как выполнил, а дальше, наверно, еще не было определенного плана и у штаба дивизии. И все-таки высоту надо было взять. Правда, для этого одного потрепанного в трехнедельных боях батальона

было недостаточно, но вчера на ее голой крутоватой вершине еще не была отрыта траншея, а главное — правый фланговый склон над болотом, кажется, не был еще занят немцами. Заняли они его утром и весь день, не обращая внимания на пулеметный обстрел, по всей высоте копали. Отсюда было хорошо видно, как там мелькала над брустверами черная россыпь земли; под вечер из совхоза подошло несколько грузовых машин, и немецкие саперы до ночи таскали по траншее бревна и оборудовали блиндажи и окопы. Ночью, пожалуй, заминируют и пологие, вытянувшиеся до самого болота склоны.

Вокруг быстро темнело, над голым мартовским пространством все гуще растекались холодные сумерки, в которых тускло серели пятна еще не растаявшего снега во впадинах, ровках, под взмежками, на заросшем жидким кустарником болоте. Было холодно. С востока дул порывистый морозный ветер, с ним на пригорок НП долетал запах дыма, напомнивший комбату о его убежище — землянке, куда он ни разу за день не зашел. Джим, будто поняв намерение хозяина, поднялся, шагов пять пробежал по траншее и вопросительно глянул серьезными, немножко печальными глазами.

— Так. Прыгунов, наблюдайте. И слушайте тоже. Если что — сразу докладывайте.

— Есть, товарищ комбат.

— Только не вздумайте курить.

— Некурящий я.

— Тем лучше. На ужин подменят.

Обдирая стены узкой траншеи палаткой, наброшенной поверх шинели, комбат быстро пошел вниз к землянке, все настойчивее соблазнявшей относительным теплом, покоем, котелком горячего супа. Впрочем, сооруженная за одну ночь землянка получилась не бог весть какая — временное полевое пристанище на день-два, вместо бревен крытая жердками и соломой с тонким слоем земли наверху. Двери тут вообще никакой не было, просто на входе висела чья-то палатка, приподняв которую комбат сразу очутился возле главной радости этого убежища — переделанной из молочного бидона, хорошо уже натопленной печки.

— О, блаженство! — не удержался он, протягивая к теплу настывшие руки. — Как в Сочи! Что улыбаетесь, Чернорученко? Вы были в Сочи?

— Не был, товарищ комбат.

— То-то!

Немолодой, медлительный в движениях и мол-

чаливый телефонист Чернорученко, защемив между плечом и ухом телефонную трубку, заталкивал в печку хворост и все улыбался, наверно, имея в виду что-то веселое. Комбат машинально перевел взгляд на других, кто был в землянке, но и те тоже заговорщически улыбались: и ординарец комбата Гутман, который, стоя на коленях, в стеганых брюках, сучил в зубах длинную нитку, и разведчик, что, опершись на локоть, лежал на соломе и дымил самокруткой. Один только начштаба лейтенант Маркин в наброшенном на плечи полушубке сосредоточенно возился со своими бумагами в тусклом свете стоящего на ящике карбидного фонаря. Но Маркин вообще никогда не улыбался, ничему не радовался, сколько его знал комбат, всегда был такой — отчужденный от прочих, погруженный в самого себя.

— Что случилось?

Капитан задал этот вопрос, несколько даже заинтригованный всеобщим молчанием, и Чернорученко, неуклюже выпрямившись, переступил с ноги на ногу. Однако первым заговорил Гутман:

— Сюрприз для вас, товарищ комбат.

Сюрпризов на фронте хватало, они сыпались тут ежечасно, один неожиданнее другого, но те-

перь Волошин почувствовал, что этот, пожалуй, был не из худших. Иначе бы они так не улыбались.

— Что еще за сюрприз?

— Пусть Чернорученко скажет. Он лучше знает.

Неуклюжий и длиннорукий Чернорученко, смущенно улыбаясь, взглянул на Гутмана, потом на лейтенанта Маркина, не решаясь начать первым. Маркин коротко ободрил бойца:

— Ну говори, говори.

— Орден вам, товарищ комбат. Из штаба звонили.

Волошин и сам уже начал догадываться и теперь понял все сразу. Не сказав ни слова, он перешагнул через длинные ноги разведчика, сбросил с себя плащ-палатку и сел подле ящика начальника штаба. Джим с почтительной важностью воспитанного пса опустился на задние лапы рядом.

Волошин молчал. На секунду в его душе мелькнуло радостное и в то же время неизвестно почему немного неловкое чувство. Орден — это хорошо, но почему только ему? А другим? Между тем все происходило, наверно, как и должно было происходить на войне, — месяца два назад

послали бумаги с представлением его к ордену Красного Знамени, он знал об этом и какое-то время даже ждал ордена. Но потом началось наступление, трудные, затяжные бои за высотки, деревни и хутора, и он не очень уж и надеялся, что награда застанет его в живых. И вот, выходит, застала, значит, еще суждено сколько придется поносить на груди и этот боевой орден. Что ж, в общем он был доволен, хотя внешне ничем и не выразил своего удовлетворения.

— Так что поздравляем, товарищ капитан! — сказал Гутман. — Вот тут я и обмывочку расстарался.

Он выхватил откуда-то алюминиевую фляжку и встряхнул ее. Во фляге булькнуло. Волошин смущенно поморщился:

— Пока спрячь, Лева. Обмывочка не проблема.

— Ого! Не проблема! Да я ее едва у старшины второго батальона выцыганил. Самая проблема! Вон лейтенант весь вечер на нее поглядывает.

— Глупости вы городите, Гутман, — серьезно заметил Маркин.

— Вот лейтенанту и отдай, — спокойно сказал комбат. — А мне лучше портянки сухие поищи.

— Ай-яй! Портянки — такое дело!

Он вытащил из-под соломы туго набитый ве-

щевой мешок и ловко развязал его:

— Вот сухонькие.

— Спасибо.

— И снимите шинель — пуговицу в петлицу вошью. А то уже третий день обещаете.

— Только чтоб одинаково было: на правой и на левой.

— Будет в аккурат. Не сомневайтесь.

Он не сомневался. Гутман был испытанный мастер на все возможные и невозможные дела — все у него получалось удивительно легко и просто. Комбат привычно расстегнул командирский ремень, скинул с плеч двойную портупею, кобуру с ТТ, снял свою комсоставскую, некогда шитую на заказ, но уже основательно потрепанную и побитую осколками шинель. Гутман широким портняжным жестом раскинул ее на коленях.

— И кто придумал эти пуговицы в петлицы? Ни склад у, ни ладу.

— Тебя не спросили, Гутман, — буркнул Маркин. — Придумали, значит, так надо было.

— А по мне, так лучше кубари. Как прежде.

Комбат с наслаждением вытянул на соломе отекшие за день ноги и, рассеянно слушая разговор подчиненных, достал из брючного кармашка часы — плоские, с тоненькими стрелками и уди-

вительно точным ходом. Он положил часы на край ящика, чтобы видеть их светящийся циферблат, и начал свертывать самокрутку.

Первая волнующая радость постепенно уходила, вытесняемая насущными заботами дня, он смотрел на часы и думал, что скоро надо будет звонить на полковой КП, докладывать обстановку. Как почти и всегда, эти минуты были до отвращения неприятны ему и портили настроение до и после доклада. Сколько уже времени, как полком стал командовать майор Гунько, а комбат-три Волошин все еще не мог привыкнуть к его начальническим манерам, которые нередко раздражали, а то и злили его.

— Из полка звонили?

Маркин оторвался от бумаг, вспоминая, моргнул — его лицо с густоватой щетиной на щеках при скупом свете карбидки выглядело почти черным.

— Звонили. Будет пополнение.

— Много?

— Неизвестно. В двадцать два ноль-ноль приказано выслать представителя от батальона.

Лейтенант озабоченно посмотрел на часы — малая стрелка приближалась к восьми. Комбат откинулся к стене землянки и затянулся само-

круткой. Стена ничуть не прогрелась и даже сквозь меховой овчинный жилет чувствительно холодила спину.

— Про высоту шестьдесят пять не спрашивали?

— Нет, не спрашивали. А что, все копают?

— Дзоты строят. Как бы завтра не того... Не пришлось брать.

— Да ну! — усомнился Маркин. — Семьдесят шесть человек на довольствии.

Эта названная Маркиным цифра, хотя и не была неожиданностью для комбата, остро задела его сознание — всего семьдесят шесть! Совсем недавно еще было почти на сто человек больше, а теперь вот осталось менее половины батальона. Сколько же останется через неделю? А через месяц, к лету? Но он только подумал так, усилием подавил неприятную мысль и вслух сказал о другом:

— Через день-два будет хуже. Укрепятся.

Лейтенант бросил беглый взгляд на выход, прислушался и тихо заметил:

— А может, не докладывать? Молчат, и мы промолчим.

— Нет уж, спасибо, — сказал комбат. — Будем докладывать как есть.

— Ну что ж, можно и так.

Гутман старательно пришивал пуговицу, Чернорученко хозяйничал возле печки, разведчик, натянув на голову бушлат, старался заснуть перед дежурством. Маркин с помощью карандаша и шомпола разлиновывал в тетрадке графы «формы 2-УР» — для записи предстоящего пополнения. Комбат рассеянно смотрел, как однобоко тлеет бумага на конце его самокрутки, и думал, что война, к сожалению или к счастью, не дает ни малейшей свободы в том выборе, который имеет в виду лейтенант Маркин.

Среди всех возможностей, которые предоставляет ситуация, на войне чаще выпадает самая худшая, плата за которую почти всегда — солдатские жизни. Трудно бывает с ней согласиться, но и поиски путей в обход обычно приводят не только к конфликту с совестью, но и кое к чему похуже. Командира это касается куда в большей мере, чем рядового бойца, тут следует быть очень строгим в отношении к самому себе, чтобы потом требовать того же и с подчиненных.

— Можно так, можно и этак? А, товарищ Маркин? — вдруг переспросил комбат. Лейтенант, что-то уловив в голосе комбата, смущенно повел плечами:

— Да я ничего. Не мое дело. Вы командир батальона, вам и докладывать. Я просто предложил.

— Из каждого положения есть три выхода, — поднял от шитья голову Гутман. — Еще Хаймович сказал...

— Помолчите, Гутман, — сказал комбат. — Не имейте такой привычки.

— Виноват!

Комбат минуту молчал, а затем тихо спросил, вроде бы между прочим:

— Вы, Маркин, в окружении долго были?

— Два месяца восемнадцать суток. А что?

— Так просто. В прошлом году я тоже вскочил. Почти на месяц.

— Так вы же с частью вышли, — не удержавшись, вставил свое Гутман.

Комбат посмотрел на него твердым продолжительным взглядом.

— Да, я с частью, — наконец сказал он. — В этом мне повезло. Хотя от полка осталось сорок семь человек, но было знамя, был сейф с партдокументами. Это и выручило. Когда вышли, разумеется.

Маркин положил на ящик карандаш и шомпол, дернул на плече полушубок. Глаза его возбужденно заблестели на вдруг оживившемся лице.

— А у нас ничего не осталось. Ни знамени,

ни сейфа. Горстка бойцов, десяток командиров. Половина раненые. Кругом немцы. Комиссар застрелился. Командира полка тиф доконал. Собрали последнее совещание, решили выходить мелкими группами. Пошли, напоролись на немцев. Неделю гоняли по лесу. Кору ели. Наконец вырвались — двенадцать человек. Смотрим, что-то больно уж тощие тут фронтовички. И курева нет. Едят конину. Слово за слово — выясняется, так и они же в окружении. Вот и попали из огня да в полымя. Еще припухали месяц.

— Это где?

— Под Нелидовом, где же. В тридцать девятой армии.

— Да, там невеселые были дела. Как раз в конце лета к нам пробивались. Убитого командарма вынесли, хоронили в Калинине.

— Ну. Генерал-лейтенант Богданов. Геройский мужик. А что он мог сделать? В прорыв сам на пулеметы вел и погиб.

— Тридцать девятой хватило. Двадцать девятой тоже.

— А тридцать третьей? А конникам Белова и Соколова?

— Тех совсем немного осталось, — согласился комбат.

— Неудачник я! — вдруг сказал Маркин, и Гутман с Чернорученко настороженно подняли головы. — Что пережил, врагу не пожелаю. В резерве встречаю товарища, вместе выпускались. Два ордена, шпала в петлице. А я все лейтенант.

Комбат оперся локтем на ящик и искоса посмотрел на притихших бойцов:

— Напрасно вы так считаете, Маркин. До Берлина еще длинный путь.

— А! — махнул рукой Маркин и снова взялся за шомпол. — Много ли их тут линеить? Знать бы хотя, сколько дадут. А то налинеишь, а толку из того? Товарищ комбат, — поднял он лицо к Волошину, — из пополнения надо писаря подобрать. А то сколько можно?

— А вы вон Гутмана обучите. По совместительству. Или Чернорученку.

Телефонист смущенно заворошился возле аппарата, а Гутман почти обиделся:

— Ну, скажете, товарищ комбат! Я работу люблю. А это...

— А это что — не работа? — зло сказал Маркин. — Вот посиди день над бумажками, так весь свет с овчинку покажется.

— Не люблю.

— Ну конечно. Куда веселее по полям бегать.

Трофейчики и так дальше...

— Ладно, Гутман, кончай шитье. А то уже спина заколела, — остановил спор комбат.

— А вы — мой полушубок.

— Нет уж, спасибо. В твоем полушубке, наверно, того... Диверсанты бегают.

— Немного, товарищ комбат. Куда же от них денешься? Ну вот и все. Пожалуйста!

— Давай. Посмотрим, какой ты портняжных дел мастер.

Комбат взял из рук ординарца шинель и надел ее. Потом привычными точными движениями набросил на плечи портупею, застегнул ремень, сдвинул на место кобуру.

— Ну вот, петлички теперь в аккурат! Ну что же, спасибо, — сказал он. — Чернорученко, вызывайте десятого «Волги». Поговорим с начальством.

Глава вторая

Но поговорить с начальством в этот раз не удалось.

Не успел телефонист повернуть ручку своего желто-кожаного американского аппарата, как где-то наверху с нарастанием завизжало, донеслось несколько слабых минометных выстрелов, и тотчас близкие разрывы встряхнули землю. На солому, на печку с потолка сыпануло землей, огонек в фонаре вздрогнул, заколебав по стенам горбатые тени. Маркин ниже пригнулся над своими бумагами, Гутман схватил автомат и полушубок. Карбидный огонек в фонаре еще не успокоился, как завизжало снова и снова рвануло. От серии не менее чем из десяти разрывов ходуном заходила землянка.

— Что за черт!

Комбат сунул за пазуху уже приготовленную к докладу карту и рванул палатку на входе. В ночных сумерках над пригорком густо мелькали туго натянутые нити трасс — оттуда, с высоты, через их головы к лесу. Очереди были длинные и крупнокалиберные: дуг-дуг-дуг — донеслось с

высоты. Но, выпустив пол-ленты, пулемет вдруг замолк, стало тихо, в темном студеном небе сонно сверкали высокие звезды. Судя по всему, немцы что-то подкараулили в ближнем тылу под лесом. Гутман, стоя в траншее, поспешно подпоясывал полушубок, и комбат кивнул головой:

— А ну — пулей! Туда и назад!

— Есть!

Обрушив землю, ординарец выскочил из траншеи, его сапоги протопали в темноте и затихли вдали, а комбат еще постоял, вслушиваясь в неясные звуки вокруг. Но вблизи опять стало тихо, только где-то за лесом от далекой артиллерийской канонады слабым отсветом вспыхивал край неба.

— Это артиллеристы — разини! Всегда они по ночам засветят, — с раздражением сказал из землянки Маркин.

Комбат не ответил. Сзади зашуршала палатка, пятно света от фонаря косо легло на стенку траншеи, в которую высунулась голова Чернорученко.

— Товарищ комбат, десятый!

Ну вот, так и знал. Стоит на минуту промедлить с докладом, как уже вызывает сам. Внутренне поморщившись, комбат взял из рук телефониста

трубку, большим пальцем решительно повернул клапан.

— Двадцатый «Березы» слушает.

— Почему не докладываете? Что там у вас за артподготовка? Опять не выполняете правил маскировки?

С первых слов, раздавшихся в трубке, было понятно, что майор уже поужинал и обретал свой обычный раздраженно-придирчивый тон. Но каскад его вопросов, предназначенных своей строгостью ошеломить собеседника в самом начале, был уже привычен комбату, давно не подавлял и не злил даже. Что делать — Волошин уже примирился с ролью нелюбимого подчиненного, терпел, впрочем, иногда огрызаясь. В общем, все было просто и даже нормально, если бы их явно неприязненные отношения не отражались иногда на батальоне, хотя тут уж он был бессилен. Комбат по обыкновению терпеливо выслушивал все и не спешил с оправданиями — выжидал, пока начальство выскажется до конца. Теперь к тому же он ждал, что вот-вот появится Гутман.

— Але! Что вы молчите? Или вы заснули там? — рокотало в трубке.

И тогда комбат позволил себе немного иронии, на которую командир полка обычно реагировал

вполне серьезно.

— Стараюсь привести в систему ваши вопросы.

— Что? Какая система? Вы мне не мудрите, вы отвечайте.

— На столько вопросов не сразу ответишь.

— Плохой тот командир, который не умеет как надо доложить начальству. Надо на ходу смекать. Начальство с полуслова понимать надо.

— Спасибо.

— Что?

— Спасибо, говорю, за науку. И докладываю обстановку, — решительно перебил комбат, чтобы разом покончить с надоевшими нравоучениями, к которым командир полка питал явную склонность. — Противник продолжает укреплять высоту «Большую». Визуально отмечены земляные работы с использованием долгосрочного покрытия — бревен. Также продолжается...

— А вы воспрепятствовали? Или соизволили спокойно смотреть, как фрицы траншеи размечают?

— Траншеи, к сожалению, они разметили ночью, — нарочно не замечая издевки, спокойно докладывал комбат. — К утру все было отрыто почти в полный профиль. Пулеметный огонь оказался малоэффективным по причине пуле-

непробиваемости укрытий. Другие средства воздействия отсутствуют. У Иванова огурцов всего десять штук. Я уже вам докладывал.

— Слыхал. А кто это у вас дразнит немцев? Что за расхлябанность такая в хозяйстве? Наверно, костры жгут? Или из блиндажей искры шугают снопами? У вас это принято.

— У меня это не принято. Вы путаете меня с кем-то.

Это уже было дерзостью со стороны подчиненного; майор на несколько секунд замолчал, а затем другим тоном, спокойнее, однако, чем прежде, заметил:

— Вот что, капитан, не тебе поправлять, если и спутал. Молод еще.

Но, кажется, иссякало терпение и у комбата:

— Попрошу на «вы».

— Что?

— Попрошу называть на «вы».

Волошин сам начал терять выдержку, его так и подмывало швырнуть в угол эту проклятую трубку и больше не брать ее в руки, ибо весь разговор, по существу, представлял неприкрытые начальственные придирки и его оправдания, когда одна сторона позволяла себе все, что угодно, а другая должна была всячески соблюдать вежливость. Но

стоило комбату переступить через сковывающее чувство подчиненности и принять предложенный тон, как голос на том конце провода заметно изменился, притих, командир полка помедлил, прокашлялся и, кажется, сам уже готов был обидеться.

— Уже и в пузырь! Подумаешь, на «ты» его назвал! Назвал, потому что имею право. Вы моложе меня. А на старших в армии не обижаются. У старших учатся. Кстати, едва не забыл, — совсем уже изменил тон Гунько. — Красное Знамя получишь. Приказ прибыл. Так что поздравляю.

«Вспомнил!» — неприязненно подумал комбат и не ответил на это запоздалое и испорченное вконец поздравление. Незанятой рукой он взял из пальцев телефониста его окурок, зубами оторвал заслюнявленный конец. Однако не успел он затянуться, как рядом, коротко рыкнув, вскочил на ноги Джим. Близко в траншее послышался топот, шорох палаток, слыхать было, как кто-то спрыгнул с бруствера. Чернорученко бросился к выходу, но сразу же отшатнулся в сторону и прижался спиной к земляной стене.

— Куда тут?

— Прямо, прямо, — послышался издали голос Гутмана.

— Осторожно, ступеньки.

— Вижу.

В земляной пол возле печки ударил яркий луч света из фонарика, который затем метнулся под чьи-то ноги. Отбросив в сторону край палатки, в землянку ввалился грузный человек в теплой, с каракулевым воротником бекеше.

Джим возле комбата опять угрожающе рыкнул и рванулся вперед. Волошин в последнее мгновение едва успел ухватить его за косматый загривок. Пес ошалело взвился на задние лапы, человек в коротком испуге отпрянул назад и раздраженно выругался.

— Что тут за псарня?

— Джим, лежать! — строго скомандовал комбат. Джим нехотя отступил и стал рядом, позволив вошедшему сделать три шага к свету.

Под палатку тем временем лезли и еще, землянка быстро становилась тесной и холодной, но Волошин впился глазами в этого первого, который выглядел явно чем-то взволнованным и рукой все держался за обнаженную голову. Сначала комбату показалось, что он растирает рукой озябшее ухо, но человек наклонился к свету, отнял руку от головы и поглядел на ладонь. На ней была кровь. Тут же к нему шагнул второй,

в полушубке, с тонкой планшеткой на боку. При свете фонаря он начал вытирать окровавленную щеку вошедшего, на широком погоне которого вдруг блеснула большая генеральская звезда.

Волошин стоял в стороне, понимая уже, что это начальство и что немедленно следует доложить. Но момент был непростительно упущен, теперь просто неловко было подступиться к нему, комбат слишком промедлил и с досадным чувством совершенной оплошности шагнул к генералу:

— Товарищ генерал...

— А тише нельзя?

Генерал вполоборота повернул к нему недовольное, в морщинках лицо с седым клочком коротеньких усов под носом. Секунду они молча стояли так, друг против друга, оба напряженные, большие и плечистые.

— Зачем так громко? Мы же не на плацу.

Волошин еще помедлил, подумав, что, наверное, сказывается близость передовой. Но все-таки он окончил доклад, хотя и тише, чем начал, и генерал, переставив на ящике фонарь, сел с краю, не отрывая руки от виска, на котором кровоточила рана. Тот, второй, майор в полушубке, что вытирал ему щеку, повернулся к Маркину:

— Медпункт далеко?

— Через четыреста метров. В овражке.

— Пошлите за врачом.

— Врача у нас нет. Санинструктор, товарищ майор.

— Не имеет значения. Пошлите за санинструктором.

Волошин кивнул ординарцу:

— Гутман!

— Есть!

Ординарец выскочил в траншею, и в землянке воцарилась неловкая гнетущая тишина. Начальство молчало, по обе стороны от него в почтительном молчании замерли Волошин и Маркин. У порога над печкой грел руки какой-то плечистый боец в бушлате. Майор поискал глазами место, чтоб сесть, и увидел Джима, настороженные уши которого торчали из тени.

— Овчарка?

— Овчарка, — сдержанно сказал комбат и отступил в сторону. Генерал, грузно повернувшись на ящике, с любопытством посмотрел на пса:

— О, зверюга! Как звать?

— Джим, товарищ генерал.

Генерал снисходительно пошлепал ладонью по поле бекеши:

— Джим, Джим, ко мне!

Но Джим, не двинувшись, тихо и угрожающе рыкнул.

— Не пойдет, — сказал комбат.

— Ну это мы еще посмотрим, — бросил генерал и перевел взгляд на комбата: — Давно командуете батальоном?

— Семь месяцев, товарищ генерал.

— А чем раньше командовали?

— Ротой в этом же батальоне.

— Подождите, как, вы сказали, ваша фамилия?

— Волошин.

— Эта не ваша рота захватила переправу в Клепиках?

— Моя, товарищ генерал.

Комбат ожидал, что генерал похвалит или расспросит подробнее об этом его известном в дивизии бое, за который он получил первый свой орден. Но генерал спросил совсем о другом:

— Где передний край вашего батальона?

— По юго-западным склонам, вдоль болота.

— Покажите на карте.

Комбат достал из-за пазухи потертую гармошку карты и развернул ее перед генералом. Он уже догадывался, что было причиной недавней перепалки на передовой, и думал, что генерал сравнительно легко отделался. Могло быть хуже.

Но зачем ему понадобилось так близко подъезжать к передовой — пока что оставалось для комбата загадкой.

— Вот. Передовая траншея по промежуточной горизонтали над самым болотом.

При тусклом свете карбидки генерал молча принялся разбираться в карте, заметно относя ее подальше от глаз. К нему наклонился майор, который немного повглядывался в знаки рельефа и объявил с уверенностью:

— Ну, я же докладывал. Именно так: высота шестьдесят пять ноль.

— Гм, да. Высота шестьдесят пять ноль. Так что же, выходит — она у противника?

Генерал поднял на комбата тяжелый укоряющий взгляд.

— У противника, — просто ответил Волошин.

— Почему вы ее не взяли?

— Не было приказано, товарищ генерал.

— Вот как! — недоверчиво сказал генерал и приказал решительным голосом: — Вызывайте сюда командира полка!

Волошин повернулся к телефонисту:

— Чернорученко, вызывайте «Волгу».

Майор тем временем достал из кармана большую коробку «Казбека», протянул ее генералу,

который одной рукой взял папиросу и прикурил от услужливо поднесенной зажигалки. Потом прикурил майор. В землянке растекся душистый, чужой среди ее дымной махорочной вони запах, и Волошин подумал, что, судя по всему, назревает скандал. Он по-прежнему стоял возле генерала в напряженно-выжидательной позе подчиненного, в которой, однако, ощущалась и определенная независимость человека, убежденного в своей правоте. Хотя перспектива, судя по всему, очерчивалась для него не весьма завидная.

Чернорученко передал на «Волгу» генеральский вызов, и в землянке опять все замолчали, как при покойнике. В этой настороженной тишине привычно прошуршала палатка, из-под которой в землянку проскользнула Веретенникова, санитарный инструктор седьмой стрелковой роты. За нею влез Гутман. Волошин мрачно двинул бровями и тихо про себя выругался — Веретенникова сутки назад должна была отбыть из батальона. Он уже получил за нее выговор от командира полка, и теперь вот, наверно, предстоит получить второй. Веретенникова тем временем быстро окинула взглядом знакомых и незнакомых в землянке людей и, вскинув к ушанке руку, уверенно шагнула к раненому:

— Товарищ генерал, младший сержант Веретенникова прибыла для оказания первой помощи при огнестрельном ранении.

Наверно, не каждый старшина роты сумел бы доложить так складно и уверенно, как эта девчонка в явно широковатой для нее солдатской шинели. Строгое, насупленное лицо генерала удовлетворенно разгладилось.

— Хорошо, дочка! Посмотри, что тут мне фрицы наделали.

Веретенникова, однако, не трогаясь с места, снова вскинула руку к краю своей цигейковой шапки:

— И разрешите обратиться по личному вопросу, товарищ генерал.

Генерал уже несколько удивленно приподнял голову, но, прежде чем он ответил, Веретенникова выпалила:

— Прикажите комбату оставить меня в батальоне.

Озадаченный ее обращением, генерал неопределенно хмыкнул и искоса из-под сурово надвинутых бровей взглянул на комбата. Волошин выдавливал на щеках желваки, едва сдерживая в себе возмущение за эту более чем бесцеремонную выходку санитарного инструктора.

— А что, он вас прогоняет отсюда? — холодно спросил генерал.

— Отправляет в тыл.

— Таков приказ по полку, — сдержанно объяснил комбат. — Санинструктор Веретенникова комиссована как непригодная к строевой службе. А вы, товарищ младший сержант, должны бы знать, как в армии полагается обращаться к старшим начальникам!

Веретенникова, однако, оставив без внимания его слова, по-прежнему держала руки по швам и, не сводя глаз с генерала, ждала ответа. Генерал едва заметно повел левым плечом:

— Я не могу этого решить. Обращайтесь к вашему непосредственному начальству.

Девушка обиженно прикусила губу и резким, почти демонстративным движением рванула вперед санитарную сумку. Генерал повернулся раной к свету, Веретенникова бегло осмотрела его висок.

— Надо остричь.

— Всего? — удивился генерал с нотками юмора в голосе.

Веретенникова генеральский юмор оставила без внимания:

— Вокруг раны.

— Ну что ж! Стриги, если есть чем.

— Найдется.

Она вынула из сумки ножницы и довольно ловко остригла седоватый висок генерала. Генерал поморщился, терпеливо пережидая парикмахерскую операцию. Затем Веретенникова достала из сумки сверток бинта, и ее маленькие руки в подвернутых рукавах шинели начали ловко выстраивать сложную схему головной повязки. Несколько раз обмотав бинтом голову, она пропустила его под челюсть, и это не понравилось генералу:

— Отсюда убери. Шея у меня здоровая.

— Так надо, — сказала Веретенникова. — Согласно наставлению.

Генерал резко повернулся к ней всем своим грузным телом:

— Какое наставление! Мне руководить войсками, а вы из меня чучело делаете!

— Иначе повязка не будет держаться.

— Тогда ты не умеешь перевязывать.

— Умею. Не вас первого.

— Сомневаюсь!

— Так перевязывайтесь сами!

Точным сильным рывком она оборвала бинт, и не успели еще присутствующие в землянке что-

либо понять, как взметнулась на входе палатка и санинструктор исчезла в траншее.

— Что за безобразие! — почти растерялся генерал. Возле его уха висели длинный и короткий несвязанные концы бинта. Все время молчавший майор вскочил с соломы и угрожающе бросился к выходу:

— Товарищ санинструктор! А ну вернитесь!

— Не вернется! — тихо сказал в углу Гутман, и Волошин, едва сдерживая гнев, выразительно взглянул на него. Но майор уже обращался к командиру батальона:

— Как то есть не вернется? Комбат!

Это был приказ, комбат обязан был что-то предпринять, чтобы выполнить волю начальства, и, хотя сам почти был уверен, что Веретенникова не вернется, решительно вышел в траншею:

— Младший сержант Веретенникова!

Ночь ударила в лицо глухой молчаливой тьмой, ветер крутил над траншеей дым из трубы. Комбат прислушался: поблизости нигде не слышно было ни звука.

— Веретенникова!

Она не откликнулась, и он, борясь с нахлынувшим чувством гнева, постоял еще несколько минут, охваченный продымленным холодом.

Это было черт знает что, не хватало еще ему, командиру батальона, бегать за этой своевольной девчонкой. Позор, да и только! Но хорош и ротный — лейтенант Самохин, которому он еще вчера утром лично приказал отправить санинструктора в распоряжение начсанслужбы дивизии. Самохин тогда сказал «есть!», а теперь вот это ее скандальное появление перед генералом...

Возвратясь в землянку, комбат, нарочно ни к кому не обращаясь, бросил вполголоса «не догнал», и генерал с едва скрываемым презрением посмотрел на него. Комбат ждал гневных упреков, выговора и, наверно, выслушал бы их молча, сознавал, что был виноват. Но там, где дело касалось военных девчат, он чувствовал себя беспомощным. Вся его воспитанная за годы воинской службы логика поведения заходила в тупик, когда он сталкивался с самым банальным девичьим капризом. Впрочем, как и многие на войне, он считал, что армия и женщина несовместимы, что это недоразумение — женщина на войне.

Но генерал в этот раз лишь устало вздохнул и смолк, на его грубом лице застыло до поры сдерживаемое и в общем понятное теперь недовольство. Майор кое-как связал на его голове обрывки бинта и сел на солому. Комбат стал на

прежнее место. В землянке опять воцарилась неловкая, скованная присутствием большого начальства тишина, которую, к счастью, вскоре нарушили долетевшие сверху звуки. Это был конский топот, затем короткий, но более громкий, нежели обычно, окрик часового с НП. Волошин с облегчением выдохнул — приехал командир полка.

Майор Гунько решительно вошел в землянку, быстрым взглядом окинул фигуры присутствующих, безошибочно определив среди них начальство, и коротко, но четко представился. Генерал, однако, неподвижно сидел на ящике, нахмурив брови, и Гунько смущенно переступил с ноги на ногу. В тишине слышно стало, как прошуршала его наброшенная поверх шинели палатка и тоненько звякнула на сапоге шпора.

— Вы что — командир кавалерийского полка? — тоном, не обещавшим ничего хорошего, спросил генерал.

— Никак нет! Стрелкового, товарищ генерал.

— На какого же черта тогда у вас шпоры?

Майор в замешательстве передернул плечами и снова замер, не отрывая взгляда от генерала, который вдруг энергично вскочил с ящика. Тень от его грузной фигуры накрыла половину зем-

лянки.

— Вы бы лучше порядок у себя навели! И менее заботились о своем кавалерийском виде! А то у вас бардак в полку, товарищ майор!

Видно, еще мало что понимая, майор стоял смирно и невинно смотрел в рассерженное лицо генерала. А тот, вдруг замолчав, через плечо бросил бойцам, столпившимся возле печки:

— А ну — покурите там!

Гутман, Чернорученко, боец в бушлате и разведчик вылезли в траншею. В землянке стало просторней, генерал отступил в сторону, и огонек фонаря тускло осветил немолодое, страдальчески напряженное лицо командира полка.

— Какая у вас позиция? Где вы засели? В болоте? А немцы сидят на высотах! Вы что, думаете, они вам оттуда будут букеты бросать? Платочками махать?

— Я так не думаю, товарищ генерал! — невозмутимо сказал Гунько.

— Ах, вы не думаете? Вы уже поняли? А вы знаете, что все подъезды к вам простреливаются пулеметным огнем? Вот полюбуйтесь! — генерал ткнул пальцем в свой забинтованный лоб. — Едва к архангелу Гавриилу не отправили. А «виллис» колесами вверх лежит. Новый вы мне дадите?

— Виноват!

— Что?

— Виноват, товарищ генерал!

Комбат едва заметно улыбнулся — уже и виноват! В чем тут вина командира полка, трудно было себе представить, не то что признаться в ней. Скорее всего виноват шофер, не сумевший проехать в темноте и, наверно, включивший подфарники. Но майор Гунько, донятый гневом большого начальника, по-видимому, готов был принять на себя любую вину, лишь бы не раздражать генерала. Впрочем, возможно, в этом и был резон, так как генерал, не встретив возражения, скоро замолк, подошел к угасавшей без присмотра печурке и начал толкать в нее разбросанный по земле хворост. В землянку повалил дым, генерал закашлялся, притворил дверцу.

— И вот он тоже виноват! — повернул он голову в сторону командира батальона. — Он должен был взять высоту. А не сидеть в болоте.

— Так точно, товарищ генерал! — вдруг бодро ответил Гунько и почти обрадованно обернулся к Волошину. Страдальческое выражение на его лице сменилось надменно-требовательным оттого, что начальственный гнев переходил на другого. Волошин с холодным недоумением по-

жал плечами:

— Мне не было приказано ее брать.

Генерал поднялся от печки, возле которой его услужливо сменил майор в полушубке. В печи загудело, затрещало, все ее щели ярко засветились пламенем.

— Вот он уже второй раз оправдывает свою бездеятельность отсутствием приказа. По плану командующего высота в вашей полосе? — спросил генерал, и командир полка поспешно схватился за свою полевую сумку.

— Так точно. Для меня включительно.

Немного суетливее, чем следовало, он достал из сумки испещренный знаками лист карты, и они склонились над ней в тусклом свете карбидки. Комбат чувствовал, что тут что-то напутано, но молчал, с покорной готовностью подчиненного ожидая, что будет дальше. И вдруг генерал выругался:

— Где же включительно? На карте для вас исключительно.

— Так точно, исключительно, — поспешил подтвердить командир полка.

— Так что же вы путаете? Или вы не понимаете знака?

— Понимаю, товарищ генерал.

— Разгильдяи! — Генерал швырнул карту. — Слишком о себе заботитесь! — выкрикнул он и страдальчески приложил руку к повязке.

Волошин сузил глаза. Сдержанность, не покидавшая его все это время, начала изменять комбату.

— Надеюсь, товарищ генерал, ко мне это не относится.

Генерал сделал шаг к выходу и остановился:

— Относится! И к вам тоже относится! Вот мы разберемся — и будете завтра брать высоту штурмом. А то расположились мне, печки-лавочки!

Комбат молча про себя выругался, вот тебе и на — дождались наконец! Он уже чувствовал, что эти слова генерала — не пустая угроза, что очень даже возможно — прикажут, и придется брать высоту штурмом, особенно если в это дело вмешается такой высокий начальник. Но ведь столько упущено времени! Там, наверно, отрыты уже все траншеи, заложены минные поля, оборудованы все огневые позиции, и теперь — наступать! «Где же вы были сутками раньше, товарищ решительный генерал?» — думал командир батальона. Теряя остатки выдержки, он шагнул вперед и сказал как можно спокойнее:

— Судя по всему, высота шестьдесят пять ноль

включительно для полосы соседней армии.

Генерал остановился и вперил в комбата злой взгляд своих суженных колючих глаз. Его лоб под высоко надетой папахой резко белел в сумраке свежим бинтом. Комбат, не моргнув, почти с вызовом выдержал этот многозначительный взгляд.

— Ишь какой умник! Знает: соседней армии! А я вот нарезаю ее вам. А то — соседней! Вы знаете, где соседняя армия? У черта на куличках соседняя армия. Жуковку еще не взяла.

— Тем более нам нельзя вырываться. Открытый фланг.

— Смотрю, ты чересчур грамотный! За фланги беспокоишься. А ты бы побольше о фронте думал. О фронте! За фланги позаботятся кому надо.

— Я беспокоюсь за батальон, которым командую. А в батальоне и так семьдесят шесть человек на довольствии.

Генерал замолчал, засунув руки в карманы бекеши, прошагал к печке, назад к ящикам и остановился, задержав взгляд на робком огоньке фонаря. Майор Гунько, не сходя с места посреди землянки, почтительно повернулся к генералу.

— Командир полка, вы пополнение получали?

— Так точно. Сегодня в конце дня.

— Пополните его батальон.

— Будет сделано.

— Мне нужны еще командиры, — с упрямой настойчивостью сказал комбат. Его сдержанность перед генералом вдруг исчезла, вытесненная беспокойством перед неожиданно свалившейся новой задачей. Он уже весь был во власти этой задачи и теперь, воспользовавшись моментом, хотел изложить перед начальством все многочисленные нужды своего батальона. — У меня только один штатный командир роты. Недостает двенадцати командиров взводов. У меня у самого нет заместителя по политчасти — выбыл в госпиталь. Поддерживающая батарея артполка сидит без снарядов, — сказал он и умолк. Для начала было достаточно.

Наступило молчание. Командир полка, расслабив в колене ногу, продолжал стоять перед генералом, у которого все ниже на глаза оседали его тяжелые косматые брови.

Где-то на поверхности снова громыхнули разрывы, но в этот раз дальше, чем прежде; генерал настороженно вслушался и, как только эхо разрывов смолкло вдали, спросил у Гунько:

— Вы на лошади?

— Так точно.

— С коноводом? Одну лошадь дадите мне. Поедем в штаб.

Поняв, что самое неприятное минуло, майор Гунько будто стряхнул с себя все время владевшую им скованность школьника перед строгим директором.

— Пожалуйста, товарищ генерал. А ваш адъютант, если угодно, может подождать, я пришлю коня. Это быстро.

— Зачем ждать? — сказал майор-адъютант. — Мы пешком. Коновод поведет.

— Можно и так, — сговорчиво согласился Гунько, и у комбата как-то не в лад с его настроением мелькнуло в голове: какая почтительность! Эту граничащую с угодливостью почтительность Волошин наблюдал в своем командире впервые, никогда не подозревая прежде, что въедливый, желчный майор может оказаться таким покладистым. В другой раз он бы не преминул с удовольствием понаблюдать за новой чертой командира полка, но теперь, взбудораженный всем, что ему предстояло, грубовато спросил Гунько:

— Так мне что, готовиться к атаке?

Командир полка, в затруднении сморщив лоб, повернулся было к нему, потом к генералу, который старательно натягивал на руки перчатки.

— Вот разберемся, и получите приказ.

Волошин неторопливо достал часы:

— Уже почти двадцать два часа, товарищ генерал. В случае чего, когда же мне готовить батальон?

Генерал шагнул к выходу, но, остановившись, сказал с не покидавшей его язвительностью:

— Ишь забеспокоился! Раньше надо было беспокоиться, товарищ комбат.

— Раньше батальон имел другую задачу.

— Наступать — вот ваша задача! — повысил голос генерал. — Наступать! Запомните раз навсегда! Пока враг не изгнан из пределов нашей священной земли — наступать! Не давать ему покоя ни днем ни ночью. Забыли, чьи это слова? Напомнить?

Комбат зло молчал. Против этих слов у него не было и не могло быть возражений, тут он оказался припертым к стене. Это было почти унизительным — молча стоять так, под строгим генеральским взглядом, опустив руки по швам, и чувствовать, как генерал, празднуя над ним побед у, презрительно сверлит его своим начальственным взглядом. Да, он победил строптивого комбата и с высоты своей генеральской власти минуту демонстративно наслаждался этим. За-

тем протянул руку к палатке, чтобы выйти из землянки, как вдруг остановился, будто припомнив что-то.

— За отсутствие дисциплины в батальоне и эти штучки санитарного инструктора объявляю вам выговор, комбат. Вы слышите?

— Есть! — сжав челюсти, выдавил Волошин.

— Вот так! Получите в приказе по армии.

В мертвой тишине, которая наступила в землянке, генерал еще раз пронзил его властным взглядом и вдруг будто случайно увидел у стенки Джима.

— А собачку вашу мы заберем. Вам она ни к чему — командуйте батальоном. Крохалев!

Палатка на выходе приподнялась, и в землянку влез незнакомый боец в бушлате.

— Крохалев, возьмите пса!

Боец не очень решительно сделал два шага вперед и с протянутой рукой наклонился к Джиму. Пес угрожающе насторожился и вдруг с такой яростью гаркнул, что Крохалев в испуге отскочил к порогу. «Ага, черта он вам дастся! — злорадно подумал комбат. — Берите, ну!»

Генерал, уже приподняв палатку, вдруг обернулся:

— Что, не идет? Комбат, а ну дайте своего че-

ловека!

Волошин сжал челюсти, ощущая полный свой крах.

Генерал ждал, но у комбата все не хватало решимости на это позорное в отношении пса предательство.

Пауза затягивалась, генерал ждал, и Гунько деланно встрепенулся от возмущения:

— Вы слышали приказ? Где ваши бойцы? А ну там, в траншее, — живо!..

В землянку ввалился Чернорученко и вопросительно уставился на командира полка. За его спиной из-за палатки выглядывал Гутман.

— Берите собаку! Живо!

Чувствуя, что Джима уже не спасти, Волошин ледяным голосом приказал:

— Гутман, возьмите Джима!

— Куда? Это наш Джим. Куда его брать?

— Прекратить разговор! Выполняйте приказ!

Обезоруженный холодной неумолимостью комбата, ординарец недоуменно пожал плечами:

— Гм! Мне что! Я выполню. Джим, ко мне!

Пес доверчиво подался к Гутману, и тот взял его за ошейник. Джим не сопротивлялся, лишь недоумевающе спокойно посмотрел на комбата.

Волошин отвел взгляд в сторону, чтобы не выдать того, что он сейчас чувствовал. Но что понимала собака?

— Вот так! — удовлетворенно сказал генерал. — Проводите к штабу, товарищ боец.

Он включил фонарик, и все они друг за другом вылезли в траншею.

В землянке сделалось тихо, пустынно и холодно. Чернорученко взялся шуровать в печке. Лейтенант Маркин бесшумно вылез из темного угла и сел на свое место за ящиками.

Комбат в сердцах выругался и, рванув палатку, вышел в траншею.

Глава третья

Черт бы их взял, эти кусты и рогатины, которые в ночной темени будто кто специально понатыкал на его пути. Но уж действительно, если где есть какая коряга, то ночью обязательно налезешь на нее. Комбат встал, потер ушибленное колено, вслушался — нет, кажется, его еще не окликнули, хотя где-то поблизости должны были начаться ячейки седьмой роты. Почти на ощупь он прошел еще метров сто. Сапоги хрустко ломали высохший прошлогодний бурьян на обмежке, какое-то невидимое колючее сучье цеплялось за полы шинели, ветер надоедливо стегал по лицу незавязанными тесемками шапки. Впереди на небосклоне огромным пологим горбом чернела злосчастная высота, судьба которой решалась в эти минуты в штабе. Объятая ночной теменью, она казалась теперь совсем рядом, через болотце, тускло серевшее в ночи остатками грязного льда, и комбат с затаенным любопытством вгляделся в ее темные, перекопанные немцами склоны.

Нет, маскировались они отменно, не то что в первое лето, когда почти открыто разгуливали

по передовой в трусиках и играли в волейбол на огневых позициях. Теперь за всю ночь не услышишь ни звука — притаились, зарылись в землю и тихо сидят, готовя свое подлое дело. Но какое? И сколько их там, какой части, какую имеют задачу, где их огневые средства? — все это были вопросы, не найдя ответа на которые трудно рассчитывать на удачу. Особенно с такими силами. Семьдесят человек — по существу, одна стрелковая рота, без артподдержки, без саперов и танков — на довольно уже укрепленную высоту. Если еще и не подготовиться как следует, то и высоты не возьмешь, и людей погубишь всех без остатка.

— Стой! Кто идет? — послышалось в темноте.

Не спеша с ответом, комбат повернул на окрик и вскоре различил на темной земле глинистый бугорок бруствера, возле которого темнела ямка окопчика, и в ней шевелился кто-то. Боец не окликал больше, наверно, еще издали узнал комбата. Вообще это был непорядок, но капитан смолчал, он уже привык, что в батальоне его узнавали всюду по первому звуку его шагов и первому слову его команды. Так же молча комбат ступил на мягкую землю невысокого брустверка. Боец с поднятым воротником шинели и в каске поверх шапки выжидательно застыл в окопчике:

— Где командир роты?

— Дальше, товарищ комбат. Там кустики есть, так он возле кустиков.

— Как немец?

— Молчит, товарищ комбат, — глухим простуженным голосом ответил боец. Волошин вгляделся попристальнее — нет, боец был незнакомый, наверно, из недавнего пополнения — худенький, озябший, с острым подбородком под каской. Всех старых пехотинцев седьмой он знал еще с того времени, как сам командовал этой ротой. Но старых уже осталось немного.

— Как фамилия?

— Моя? — тихо переспросил боец. — Рядовой Тарасиков.

— Откуда родом?

— Я? Саратовский, — сказал он и притих, наверно, в ожидании новых, в этом же смысле, вопросов.

Комбата, однако, интересовало другое.

— Машин там не было слышно? Не гудели?

— Машин? Нет, не слыхал. С вечера где-то лопатками близко тупали. Похоже, вон там, возле овражка, — указал в темноту боец. — Наверно, дзот строят.

Дзот — это конечно, без дзота они не обойдутся.

Но будет хуже, когда, оборудовав дзоты, еще и натыкают мин вокруг, тогда завтра не избежать беды, будет сюрприз не дай бог. Комбат повглядывался в темноту, послушал, однако ночь была ветреная и на редкость глухая. С вечера над высотой, наверно, не взлетело ни одной ракеты, и уже одно это обстоятельство наводило на размышления.

— Ну что ж, Тарасиков. Наблюдайте.

— Есть! — с готовностью ответил боец и спросил тоном давно знакомого: — А где ваш Джим, товарищ капитан? Не слыхать что-то.

— Нету Джима, — сухо ответил комбат и пошел дальше.

Джима, конечно, уже не вернешь, если угодил к такому начальнику, то, считай, дело пропащее. Вообще для собаки это, может, и лучше, у генерала ее судьба может сложиться счастливее, чем на передовой. И тем не менее щемящее чувство потери шевельнулось в сознании капитана — столько у него было связано с этим псом!.. Но смотри, и боец, молодой, в батальоне недавно, а знает Джима и даже интересуется им. Комбат был уверен, что видит бойца впервые, а тот, оказывается, не только узнает комбата в ночи, но еще и знает его собаку. Хотя такова уж судьба

командира: каждый его шаг — перед сотней внимательных человеческих глаз, от которых ничего не скроешь.

Из темноты снова окликнули — возле пулеметного окопа, греясь, размахивал руками старый пулеметчик Денищик, знакомый комбату еще по летним боям под Кузьминками, когда совсем небольшая группа бойцов — остатки полка — пробивалась из окружения. Тогда же этот довольно пожилой боец неизвестно откуда прибился к роте и так вместе с нею и вышел к своим. А на переформировке из-за него произошла неприятность — начальство начало придираться: почему не отправил бойца на проверку, зачем оставил в роте — человек чужой, незнакомый, мало ли что может случиться. Проверялся Денищик позже, в боях, когда однажды, заменив раненого пулеметчика, помог отбить контратаку немцев, да так и остался при пулемете. Впрочем, пулемет у него, кажется, уже новый — вместо «максима» тонкоствольный, системы Горюнова.

— Ну как дела, Денищик?

— А пока что слава богу.

— Почему богу? Ты что, верующий?

— Верующий не верующий, а так говорят. К слову приходится.

Боец уважительно, со сдержанным достоинством перед начальством переступил с ноги на ногу, втянув голые, без рукавиц, руки в коротковатые рукава телогрейки. Комбат опустился возле пулемета на корточки и взглянул в темноту через бруствер.

— А как обстрел? Мертвого пространства нет?

— Ну что вы! Все как на талерке, товарищ комбат.

— Тарелке надо говорить. А они тут не засекут вас? С высоты ведь тоже как на тарелке.

— Ну. Так мы ведь, когда тихо, Гаруна сюда, — Денищик показал в окопчик, где под бруствером темнела оборудованная для пулемета ниша-укрытие, в которой теперь посапывал свернувшийся калачиком его напарник. — Обстрел когда. А как заварушка, тогда на место.

Комбат распрямился на бруствере.

— Ну молодцы. Командир роты где?

— А тут, недалеко. Блиндажик вон, — кивнул головой Денищик и снова принялся греться — притопывая, шлепать руками под мышками.

Невдалеке под обмежком начиналась мелкая недокопанная траншейка, из которой послышались далековатые, возникавшие под землей голоса. Обрушивая рыхлые стенки траншеи,

комбат почти боком пробирался по ней, пока не завидел под бруствером слабый проблеск света у края палатки. Приподняв пыльный брезентовый полог, он нагнул голову и с усилием протиснулся в тесный полумрак блиндажа.

Здесь ужинали. Тесно обсев разостланную на полу палатку, бойцы сосредоточенно работали ложками. Между разнообразно обутых — в ботинки, сапоги и валенки — ног стояло несколько котелков с супом. В углу против входа, привстав на коленях, в распоясанной гимнастерке, укладывала вещмешок Веретенникова. Из-под жиденькой русой челки на лбу она метнула в комбата отчужденный, обиженный взгляд и локтем толкнула лейтенанта Самохина.

— Вадька!

Самохин заметно встрепенулся, увидев комбата, который сразу от входа вперся в чью-то широкую спину; ротный сделал запоздалую попытку встать для доклада.

— Товарищ капитан...

Комбат поднял руку.

— Ужинайте.

Кто-то подвинулся, давая ему возможность присесть, кто-то перелез в другой угол. Вверху под перекладиной, потрескивая и коптя, дымил

озокеритный конец телефонного провода, воняло жженым мазутом. Веретенникова еще раз обиженно взглянула на Волошина и занялась лямками вещевого мешка.

— Может, поужинаете с нами, товарищ комбат? — неуверенно предложил Самохин.

Комбат не ответил. В блиндаже все примолкли, почувствовав его настроение, — наверно, тут уже были в курсе того, что произошло на батальонном КП. Ощущая на себе вопрошающее внимание присутствующих, комбат достал из кармана дюралевый, с замысловатой чеканкой на крышке портсигар, начал вертеть цигарку. Он знал: они ждали разноса за случай с их санинструктором, окончившийся для него вторым генеральским выговором, но он не хотел начинать с этого. Он выжидал. Старшина роты Грак и командир взвода сержант Нагорный, сидевшие напротив комбата, сунули ложки за голенища, Самохин застегнул крючки шинели, Веретенникова начала надевать телогрейку. Судя по всему, конец ужина был испорчен, хотя супа в котелках ни у кого не осталось.

— Товарищ Самохин, сколько у вас на сегодня в строю? — не взглянув на командира роты, спросил комбат.

— Двадцать четыре человека. С санинструктором.

— Санинструктора не считайте.

Самохин умолк, наверно, ожидая, что скажет комбат. Волошин затянулся, махорка в цигарке странно потрескивала, временами вспыхивая, будто к ней подмешали порох. Бойцы называли ее трассирующей, что почти соответствовало действительности, особенно на ветру ночью.

— Выделите двух человек. Двух толковых бойцов.

Самохин с заметным облегчением опустился ниже и выдохнул. Подвижный взгляд его темных глаз на молодом, с раздвоенным подбородком лице, соскользнув с комбата, остановился на сержанте Нагорном.

— Нагорный, дай двух человек.

— Отставить! — ровно сказал комбат. Все в землянке недоуменно взглянули на него, однако он намеренно не придал никакого внимания этим взглядам. — Наверно, у товарища Нагорного имеется воинское звание?

Лейтенант все понял с первого слова:

— Сержант Нагорный, выделить двух бойцов!

— Есть!

Коренастый плечистый крепыш в расстегну-

том полушубке, Нагорный сгреб с пола автомат и с шумом протиснулся в траншею...

— И еще пошлите за командирами. Восьмой и девятой. ДШК тоже.

Самохин только взглянул на Грака, и тот, хотя и без спешки, вылез вслед за Нагорным. В блиндаже, кроме комбата и ротного, осталась одна Веретенникова. Теперь можно было начинать неприятный разговор. Волошин свободнее вытянул ноги.

— Так до каких пор будем воду мутить, товарищ Самохин?

— Какую воду?

— Когда будет выполнен мой приказ?

Прежде чем ответить, лейтенант помолчал, бросая вокруг быстрые нервные взгляды.

— Завтра утром пойдет.

— Никуда я не пойду! — тут же объявила Веретенникова.

— Вера! — с нажимом сказал Самохин.

Девушка подняла на него обиженное, злое лицо:

— Ну что? Что Вера? Куда вы меня прогоняете? Как наступление, так нужна была, тогда не отправляли, а как стало тихо, оборона, так выметайсь! Я год пробыла в этом полку и никуда из

него не пойду. Поняли?

Комбат сдержанно поглядывал то на нее, раскрасневшуюся и расстроенную, то на страдальчески нахмуренное лицо ротного. Это было черт знает что — наблюдать такую сцену на фронте, в полукилометре от немецкой траншеи.

— Что же, вы и рожать тут будете? — спросил он нарочно грубовато. Веретенникова встрепенулась, на ее щеках уже заблестели слезы.

— Ну и буду! А вам-то какое дело?

— Вера, ты что?! — взмолился Самохин.

— Нет уж, товарищ санинструктор! В моем батальоне роддома нет, — холодно отчеканил комбат. — Рано или поздно отправитесь в тыл. Так что лучше это сделать вовремя.

— Никуда я от Вадьки не отправлюсь, — сказала она.

Однако решимость ее, похоже, стала ослабевать, девушка всхлипнула и закрыла лицо руками. Самохин схватил ее за руки:

— Вера! Ну что ты! Успокойся. Все будет хорошо, пойми.

Вера, однако, не хотела ни понимать, ни успокаиваться, а все всхлипывала, уткнувшись лицом в телогрейку, и Самохин минуту растерянно уговаривал ее. «Чертов бабник! — думал комбат, почти

с презрением глядя на своего ротного. — Видный, неглупый парень, хороший командир роты, да вот спутался с этой вздорной девчонкой. Теперь, когда уже приспичило и не стало возможности скрывать их отношения, надумали фронтовую женитьбу. Как раз нашли время!»

Почувствовав на себе руки Самохина, Вера помалу начала успокаиваться, и комбат сказал, чтобы разом покончить с этим уже надоевшим ему конфликтом:

— Завтра утром штурмуем высоту. Атака, наверно, в семь. К шести тридцати чтобы вас в батальоне не было.

Вера, вдруг перестав всхлипывать, насторожилась:

— Что? Чтобы я смылась за полчаса до атаки? Нет уж, дудки. Пусть мне генерал приказывает! Пусть сам маршал! Хоть сам господь бог. Ни за что!

— Ладно, Вера. Не горячись. Ну что ты как маленькая! — уговаривал ее ротный, пока она не перебила его:

— Ну да, не горячись! Долго ты без меня уцелеешь? Дурачок, ты же в первую минуту голову сложишь! За тобой же, как за маленьким, смотреть надо! — сквозь слезы приговаривала Вера.

Самохин страдальчески сморщился.

— Вот так! — объявил комбат, не желая больше продолжать этот слезливый разговор. Тем более что в траншее послышались шаги, в блиндаж уже влезал Нагорный и с ним еще два бойца. Почти одновременно бойцы доложили:

— Товарищ комбат, рядовой Дрозд по вашему приказу...

— Товарищ комбат, рядовой Кабаков...

Это тоже были новые бойцы в батальоне, с незнакомыми ему лицами, хотя фамилию Дрозда он уже знал из бумаг, которые подписывал перед отправкой в полк для награждения за зимние бои под Гуляевкой. Еще он вспомнил, что этого Дрозда когда-то хвалил на партийном собрании покойный политрук Кузьменко. И в самом деле боец производил неплохое впечатление своей рослой, сильной фигурой, открытым, простодушным лицом, выражавшим готовность выполнить все, что прикажут. Кабаков выглядел хуже — был тонковат, насуплен и небрежно одет — из-под телогрейки торчал зеленый воротник немецкого кителя, напяленного для тепла поверх гимнастерки.

— Стоять тут негде, поэтому садитесь и слушайте, — сказал комбат. Бойцы послушно опустились

в мигающий сумрак у входа. — Вам боевая задача. Очень ответственная. Вооружиться ножами или штыками, прихватить с собой побольше бумаги — газет или книжку какую разодрать, тихо перейти болото и с обмежка по-пластунски вверх до самой немецкой траншеи. Без звука. У траншеи развернуться и таким же манером назад. Вот и все. Понятно?

Бойцы, слегка недоумевая, смотрели на комбата.

— Не поняли? Поясняю. Проползти и ножами прощупать землю. Если где мина — не трогать. Только на то место клочок бумаги и камушком прижать. Чтобы ветром не сдуло. И так дальше. Теперь ясно?

— Ясно, — не слишком уверенно сказал Дрозд.

Кабаков шмыгнул носом, и комбат внимательно посмотрел на него:

— Все это займет у вас не более двух часов. Может так получиться, что на нейтралке окажутся немцы. Тогда послушайте, чем они занимаются. И назад. Я буду вас ждать. Вопросы есть?

— Ясно, — несколько бодрее, чем прежде, ответил Дрозд.

Кабаков опять шмыгнул носом и неопределенно прокашлялся.

— Значит, все ясно? — заключил комбат. — Тогда сержант Нагорный проводит вас до льда и поставит задачу на местности.

— Есть.

Бойцы поднялись и, пригнувшись, повернулись к выходу, но Кабаков, шедший вторым, остановился.

— Я это... товарищ комбат, кашляю.

— Да? И здорово?

— Как когда. Иногда как найдет...

Боец замолчал и с преувеличенным усердием прокашлялся. Комбат мельком глянул в его глаза и увидел там страх и подавленность — слишком хорошо знакомые на войне чувства. Все становилось просто до возмущения. Теперь, однако, комбат постарался быть сдержанным.

— Тогда отставить, — сказал он. — Вашу кандидатуру отставить. Вместо вас пойдет старший сержант Нагорный.

— Есть, — сказал Нагорный и в наступившей паузе спросил: — Разрешите выполнять?

— Выполняйте, — сказал комбат. — По возвращении — сразу ко мне.

Нагорный с Дроздом вылезли, напустив в блиндаж стужи, а Кабаков остался, обреченно уронив голову в шапке.

— Боитесь? — спросил комбат, в упор рассматривая бойца и привычно ожидая лжи и оправданий. Но Кабаков вдруг подтвердил смиренно и искренне:

— Боюсь, — и еще ниже наклонил голову.

Конец провода в углу, догорев до самой перекладины, начал дымно моргать, и Вера, поднявшись, с запасом потянула его с потолка.

— Лейтенант Самохин, он что у вас, всегда труса празднует?

— Да нет. Вроде не замечалось.

— Давно на фронте?

— Четыре месяца, — тихо ответил боец.

— Откуда сам?

— Из Пензенской области.

— Кто дома?

— Мать. И три сестренки.

— Старшие?

— Младшие.

— А отец?

— Нету. В сорок первом из-под Киева прислал одно письмо, и все.

Сделалось тихо. Веретенникова страдальчески, прерывисто вздохнула. Снаружи послышалась стрельба — пулеметная очередь где-то на участке соседей.

— Значит, боишься? — язвительно переспросил Самохин. — За свою шкуру дрожишь?

— Все боятся. Кому помирать охота?

— Ах вот как! Еще философию разводишь! Разгильдяй, я тебе покажу сейчас! А ну снимай ремень!

Ротный поднялся и, пригнув голову, шагнул к бойцу.

— Тихо, товарищ лейтенант! — сказал комбат. — Пусть идет. Идите на место, Кабаков.

Боец с поспешной неуклюжестью вылез из блиндажа, Самохин зло отбросил из-под ног котелок.

— Ну и напрасно! Надо было специально послать. От трусости полечиться.

Комбат вынул из кармана портсигар.

— Не стоит, Самохин.

— А, потому что признался, да? За это вину спустили?

Лейтенанта, видать по всему, прорвало, он переставал сдерживать себя, готов был на ссору, которой требовало в нем все пережитое за этот вечер. Но комбат не мог позволить ему такой возможности, тем более что впереди у обоих были дела куда более трудные.

— Да, спустил, — спокойно ответил он. — Пом-

ните толстовскую притчу: за разбитую чашку спасибо. Потому что — не соврал.

— Притча! Ему притча, а Дрозд что, камень? Да? И не боится? Вот шарахнет, и одни ошметки останутся. А этот жить будет. Правдивец!

Комбат промолчал.

Глава четвертая

Первым из вызванных командиров прибежал младший лейтенант Ярощук, командир приданного батальону взвода крупнокалиберных пулеметов ДШК. Самый младший по званию, он был тем не менее самым старым среди офицеров батальона по возрасту — лет под пятьдесят дядька, бывший сельповский работник с Пензенщины, которому когда-то при увольнении со срочной службы присвоили звание младшего лейтенанта запаса. Далее этого звания Ярощук не продвинулся, что, однако, мало беспокоило его. Совсем не командирского вида, щуплый, небрежно одетый в поношенную красноармейскую шинель, он спустился в блиндаж и заговорил, видно со сна, хрипловатым голосом:

— Морозец, черт бы на его, все жмет. Не хватило за зиму промерзаловки.

Ярощук, по-видимому, не сразу заметил, что в блиндаже все молчали, мало настроенные на его говорливую беззаботность. Он оживленно потер озябшие руки, почти с ребяческим простодушием поглядывая на присутствующих. Комбат скупо

бросил:

— Садитесь, товарищ Ярощук.

— Ну что ж, можно и сесть, если не прогоните. А я это... в окопчике под брезентом кемарнул малость. Промерз как цуцик... У тебя нет закурить, лейтенант? — спросил он Самохина. Тот достал из кармана щепоть махорки и молча протянул ее командиру ДШК.

— А бумажки нет? Ну ладно, найдем. Где-то был у меня клочок...

Вторым вскоре явился командир восьмой роты лейтенант Муратов. Ловко затянутый ремнями, с аккуратно пришитыми погонами, с планшеткой на боку, он легко проскользнул в блиндаж и, слегка нагнув голову, привычной скороговоркой доложил с акцентом:

— Товарищ капитан, лейтенант Муратов по вашему приказанию прибыл.

Командира девятой пришлось подождать дольше. Командир батальона уже намерился послать за ним второй раз, как в траншее послышались шаги, кашель, и наконец длинный худой Кизевич в неподпоясанном полушубке с обвисшими, без погон плечами неуклюже пролез в блиндаж. Сделав легкий намек-жест рукой к шапке, буркнул вместо доклада как о само собой разумеющемся:

— Старший лейтенант Кизевич.

Комбат бесстрастно сидел, прислонясь спиной к холодной стене блиндажа, лишь взглядом отмечая приход каждого. Он почти не реагировал на некоторые вольности докладов подчиненных, но, по-видимому, они все-таки что-то почувствовали во внешней сдержанности комбата и, смолкнув, выжидательно пристраивались рядом с Ярощуком.

— Ну что ж, — сказал комбат и откинулся от стены. — Кажется, все. Прошу доложить о количественно-боевом составе подразделений. Командир седьмой!

Самохин, с озабоченным видом сидевший возле Веры, сел ровнее, подобрал ноги и поднял с пола соломину.

— У меня в строю двадцать четыре человека. Из них средних командиров один. Сержантов два. Пулеметов РПД два, «Горюнова» один.

Быстро проговорив это, он смолк, будто соображая, что еще можно добавить к сказанному. Комбат напомнил:

— Боеприпасы?

— Боеприпасы? На винтовку по шестьдесят патронов, РПД — по три диска. У «Горюнова» две коробки лент. Правда, сегодня набивали еще. И в

запасе одиннадцать цинок. Вот и все.

— Гранаты?

— Гранат не считал. У старшины нет. Только те, что на руках.

— Не больше чем по гранате, — вставил от входа старшина Грак. — Всего штук пятнадцать будет.

— Небогато, — сказал комбат. Положив на колени полевую сумку, он расстегнул ее и вытащил блокнот с карандашом. Самохин молчал, сминая в руках соломину. Комбат двинул бровью и перевел взгляд на лейтенанта Муратова.

— Командир восьмой.

Муратов передернул плечами, будто распрямляя их под ремнями, и, весь подобравшись, привстал на коленях. Встать по всей форме не позволял нависший над ним потолок.

— Восьмая рота имеется восемнадцать бойцов, тры сержанта, одын командыр роты. «Максим» одын, РПД одын. Патронов мало. Четыры обойма на одын винтовка. Два ленты, одын «максым». Гранат мало, дэсять штук.

Коротенький его доклад был окончен, и все помолчали, глядя, как комбат что-то помечает в блокноте. Дымный вонючий сумрак не позволял увидеть за метр. Старшина Грак, включив фона-

рик, посветил комбату.

— Спасибо, — сказал Волошин. — Что ж, маловато, товарищ лейтенант. И людей и боеприпасов. Беречь надо, Муратов.

— Как можно беречь, товарищ комбат? Я командую: короткими очэрэдь, короткими очэрэдь! Получается, много короткий очэрэдь — одын длинный очэрэдь. Расход болшой!

Все засмеялись.

— Тришкин кафтан, — серьезно сказал Самохин. — Как ни натягивай, если мало, все равно не будет хватать.

В общем, это было понятно без слов, и тем не менее восьмая в батальоне оказалась самой ослабленной. Частично, может быть, потому, что обычно наступала в середине боевого порядка батальона, беря на себя основной огонь противника. Но и командир — молодой, горячий, очень исполнительный лейтенант Муратов не очень все-таки заботился о том, чтобы сберечь бойцов, сам в бою лез в пекло, нередко подставляя себя и роту под самый губительный огонь. Вот и осталось восемнадцать человек. А две недели назад, помнил комбат, было около восьмидесяти.

Однако при всем том Муратов был на редкость честолюбивый и обидчивый командир. Комбат

всегда упрекал его осторожно, намеками и теперь сказал:

— А я на восьмую надеялся. Больше других.

Муратов сразу же все понял, смуглое его лицо гневно вспыхнуло, он подался вперед, но тут же осекся и смолчал.

— Вот так! — заключил комбат. — Старший лейтенант Кизевич.

Кизевич отрешенно посмотрел в задымленный настил и махнул рукой:

— А, то же самое. Что докладывать!

— А именно?

— Ну что: тридцать три человека. Два «максима». Слезы, а не рота.

— Боеприпасы?

— Боеприпасы? — переспросил Кизевич и внимательно посмотрел в темный угол блиндажа, где безмолвно пригорюнилась Вера. — Наверно, патронов по пятьдесят будет.

— А если точнее?

Командир девятой снова посмотрел в перекрытие. По его исхудавшему лицу с упрятанными под брови маленькими глазками мелькнуло отражение какой-то мучительной мысли.

— Конкретно — по шестьдесят пять штук.

— А к трофейному кольту?

Остановив на комбате взгляд, старший лейтенант недоуменно сморгнул глазами:

— А что трофейный? Он так.

— Как это так?

— На повозке лежит. Что, я из него стрелять буду?

— Почему вы? У вас есть для того пулеметчик.

Кизевич, как видно, уклонялся от прямого ответа, и комбат, в упор уставясь в него, со значением постучал карандашом по сумке. Как всегда, прижимистый командир девятой старался обойти самые неприятные для себя моменты, так как, наверно, уже чувствовал, чем это ему угрожает. Комбат подумал, что надо, не откладывая, разоблачить этого ротного, однако доклады не были окончены, еще оставался Ярощук, и Волошин, вздохнув, кивнул в темный задымленный угол:

— Командир взвода ДШК.

— Взвод ДШК пока что хлипает. Трое раненых, а так все налицо. Два расчета, два пулемета. Одна повозка, две лошади.

— И все?

— Все.

— А патроны?

— Есть немного. Пока хватит, — заверил Ярощук, и Волошин с некоторым недоверием

посмотрел на него. Наверно, в словах младшего лейтенанта было нечто такое, что заставляло усомниться в их достоверности, но взвод ДШК недавно вошел в батальон, Ярощук был «чужой» командир, подчиненный комбату только на время наступления, и Волошин, подумав, не стал к нему придираться.

Доклады были окончены, комбат подбил в блокноте небольшой итог, и боевые возможности батальона стали ему понятны до мелочей. Что и говорить, возможности эти оказались более чем скромными. Грак выключил фонарик, в блиндаже стало темнее. Провод, потрескивая, вонюче дымил в углу.

— Товарищи командиры. Судя по всему, завтра придется брать высоту. Приказа еще нет, но, я думаю, будет. Так что, не теряя времени, давайте готовиться к атаке.

В блиндаже все притихли. Самохин подчеркнутым жестом швырнул от себя соломину, Муратов напряженно вгляделся в комбата. Ярощук сгорбился, сжался и стал совсем неприметным в полумраке задымленного подземелья. Кизевич с удивленным видом вытянул из ворота полушубка свою тощую кадыкастую шею.

— Если дивизиона два поработают, может, и

возьмем, — сказал он.

Комбату эти слова не очень понравились, и он нахмурился.

— Насчет двух дивизионов сомневаюсь. Боюсь, как бы дело не ограничилось одной батареей Иванова.

Кизевич удивленно хмыкнул.

— Иванова? Так она же сидит без снарядов. Утречком мой старшина ходил, говорит, сидят гаубичники, а промеж станин по одному ящику. Хоть стреляй, хоть на развод оставляй.

Волошин не перебивал его, выслушал со сдержанным вниманием и спокойно заметил:

— Снаряды подвезут. А вы обеспечьте людей гранатами. Понадобятся. Старшина Грак!

На пороге встрепенулась темная фигура Грака.

— Я вас слушаю.

— У вас был ящик с КС. Разделите его между ротами.

— Есть!

— А у вас, старший лейтенант Кизевич, трофейный кольт, значит, на повозке?

— На повозке. А что?

— Передайте его Муратову. Он найдет ему лучшее применение.

Кизевич болезненно напряг свое узкое с гор-

бинкой на носу лицо.

— Это за какие заслуги?

— Так надо.

— Надо! Надо было свои беречь. А то свои поразгрохали, а теперь на чужие зарятся.

— Я у вас ничего не прошу! — вспыхнул Муратов.

— Ну и нечего тогда говорить. А то кольт, кольт...

Командир батальона спокойно выслушал короткую перепалку ротных, которая, впрочем, была здесь не впервые. Хозяйственный Кизевич не любил делиться чем-либо с соседом, хотя иногда и вынужден был делать это, потому что и у него случались прорехи, когда требовалась помощь хотя бы того же лейтенанта Муратова. Отчасти он был в этом прав, так как не в пример многим умел беречь и людей и имущество. Однако комбат теперь видел потребность усилить восьмую хотя бы за счет девятой. Сделав вид, что ничего необычного не произошло, он сказал ровным голосом:

— Патроны отдайте тоже. Сотни три их должно у вас быть. А чтобы Муратов не искал у себя пулеметчика, передайте и его. Сипак, кажется, его фамилия?

— Какой Сипак! Сипак на прошлой неделе убит. Новый пулеметчик.

Комбат смолк, почувствовав болезненную неловкость от этого известия, — Сипака он помнил давно, еще с формировки, и вот, оказывается, его уже нет. Совсем некстати припомнился ему этот боец, все-таки комбат должен был знать, что он погиб. Каждая такая потеря тяжелым камнем ложилась на его душу, и нужно было усилие, чтобы выдержать этот груз. После недолгой паузы комбат приказал с прежней твердостью:

— Передайте нового.

— Едрит твои лапти! Еще и нового! Что у меня, запасной полк, что ли? — развел руками Кизевич. Комбат никак не отреагировал и на это, смолчал, давая понять, что вопрос решен окончательно. Кизевич, однако, разошелся не на шутку:

— Как только что, все у девятой. Кольт! Может, на кольт у меня главный расчет был. Я уже из него все ориентиры пристрелял. А теперь получается: отдай жену дяде...

— И правильно. Чтоб не хитрил, — тихо вставил Самохин.

— Ага! А ты не хитришь? Честный какой!

— Не в том дело, — несколько другим тоном сказал Самохин. — Что там кольт! Ты вот лучше

спроси, какого рожна мы эту высоту вчера не атаковали? Зачем столько волынили? Ждали, пока немцы окопаются?

Кизевич повернул к комбату мрачное, расстроенное лицо. Все, кто был в блиндаже, тоже насторожились, ожидая ответа на вопрос, который теперь тревожил их всех, но Волошин и сам не находил на него ответа и, чтобы не лгать, решил отмолчаться, что, однако, не успокоило ротных.

— Теперь поползаешь туда-сюда, — в сердцах бросил Самохин.

— Вон уже два дзота отгрохали, — пробубнил Кизевич. — Натанцуешься перед ними.

Это уже было слишком. Такие разговоры выходили за рамки дозволенного, и комбат сказал с твердостью:

— Ну хватит! Приказ есть приказ. Мы обязаны его выполнять. Личные соображения можете оставить при себе.

Все разом примолкли, стало тихо, и в этой тиши он вынул из кармана часы. Было без четверти одиннадцать.

— Так, все! — объявил он. — Давайте готовиться. Приказ отдам дополнительно.

Глава пятая

В траншее на выходе из блиндажа комбат едва не столкнулся с Гутманом. Запыхавшись, ординарец сообщил, что в батальон пришло пополнение.

— Много?

— Девяносто два человека.

— Ого!..

Это было побольше, чем сегодня находилось у него в строю. Батальон увеличивался вдвое, почти вдвое возрастала его огневая сила, и увеличивались его шансы на удачу в завтрашней атаке. Все это должно бы радовать, и тем не менее комбат не обрадовался, что-то мешало его безупречной радости.

Впрочем, он уже знал что.

Они вышли в конец траншейки, которая тут, постепенно мелея, сходила на нет. Самохин остановился сзади, и комбат сказал на прощание:

— Пошлите старшину за людьми. И передайте Муратову с Кизевичем.

— Есть!

Комбат хотел было идти, но помедлил — в по-

лумраке траншеи как-то очень уж по-сиротски смиренно ссутулилась фигура Самохина, теперь немногословного, заметно приунывшего, и — чувствовал Волошин — вряд ли только от забот о предстоящей атаке. Он, конечно, догадывался о причинах переживаний ротного и оттого помедлил с уходом, хотя эти его переживания были сугубо личными и, согласно армейскому обычаю, чужому состраданию не подлежали.

— Возвратятся разведчики — сразу на КП! — сохраняя привычный деловой тон, приказал комбат.

— Ясно!

Вдвоем с Гутманом они быстро пошли по склону вверх. В поле было темно и морозно-ветрено. Высота мрачным горбом по-прежнему молчаливо дремала в ночной темноте на краю неба. Волошин на секунду остановился, послушал — теперь где-то там ползли его разведчики, и коротенькая тревога за их судьбу привычно шевельнулась в сознании комбата. В том, что он послал их, была маленькая хитрость, своего рода местная рационализация, к которой нередко приходилось прибегать на войне и от которой, случалось, зависело многое. Конечно, тут не обходилось без риска, но всякий раз думалось, авось как-либо

обойдется, ребята опытные, сделают свое дело и благополучно вернутся. Он очень надеялся на этих ребят.

Гутман, наверное, знал какой-то другой путь на КП — без кустарника и воронок — и уверенно вел его в темноте. Вскоре они порядочно-таки отдалились от рубежа седьмой роты, сторожкая напряженность уменьшилась. Все-таки какой там ни тыл в полукилометре от ротной цепи, а на душе становилось спокойнее. Мысли комбата перешли на другое, и только он хотел спросить Гутмана, как ординарец, будто угадав вопрос, обернулся и заговорил сам:

— Все кумекают там. В штабе. Насчет высоты этой.

— Да? Ну и что?

— А! Послушал, так смешно стало. Батальон, батарея, взаимодействие! И никому невдомек, что батальон этот — одна рота.

— Да? — сдержанно переспросил Волошин. — Что же ты не доложил им?

Гутман едва заметно передернул плечом:

— А что я? Мое дело маленькое.

Он помолчал недолго, потом на ходу поддернул плечом ремень автомата.

— Знаете, не с того конца они начинают. Сперва

надо бы совхоз взять. Тогда немчура с высоты сама деру даст.

— Ты думаешь?

— А что ж, скажете, нет?

Нет, комбат не мог сказать «нет». На этот счет ординарец безусловно был прав.

— Собрать все три батальона да ударить по совхозу. А то растянули полк на четыре километра и тыркаются.

— Тебе только начальником штаба быть. Полка или даже дивизии, — с припрятанной иронией заметил комбат. Гутмана, однако, это ничуть не смутило.

— А что ж! Ну и справлюсь. Конечно, академий я не кончал, но голову имею. Скажите, этого мало?

Волошин ответил не сразу, всерьез возражать на такой аргумент не имело смысла.

— Вообще, ты прав. Этого не мало. К сожалению, не всегда голова решает.

Ординарец с запалом намерился что-то сказать, но, видно, одернул себя и неопределенно махнул рукой:

— А, что говорить!

И уже другим, успокоенным тоном сообщил:

— Привязал Джима ремнем к столу. Сидит. За пять шагов никого не подпускает. Пусть! Еще

наплачутся с ним.

— С ним что плакать? Как бы мы без него не заплакали.

В траншее на КП было полно людей, все молча стояли группами, подняв воротники и отвернувшись от холодного ветра. Стояли и сидели также у входа в землянку, кое-где слышались приглушенные реплики на непонятном азиатском языке. Гутман легко соскочил с бруствера, за ним соскочил комбат, они протиснулись между безразличных к ним, незнакомых бойцов и пролезли в землянку.

Тут тоже было тесно, несколько фигур в шинелях загораживали скупой свет фонаря, у которого склонился Маркин — переписывал пополнение. Заслышав шаги комбата, начштаба поднял голову и выразительно, со смыслом вздохнул.

— Что из полка? — спросил Волошин.

— В шесть тридцать атака.

— Патроны у пополнения есть?

— Патроны-то есть, — как-то загадочно проговорил Маркин. — Да что толку.

— А что такое?

— Что? — Лейтенант многозначительно кивнул в сторону бойцов. Человек пять их в мешковатых шинелях и касках, насунутых на зимние

шапки, молча стояли перед ним с терпеливой покорностью на широких остуженных лицах. — По-русски ни бельмеса. Вот что.

Это было похуже. Это было совсем даже плохо, если иметь в виду, что планировалось поутру и сколько времени оставалось до этого утра.

Комбат с озабоченным интересом посмотрел на бойцов, и ему стало не по себе от одного только их внешнего вида. Не обмятые в носке шинели, обвислые, с брезентовыми подсумками ремни, озябшие руки в трехпалых больших рукавицах, которые как-то неумело и бессильно держали обшарпанные ложи винтовок, сгорбленные от тощих вещмешков фигуры. По-русски они в самом деле понимали не много — Маркин задавал вопрос, а низенький, с припухшим лицом красноармеец переводил, и очередной боец уныло отвечал глухим голосом.

— Замучился совсем, — сказал Маркин и почти закричал со злостью: — Место рождения? Область?

Волошин наблюдал за всем этим и думал, что выпестованный его заботами, сколоченный за долгие недели формировки его батальон, наверное, на том и кончится. Как он ни старался сберечь личный состав, роты все-таки таяли,

росло число новичков, неизвестных ему бойцов, и все меньше оставалось закаленных ветеранов, и с ними по крупицам убывала его боевая сила и его командирская уверенность. Это почти пугало. Он уловил в себе это непривычное для него ощущение еще там, в траншее, когда пробирался сюда среди них — истомленных ожиданием и неизвестностью, подавленных опасной близостью передовой, безразличных ко всему. Комбата охватило недоброе чувство раздраженности, какая-то злая сила подбивала на резкое слово, окрик, какой-то решительный поступок, в котором бы нашло выход это чувство. Но такой поступок сейчас — знал он — был бесполезен, надо было, сжав зубы, неторопливо и ровно делать свое обычное дело: готовить батальон к бою.

— Много еще писать?

— Заканчиваю, — сказал Маркин.

Комбат резко обернулся к ординарцу:

— Товарищ Гутман! Стройте пополнение!

— Есть! Пополнение — строиться! — свирепым старшинским голосом скомандовал Гутман.

Приглушенный топот наверху еще не утих, когда комбат решительно шагнул из землянки и, опершись на бруствер, выскочил из траншеи. Гутман поспешно скомандовал «смирно!», ком-

бат сошел с подмерзших комьев бруствера. В этот момент сзади над высотой взмыла ракета, ее трепетный отсвет прошелся по лицам бойцов, которые с пугливой опаской съежились, однако не оставили места в строю. Все посмотрели на высоту, потом — на него, их командира, наверно ожидая команды «ложись!» или разрешения рассредоточиться. Но он не подал даже «вольно», а сдержанно дошел до середины строя и остановился.

Ракета догорела, мерцающий над высотой полумрак сменился плотной ночной темнотой.

— Кто понимает по-русски?

— Я понимай.

— Я тоже.

— Один человек — ко мне!

Кто-то вышел из строя и встал в трех шагах от командира батальона.

— Становитесь рядом, будете переводить. Больные есть?

Боец негромко сказал несколько слов на своем языке.

— Есть.

— Больным — пять шагов вперед, шагом марш!

Переводчик повернулся лицом к строю и не

очень уверенно перевел. Комбат заметил, что слов у него почему-то получилось больше, чем было в его команде. В это время сзади снова засветила ракета. Волошин, не шевельнувшись, вслушался: не раздадутся ли выстрелы? Если начнется стрельба, значит, разведчики напоролись на немцев и ничего у них сегодня не выйдет. Но, кажется, пока обошлось — ракета догорела, и выстрелов не было. Когда снова над ветреным ночным пространством сомкнулась тьма, он заметил, что строй перед ним шевельнулся и несколько человек вышло вперед. Выходили по одному, не сразу, с заметной нерешительностью останавливаясь перед строем, настороженно поглядывая на командира батальона.

— Кто не обучен — три шага вперед, марш!

Помедлив, еще вышло шесть человек. Остановились, однако, почти в ряд с теми, что вышли на пять шагов. Комбат заметил эту неточность, но поправлять не стал — теперь это не имело значения.

— Кто очень боится — тоже!

Переводчик не скомандовал, а скорее объяснил команду, и комбат внутренне сжался, ожидая ее исполнения и боясь, что на месте мало кто останется. Но в этот раз строй стоял неподвижно,

наверное, все боязливцы уже использовали свою возможность.

— Так! Вот этим, что вышли, — напра-во! — скомандовал комбат. — Товарищ Гутман, отвести группу назад в штаб.

— Назад? — удивился все понимающий Гутман, но тут же осекся и поспешно скомандовал: — За мной шагом марш!

Когда они, по одному перепрыгнув траншею, скрылись в ночи, Волошин подошел к строю ближе. Две поредевшие шеренги с напряженным вниманием уставились на него.

— А с вами будем воевать. Переведите. Завтра мы пойдем в бой. Все вместе. Кто-то погибнет. Если будете действовать дружно и напористо, погибнет меньше. Замешкаетесь под огнем, погибнет больше. Запомните закон пехотинца: как можно быстрее добежать до немца и убить его. Не удастся убить его — он убьет вас. Все очень просто. На войне все просто.

Пока переводчик, путаясь, пересказывал его слова, комбат выжидательно прошелся перед строем, поглядывая на высоту. Ракет больше не было, выстрелов тоже. Только где-то в стороне от леска далеким отсветом вспыхивал край неба, и глухое дрожание шло по земле, наверное, под-

тягивала боевые порядки отставшая соседняя армия. Хотелось верить, что все как-нибудь обойдется и посланные вернутся. Теперь он ни за что на свете не хотел потерять даже двух старых бойцов — цена им с этой ночи удвоилась.

Несколько человек, обойдя траншею КП, подошли к строю и остановились невдалеке от комбата. В переднем из них он узнал старшину седьмой роты Грана — это прибыли за пополнением.

— Так. Все. Есть вопросы?

Вопросов не было. Он сомкнул строй, оказавшийся теперь заметно короче, чем вначале, и начал рукой отделять четверки.

— Восемь, девять, десять... Направо! Старшина Грак, получайте!

Старшина отвел своих в сторону, а он сосчитал остальных. Их было мало... Восьмой, как самой ослабленной, надо было выделить больше, но что-то удерживало комбата от такого намерения, и остатки строя он разделил пополам.

— Восьмая и девятая — по восемнадцать человек.

— Всего только? — удивился сержант из восьмой.

— Только всего. Зато без брака.

Людей повели в роты, а он соскочил в траншею, где едва не столкнулся с Маркиным в накинутом на плечи полушубке. Лейтенант сразу повернул обратно. Комбата это немного удивило — зачем он стоял тут?

Они вернулись в почти пустую землянку. Печка уже не горела, постоянный ее досмотрщик телефонист Чернорученко, подвязав к уху трубку, зябко съежился в углу на соломе. Маркин бросил на ящик свернутую трубкой тетрадку.

— Думаете, они действительно больные? — с едва прикрытым осуждением спросил начштаба.

— Вовсе не думаю.

— Так как же тогда — за здорово живешь — шагом марш в тыл?

Маркин был зол и, не стараясь скрыть своего недовольства поступком комбата, еще пробурчал что-то. Комбат, однако, не очень прислушиваясь к его ворчанию, достал из кармана часы и подошел к фонарю. Обе зеленовато-фосфорные стрелки приближались к двенадцати.

— Надеюсь, лейтенант, вы меня за идиота не принимаете?

— Да я что? Я так просто. Сказал...

— Кто-кто, а вы-то должны понимать. Мишени на поле боя нам не нужны.

Он положил часы на край ящика и сам опустился рядом. Маркин с неожиданным озлоблением выпалил:

— А эти, что остались, не мишени?

— Это будет зависеть от нас.

— От нас! Вот посмотрим, как они завтра поднимутся. Как бы не пришлось в зад каблуком пинать.

— Очень даже возможно. Завтра, возможно, и не поднимутся. Придется и пинать. А через неделю поднимутся. Через месяц уже награждать будем.

Маркин надел в рукава полушубок.

— Если будет кого, — спокойнее сказал он и вытащил из кармана другую тетрадь. — Вот. Боевое распоряжение из полка. На атаку.

Комбат взял тетрадь, наполовину исписанную знакомым писарским почерком, достал из сумки измятую карту. Маркин посидел и, зевнув, откинулся на солому в угол.

Наверху стало тихо-тихо...

Глава шестая

Боевое распоряжение на атаку не много прибавляло к тому, что и без него было известно. Комбат быстро пробежал взглядом две странички рукописного текста, дольше задержался на карте. Постепенно ему стало понятно, что охватный маневр, предписанный командиром полка, вряд ли получится. Для охвата такой высоты, как эта, понадобился бы не один батальон и не одна поддерживающая его батарея. Опять же — соседний за болотом пригорок. С виду это была малозаметная среди мелколесья горбинка, едва обозначенная на карте двумя горизонталями, к тому же располагалась она далеко за флангом, на соседнем, неизвестно кому принадлежащем участке. Но в случае именно этого охватного маневра горбинка оказывалась почти что в тылу боевого порядка батальона, и это уже настораживало. А вдруг там — немцы?

Невеселые размышления комбата прервал настойчивый внутренний зуммер телефона. Чернорученко с охриплой поспешностью назвал свои позывные и снял с головы трубку.

— Вас, товарищ комбат.

В шорохе и треске помех слышался нервный голос командира полка:

— Опять у вас фокусы, сюрпризы! Когда это кончится, Волошин?

— Что вы имеете в виду?

— Почему вернули карандаши? Вы что, не получили приказ на сабантуй?

— Получил, товарищ десятый, — нарочно невозмутимым голосом ответил комбат.

— Так в чем же дело?

— Я вернул больных.

— Что? Больных? — Гунько коротко хохотнул недобрым, издевательским смехом. — Кто тебе сказал, что они больные? Не они ли сами?

— Ну конечно. У меня же врача нету.

— Слушай, ты... Вы там нормальный или нет? Если вы будете такой легковерный, так у вас завтра в хозяйстве никого не останется.

— Останется, товарищ десятый. А те, кто на санчасть оглядывается, мне не нужны.

— Как это не нужны? Вы понимаете, что вы говорите? С кем вы тогда будете выполнять боевую задачу? Вы просили пополнение. Я вам дал максимум. За счет других, можно сказать. А вы отказываетесь. Я просто не знаю, как это

понимать?

Волошин печально вздохнул, ему опять становилось тоскливо и муторно от этого бессмысленного разговора.

— Товарищ десятый! Вот и отдайте их тем, кого вы обделили. Мне хватит.

— Хватит?

— Да, хватит.

Трубка примолкла, потом зарокотала опять, но уже в новом, более нетерпеливом тоне.

— Имейте в виду, Волошин, я вам завтра это припомню. Запросите помощи — шиш получите.

— Не сомневаюсь.

— Что?

— Говорю, не сомневаюсь. Только просить не буду.

— Не будете?

— Нет, не буду!

Трубка замолкла, и он уже хотел отдать ее Чернорученко, как там снова появился голос. Голос был бодрый, почти веселый, и комбат не сразу узнал его обладателя.

— Але, Волошин? Так как вы встретили карандашиков?

— Обычно. Хлебом и солью, — в тон ему, полушутливо ответил комбат. Теперь он не очень

выбирал выражения — это говорил заместитель командира полка по политчасти майор Миненко, отношения с которым у комбатов были довольно демократичные.

— Хлеб — хорошее дело, но не забывайте и о пище духовной.

— Ну а как же? Разумеется.

— Так вот что. Надо побеседовать с людьми. Рассказать о положении на фронтах. О победе под Сталинградом, про боевые успехи части. Да и вообще. Вы знаете о чем.

— Вы думаете, я — политрук?

— А это неважно. Институт военкомов отменен, так что...

— Тем не менее вы-то остались. Вот и рассказали бы о положении на фронтах.

— Ну это ты брось, Волошин! — недовольно послышалось в трубке. — Что мне положено, я и без тебя знаю.

Волошин вздохнул полной грудью:

— Товарищ двадцатый! Неужели вы думаете, что у меня перед завтрашним сабантуем нет других дел, кроме как рассказывать о положении на фронтах? Я перед своим носом еще не разобрался в положении.

Он замолчал, в трубке тоже смолкло. Потом

Миненко, наверно, подумав, сказал примирительнее:

— Ну хорошо! Я подошлю лейтенанта Круглова. Он проведет беседы, а вы уж обеспечьте людей.

— Завтра?

— Почему завтра? Сегодня.

— Ну что вы говорите, товарищ двадцатый! Люди прибыли с марша. Усталые и голодные. Завтра... Вы знаете, что их ждет завтра. Надо им отдохнуть или нет? В конце-то концов...

Замполита этот выпад комбата мало в чем убедил.

— Ну, ну, ну... Так не пойдет. Мы не можем ни на минуту забывать о политмассовой работе. Мы должны проводить ее в любых условиях. Так требует Верховный Главнокомандующий. Вы понимаете?

Волошин бросил на кожаный футляр трубку и откинулся спиной к стене. От его голоса в землянке проснулся разведчик; поджав ноги, сел возле ящиков лейтенант Маркин... Он пришлет лейтенанта Круглова, думал комбат. Круглова, конечно, прислать нехитрое дело, безотказный комсорг и так только вчера ушел из его батальона в соседний.

А впрочем, так оно, может, и лучше. Пусть

приходит Круглов, с ним можно договориться и выкроить для бойцов возможность хотя бы напеременку отдохнуть перед атакой. Иначе завтра от них, задерганных и неотдохнувших, проку будет немного. Это он знал точно.

Разведчик спросонья поскреб под мышками, стянул сапог и начал перематывать портянку. Чернорученко с недовольным видом продувал трубку, проверяя линию. Маркин вопросительно поглядывал на комбата.

— Что он?

Комбат взял с пола карту, на которой из завтрашней задачи еще многое оставалось нерешенным и недодуманным, и, не поднимая взгляда на своего начальника штаба, сказал:

— Товарищ Маркин! Отправляйтесь в девятую и организуйте разведку бугра за болотом.

Маркин немного помедлил, потом подпоясался по полушубку трофейным ремнем с кирзовой кобурой на боку и молча вылез в траншею.

Комбат подумал, что, пожалуй, приказал чересчур официально, мнительный лейтенант мог обидеться. Но теперь у него не было никакой охоты к почтительности — злило начальство, злили немцы, злила неопределенность в обстановке на передовой. А тут еще никаких вестей от развед-

чиков с высоты. Пора было бы им вернуться и докладывать, да вот — ни слуху ни духу.

Начинался второй час ночи.

Комбат решительно встал с соломы, туже подтянул ремень. Его тревожное нетерпение все усиливалось. В такие минуты было несносно оставаться с собой, тянуло к людям, в роты, и Волошин откинул на входе палатку.

— Придет Гутман, пусть остается тут.

— Есть, товарищ комбат, — согласно ответил Чернорученко.

На НП в боковой ячейке тихо шевелилась темная, завернутая в плащ-палатку фигура — боец уважительно повернулся к комбату, привычно ожидая его вопросов. Волошин остановился, прислушался: ночь была тихая и загадочная, какая редко выпадает на передовой, — по крайней мере, поблизости нигде не стреляли. Где-то невдалеке слышались голоса, но вряд ли на его участке, наверно, в ближнем тылу у соседей.

— Ну что, Прыгунов?

— Так, ничего. Постреляли немного да стихли.

— Давно?

— С полчаса назад. Пулемет потыркал, потыркал и смолк.

— Ракет не бросали?

— Две всего. Часовые, наверно.

Может, часовые-дежурные, а может, и боевое охранение — если засекли разведчиков. А может, те уже вернулись, да Самохин медлит с докладом, хотя такое промедление на него непохоже.

— А из-за болота, с высоты «Малой», ничего не было слышно? — спросил он у Прыгунова.

Тот повертел головой:

— Нет, ничего, товарищ комбат.

Волошин помолчал, вслушиваясь, и разведчик начал обмахиваться, шлепая себя рукавицами по бокам, — грелся.

— Сколько времени уже, товарищ комбат? Часов двенадцать есть?

— Половина второго.

— Ну, через полчаса сменят. Кимарнуть часок до утра. А утречком наступления не ожидается? — тихо, без особенного интереса спросил разведчик. Волошин внутренне поморщился от этого, неприятного теперь вопроса.

— Ожидается, Прыгунов. Утром атака.

— Да? — не слишком даже удивившись, скорее с привычным равнодушием произнес Прыгунов. — Тогда хуже дело.

Да, завтра будет похуже, это наверняка, но говорить о том не хотелось. Заботило множество

вопросов, немаловажных для этого завтра, и среди них самым главным был результат разведки нейтралки и того бугра за болотом. Но тут, наверно, надо бы довериться Маркину. Если уж приказал, то надо бы набраться терпения и дождаться выполнения этого приказа. Но, как всегда, в таком положении ждать было невмоготу, и Волошин, постояв немного, оперся коленом на край бруствера и выбрался из траншеи.

Глава седьмая

Комбат тихо шел по косогору к болоту. По-прежнему было темно, напористый восточный ветер суматошно теребил сухие стебли бурьяна, с тихим присвистом шумел в мерзлых ветвях кустарника. Сдвинув кобуру вперед, Волошин настороженно посматривал по сторонам — все-таки шел один, и мало ли что могло с ним случиться среди глухой ночи в полукилометре от немцев. Они ведь тоже, наверно, не спят — организуют оборону, охранение, ведут поиск разведчиков и, может, уже рыщут где-либо поблизости в тылах его батальона.

Наверно, нет ничего хуже на войне, чем случайная смерть вдали от своих, без свидетелей.

В данном случае скверной казалась не сама смерть, а то, как к ней отнесутся люди. Наверняка найдутся такие, что скажут: перебежал к немцам, как это случилось осенью после исчезновения их командира полка Буланова и его начальника штаба Алексюка. В сумерках приехали верхами на КП второго батальона, поразговаривали, закурили и отправились в третий, до которого

было километра два логом через низкорослый кустарничек. Однако в третий они так и не прибыли. Исчезли бесследно, будто шутя, между двумя затяжками, как бы их и не было никогда на земле. Потом ходили разные слухи-догадки, каждая из которых (кроме разве самой нелепой, насчет умышленной сдачи в плен) была вполне вероятной. И все-таки наиболее вероятным было предположение, что оба командира попали в руки немецких разведчиков.

Да, влипнуть в беду на войне было делом нехитрым, даже весьма примитивным. Хотя бы вот и сейчас, когда он брел в ночной темноте один, без ординарца, связного и даже без своего неизменного Джима. Конечно, с Джимом было надежнее — Джим в таких случаях был незаменим своим собачьим чутьем и почти несобачьей преданностью.

Этот пес попал к нему в руки полгода назад, на исходе лета, под Селижаровом, где остатки их разгромленной армии пробивались из окружения. Прорыв, начатый ударной группировкой, по непонятной причине затягивался, немцы успели закрыть пробитую ею брешь, их минометный огонь с утра крошил вековые сосны на опушке, где развернулись сводные батальоны второй

волны, начал гореть лес, и дымная пелена все плотнее окутывала подлесок. Когда поднялось солнце, осколком разорвавшейся в ветвях мины Волошин был ранен в голову и, наскоро перевязавшись, до полудня пролежал под сосной в ожидании сигнала «вперед», которого так и не последовало. Истомленный духотой, жаждой, истерзанный болью, он отправился на поиски воды в глубь леса и скоро набрел на заросший лещиной овражек с едва журчащим по камням ручейком, где и нашел этого невесть откуда прибившегося сюда пса. Свернув набок отощавший зад и широко расставив передние лапы, Джим сидел перед ручьем и со страдальческим ожиданием в глазах смотрел на человека. Волошин попил сам, наполнил теплой водой трофейную флягу и, спокойно подойдя к псу, осторожно погладил его. Пес даже не уклонился от его руки, и вскоре Волошин понял, что задняя его лапа была перебита осколком. В кармане нашелся остаток бинта, которым он тут же осторожно прибинтовал перелом, затем, выломав из лещины два тонких, но крепких прутика, наложил их вместо шин на лапу и снова туго затянул бинтом. Пес осторожно переступил раз и второй и с вдруг обретенной надеждой пошел за человеком.

Он не отставал от капитана до вечера. Во время суматошного ночного прорыва, в грохоте и круговерти трассирующих, ненадолго исчез, но когда утром остатки группировки прорвались через немецкие позиции, Волошин, к своему удивлению, увидел рядом и этого охромевшего пса, который упрямо не хотел расставаться со своим спасителем. Волошин накормил его у первой же встретившейся им полевой кухни, впервые за несколько суток поел сам, перевязал лапу в санчасти, где перевязывали и его, и увел в тыл, на пункт сбора и формировку. Лапа у пса срослась удивительно быстро, и он ни на шаг не отходил от своего покровителя. Иногда у них обоих возникали осложнения с начальством, но все кое-как обходилось, вплоть до сегодняшней ночи.

Озабоченный многим из того, что происходило сегодня в землянке, судьбой батальона и завтрашней атакой, Волошин сперва даже и не очень почувствовал утрату Джима. Однако со временем тоска по собаке все увеличивалась, временами доходила до отчаяния. Как ни удивительно, а Джим был для него чем-то глубоко личным, почти интимным; чем-то из того, что начисто вытравляла в человеке война и что можно было скорее почувствовать, чем сформулировать

словами. Тем не менее он не мог возразить генералу, для которого этот сильный красивый пес явился сегодня предметом минутного увлечения, властного каприза — не больше.

Восьмая располагалась внизу под косогором, раскинув по обмежку ряд одиночных ячеек. Среди них была и тесненькая, крытая брезентом землянка командира роты, в которой ютился Муратов и по очереди грелись бойцы. Осторожно ступая в темноте, комбат тихо подошел с тыла к едва приметному на земле бугорку, из-под которого слышались голоса. Он ожидал найти тут Маркина с Муратовым, но вместо них в землянке оказалось несколько бойцов, едва освещенных крохотным язычком догорающей трофейной плошки. Двое сидящих возле нее, накинув на голые плечи шинели, внимательно обыскивали на коленях вывернутые наизнанку сорочки. Комбат просунул голову в узкую щель возле палатки, и бойцы оглянулись, стеснительно прикрыв локтями одежду.

— Что, грызуны заели?

— Кусаются, холера на их.

— Где командир роты?

— Пошел. С начальником штаба, — ответил ближайший к выходу боец, натягивая полу ши-

нели на белое худое плечо.

Волошин опустил палатку и поднялся, с удовлетворением подумав, что Маркин уже начал действовать. В общем-то начальник штаба был человек исполнительный, даже старательный, поручив ему дело, можно было не сомневаться, что тот волынить не станет. Правда, деятельность его обычно простиралась строго в пределах приказа. Если же ему случалось что-то взять на себя и свою ответственность или проявить связанную с риском инициатив у, то тут от Маркина не следовало ждать многого, он всегда делал столько, сколько было отмерено распоряжением старшего начальника.

Впрочем, его можно было и понять: не каждый на войне, попав в такие жестокие ее жернова и выйдя из них живым, смог бы сохранить в себе душевную силу и не надломиться. Комбат уже знал из жизни и своего командирского опыта, что люди есть люди и требовать от кого-либо не по его силам по меньшей мере нелепо. Наверное, каждого следовало принимать таким, каким его сформировала жизнь, используя для дела те его человеческие качества, которые только и можно использовать.

Стоя в отрытом проходе, Волошин прислу-

шался, осмотрелся по сторонам — поблизости, казалось, кто-то маячил на едва светлеющем фоне неба. По-видимому, он узнал комбата и заговорил осиплым, простуженным голосом:

— Они там, возле сержанта. Комроты там и начальник штаба.

Комбат помалу пошел вдоль цепи от одной одиночной ячейки к следующей. Почти во всех шевелились бойцы, в некоторых их было по двое — сошлись покурить да погреться. Кажется, никто из них не спал — мудрено было уснуть на такой стуже. Однако это лишь с вечера. Комбат знал, что под утро их все-таки одолеет сон, насколько хватит терпения, будут дремать, превозмогая холод. Совершенно без сна человеку нельзя даже и тогда, когда он на войне и в полукилометре от него сидят немцы.

Наконец возле пятой или шестой ячейки он услышал сдержанный разговор, который тут же и оборвался. На земле возле бруствера темнело несколько фигур, и он подошел ближе и остановился:

— Ну что, лейтенант Маркин?

Маркин торопливо поднялся, поднялся также Муратов и еще кто-то из бойцов восьмой роты.

— Послали, товарищ комбат. Троих. Через час-

полтора должны возвратиться.

— Так. А из седьмой не слыхать ничего?

— Нет, из седьмой не слыхать.

— Пошлите бойца к лейтенанту Самохину. Пусть передаст: жду результатов разведки.

— Есть.

Муратов круто повернулся и побежал куда-то, Волошину это не понравилось: куда он бежит? Или у него нет ординарца или хотя бы связного, чтобы вызвать нужного человека? Однако тот факт, что сам он пришел сюда один, удержал комбата от упрека ротному. Маркин выжидательно стоял напротив.

— Вы отправляйтесь на КП, — сказал Волошин. — Если что, я буду тут.

Начштаба повернулся, но, прежде чем пойти, объяснил, будто опасаясь, что комбат в его действиях поймет что-либо не так:

— Тех я хорошо проинструктировал. В роте назначили слухачей-наблюдателей. Так что все должно быть в порядке.

— Хорошо.

Маркин с нетерпеливой озабоченностью зашагал на пригорок и скоро исчез в темноте. Не оборачиваясь в его сторону, комбат какое-то время еще различал звуки его шагов на мерзлой

земле, один раз даже сильно долбануло чем-то — наверное, Маркин споткнулся, затем все стихло. Маркин никогда особенно не подводил его, был послушен, не имел привычки оспаривать его распоряжения, старательно исполнял все, что требовали из полка. В общем, он был неплохой начштаба, но, оставшись наедине с ним, Волошин всегда испытывал какую-то напряженность, что-то такое, что было ему в тягость. Маркин неизменно вызывал к себе какую-то неосознанную настороженность, было такое впечатление, будто он чего-то ждал от комбата, но чего — понять было невозможно. Правда, Волошин не особенно и размышлял о том, даже старался не замечать неловкости между ними, и тем не менее неосознанная эта натянутость в их отношениях стала почти привычной. Хотя Волошин и ничем не обнаруживал ее перед Маркиным.

Отвернувшись от ветра, комбат тихо стоял возле бруствера, объятый ночью, ветреной стужей и тишиной. В двадцати шагах на болоте в кустарнике тускло мерцали льдины — серые, словно оплавленные, с вмерзшей травой, грязные, зажатые между кочек плахи. Болото, однако, было неширокое, а за ним на полого поднимавшихся склонах высоты делали свое дело немцы. И хотя

тут они были ближе, чем от его КП, комбат чувствовал себя почти спокойным — тут исчезало одиночество и появлялась привычная уверенность, которую можно ощутить только дома. Впрочем, оно и понятно: его батальон давно уже был его домом, его крепостью и пристанищем — другого для себя пристанища на войне он не знал.

Когда вернулся Муратов, Волошин все еще тихо стоял возле его окопчика, и лейтенант, наверно, подумав, что комбат что-то слушает, почтительно замер рядом. Волошин действительно вслушивался, стараясь уловить какой-либо звук за болотом. Но с «Большой» и «Малой» высот не долетало ни звука, лишь на болоте посвистывал в голом кустарнике ветер. Разведчики упрямо молчали — то ли еще пробирались к немецкой траншее, то ли где-нибудь лежали возле нее.

Комбат не спеша пошел вдоль цепи в направлении к роте Кизевича, Муратов с привычной молчаливостью направился следом.

— Как вы распределили пополнение? — вполголоса спросил комбат.

— Всэх в одын взвод.

— Всех? А командир взвода?

— Сам буду командир взвода. Буду под рукой

держать.

Сам — это уже стиль Муратова. Не любит ждать, медлить, перекладывать на других. Впрочем, теперь не на кого было и переложить: командиров взводов не осталось, сержантов уцелело два человека на роту, может, и лучше новичками командовать самому.

Восьмая кончалась, где-то поблизости должна была начаться цепочка девятой, разрыва у нее с восьмой почти не было. Возле окопчиков, повылезав на поверхность, сидели и стояли бойцы, некоторые копали, по-видимому, лишь бы напрасно не мерзнуть. Комбата с командиром роты узнавали по разговору и почтительно оборачивались к ним, наверное, тут были старослужащие.

— Ну и как настроение у новеньких?

— Какой настроение? Устали, спать хотят. Окопаться не хотят.

— Окопаться необходимо.

— Я сказал: одын ячейка на два человек.

— Вот как?

Конечно, это было неправильно. Двум бойцам в одной ячейке можно было разве что прятаться от артобстрела, но не самим вести огонь. Надо было окопаться как следует — каждому отрыть по ячейке в рост, но если бы было время. А так ночь

проковыряются в земле, устанут и завтра в бою будут как дохлые мухи — чего от них добьешься?

Муратов отчужденно молчал, будто обиженный кем-то, хотя обижаться вроде бы не было повода. Комбат, выждав немного, спросил:

— А у вас самого как настроение?

— А что настроение? Плохой настроение, — просто ответил лейтенант.

— Это почему?

— Часы стал.

— Какие часы?

— Мой часы. Взял и стал. Послушал — стоит. Завел — стоит.

— Ну и что? — подумав, спросил комбат.

— Так, ничего, — скупо ответил ротный.

— Значит, барахло часы. Кировские?

— Немецкие.

— Ну, немецкие — штамповка. Дрянь, не часы. Мои вот не останавливаются.

Он вынул из карманчика свои швейцарские, живо почувствовав в руке металлическое цоканье их механизма. На циферблате зеленоватым светом ярко горели все цифры и стрелки, отмерившие уже без малого два часа ночи.

— Мой барахло, — согласился Муратов. — У Рубцова взял. Артподготовка был, Рубцов смотрел:

стоят. Говорит: бери, Муратов, мне будет не надо. В атаке пуля попал под каску.

— Да?

Смысл этих обычно сказанных слов недобрым предчувствием уколол сознание, комбат поежился, но с видимым усилием превозмог себя и почти бодро заметил:

— Глупости! Простое совпадение — не больше.

Про себя он подумал, что сколько уже погибло в батальоне и с часами, которые не останавливались, и без часов вообще, и с плохим предчувствием, и с самым наилучшим. Однако не успел он сколько-нибудь убедительно успокоить мнительного ротного, как поблизости, возле белевшего пятна свеженарытой земли, заметил знакомую сутуловатую фигуру в коротком полушубке. Это был командир девятой Кизевич. Он также узнал комбата и, повернувшись к нему, подождал, пока тот подойдет ближе.

— Уж не в пять ли атака? — спросил он хрипловато-ироническим басом.

— Атака в свое время, — сухо сказал комбат, подходя. — Как вы обеспечили фланг?

— Фланг? — переспросил Кизевич и переступил возле бруствера. Можно было подумать, что он только сейчас вспомнил об этом своем фланге,

который был для его роты открыт на весь белый свет, и не знал, как ответить.

— Ну да, фланг, — подтвердил комбат и терпеливо ждал полминуты, привычный уже к мешковатой неторопливости комроты-девять.

— Загнул два взвода, и роют.

— А пополнение?

— И пополнение роет. А что ж ему — спать?

— Пополнению дайте отдохнуть. Пусть старики поработают.

Кизевич умолк, и Волошин подумал, что вообще, если иметь в виду завтрашнюю задачу, то копать отсечную позицию на фланге, может, и не было надобности. Но пусть. Может так случиться, что понадобится и отсечная, тем более что и Кизевич тоже не забыл о ней.

— Возьмете для усиления взвод ДШК.

— Это всегда пожалуйста, — добродушно согласился Кизевич.

— И смотрите мне фланг. Атака само собой. А фланг — ваша особая задача.

— Будет исполнено, — все с той же иронической легкостью заверил Кизевич.

Что-то заподозрив в поведении своего комроты, комбат сделал шаг вперед и едва не впритык стал перед ним. Кизевич, блаженно усмехаясь в

темноте, даже не шагнул в сторону.

— Что, опять? — недобро спросил Волошин.

— Наркомовские, товарищ комбат. Ей-богу, не больше.

— Кажется, вы у меня дождетесь, — после паузы тихо сказал комбат. Кизевич попытался обидеться:

— Ну, скажете тоже! Что я, маленький? На холоде ведь, для сугревки.

Это объяснение он слышал уже не впервые, как не впервые предупреждал Кизевича, который в общем был неплохим командиром роты, если бы не эта, иногда чрезмерная, склонность к «наркомовским».

Кто-то в темноте швырял через бруствер землю, которой раза два осыпало сапоги комбата. Сзади, дожидаясь чего-то, стоял молчаливый сегодня лейтенант Муратов, и рядом лениво переминался с ноги на ногу явно удовлетворенный своим хмельноватым сочувствием старший лейтенант Кизевич. Волошина тихо раздражало это его хмельное благодушие; столько трудного ждало батальон завтра, а у этого, смотри ты, какая успокоенность.

— Вот что, — сказал он, подумав. — Возьмите один ДШК. Второй пойдет в роту Самохина.

Кизевич обиженно насторожился:

— Ну, это уже... Товарищ капитан, у меня же фланг. Сами же говорили...

— Вот одним пулеметом и обеспечите фланг, — несговорчиво отрезал комбат и повернулся к тыловому пригорку. — Где Ярощук? Вроде бы где-то тут был?

Глава восьмая

Пулеметный взвод Ярощука размещался где-то в старых воронках между девятой и лесом, но сейчас, в глухой темени ночи, комбат исходил вдоль и поперек почти весь косогор, и напрасно; Ярощук будто провалился сквозь землю. Волошин уже начал тревожиться, не случилось ли что-нибудь скверное с приданным ему взводом, как вспомнил, что невдалеке от позиции Ярощука была небольшая гривка кустарника на обмежке, который теперь тоже где-то запропастился в этой ночи. Значит, он заплутался. Подумав и осмотревшись, комбат взял выше, влез в какие-то колючие заросли, расцарапал себе лицо и руки, пока выбрался из них, перешел впадину с жестко хрустевшим на морозе, сизым в потемках снегом, рискуя вывихнуть в щиколотках ноги, со слепой поспешностью перешел подмерзший клин пахоты. И тогда он расслышал тихий голос поблизости, вскоре его окликнули, и он подумал, что нашел пропажу, как окликнули снова:

— Стой! Кто идет?

— Свои.

— Пропуск?

— Боек.

— Стой!

— В чем дело?

— Пропуск?

«Что за черт? — подумал комбат. — Не забрел ли я на участок соседнего батальона, где на сегодня, разумеется, был другой пропуск?» С неприятным чувством он остановился перед наставленным на него автоматом человека в плащ-палатке, уже кричавшего в темень.

— Товарищ сержант Матейчук!

— Что такое?

Комбат едва не выругался с досады — это была батарея Иванова. Он узнал голос его ординарца, который тем временем выбирался откуда-то из темени, наверно, из землянки.

— Кто такой?

— Это я, Матейчук.

— А, товарищ капитан? Проходите, — легко узнал его Матейчук, в одной гимнастерке подошедший к комбату и донесший с собой запах дыма и еще чего-то, приятно-съестного.

Часовой с молчаливой бесстрастностью взял автомат на ремень.

— Капитан тут?

— Тут. Проходите.

Он протиснулся через узкий проход в землянку, в которой было тепло до духоты и возле входа на полу стремительным пламенем сипела под синим кофейником паяльная лампа. Напротив, на устланных лапником нарах, с книжкой в руках лежал командир батареи Иванов. Землянка была полна бензинового чада, смешанного с приятным запахом кофе. Маленькая аккумуляторная лампочка под потолком неплохо освещала это уютное жилище.

— Привет, бог войны!

— Салют, салют, царица полей! — обменялись комбаты шутливым приветствием, и Иванов сказал:

— Как раз вовремя. Будем пить кофе.

— Ты все еще кофе пьешь? Завидую, завидую. — Волошин, пригнув голову, приткнулся в ногах командира батареи. — А я свой взвод ДШК потерял. Ходил, ходил...

— Да он тут, перед нами. В ста метрах ниже, — сказал сидевший на корточках Матейчук. — Могу показать.

— Ладно, немного погреюсь у вас, — сказал Волошин, потирая озябшие руки. — Так как настроение, бог войны?

— Соответственно обстоятельствам. Соответственно обстоятельствам, дружище.

С капитаном Ивановым они были знакомы еще с довоенного времени, когда командирами взводов вместе служили в одном гарнизоне и вместе участвовали в спортивных состязаниях по легкой атлетике. Потом встретились в окружении и относительно счастливо пережили его, хотя Иванов и вышел оттуда с четырьмя бойцами, без пушек. С первого дня наступления гаубичная батарея Иванова, выделенная из артполка, поддерживала батальон Волошина, и, как только представлялась возможность, Волошин не упускал случая лишний раз встретиться с другом, обсудить обстановку, увязать некоторые моменты взаимодействия, а то и просто потрепаться, как с равным, чего он не мог позволить себе в батальоне, где для всех был начальником, или в полку, где, наоборот, почти все были для него начальством.

— Что читаешь? — заглянул Волошин на обложку книжки. — А, Есенин!

— Есенин, да. Представь себе, ребята у немца взяли. Убитого. Зачем ему был Есенин, понять не могу.

— Может, по-русски читал?

— Может... Это же, знаешь, поэт! Поэзия, музыка, чувство! Жаль, до войны я его и не почитал как следует.

— До войны его не читали. О нем читали: кулацкий поэт и так дальше.

— В чьих-то окосевших глазах кулацкий. А по-моему, самый что ни есть человеческий. Вот послушай: «Ты жива еще, моя старушка? Жив и я. Привет тебе, привет! Пусть струится над твоей избушкой...»

— «Тот вечерний несказанный свет», — закончил Волошин. — Это и я знаю.

— Или вот еще. Почти уже про нас: «Струилися запахи сладко, и в мыслях был пьяный туман... теперь бы с красивой солдаткой завесть хорошо бы роман...» Ну как?

— В самый раз, — сказал Волошин. — Только романа и не хватает. Слышал, в шесть тридцать атака?

Иванов с затаенным вздохом отложил книжку, и хорошее, почти простодушное оживление разом стерлось с его лица.

— Как же, как же! Только что звонило мое начальство.

Он опустил с лежака ноги и принялся натягивать на трофейные шерстяные носки хромовые

сапожки. Ординарец приглушил лампу и поставил на землю кофейник.

— А как со снарядами? — спросил Волошин.

— Почти никак. Распорядились занять у соседей. Послал ребят, должны привезти штук сорок. Значит, всего будет по двадцать на гаубицу.

— Да. Для моральной поддержки, — невесело заметил Волошин.

— Для моральной, конечно. Опять же я не могу расстрелять все за один раз. Мне же надо и на случай чего. Для самообороны.

— Само собой...

Тем временем гостеприимный Матейчук налил из кофейника две эмалированные кружки, отставил в угол треногу. Иванов вместо стола подвинул на лежаке квадратную доску планшета в холщовом чехле, на которую ординарец поставил кофе. Потом он вынул из вещмешка несколько обкрошенных ржаных сухарей.

— Ну, давай кейфанем, — гостеприимно пригласил Иванов. — Знаешь, люблю маленькие приятности, которые в состоянии себе позволить.

— Вот именно, только и утешения. А у нас и этого нет. Пехота! Не то что вы, аристократы войны: перина, кофе, ППЖ еще. Полный комфорт!

— ППЖ не держим, сам знаешь. А остальное почему не иметь? Была бы тяга.

— И тяги хватает. Трактора, автомашины. А у меня вон четыре клячи на батальон. Прежде чем оседлать какую, надо подумать, куда поклажу девать.

— Зато у тебя Джим, — выпалил Иванов.

— Был. Нету Джима.

— Что, подстрелили?

— Генерал забрал. Попался на глаза.

— Э, сам виноват! Чудак! Разве можно такого пса генералам показывать? Просил, мне не отдал. Ну и вот...

Кофе был огненно-горячий и вонял бензином. Волошин сгрыз пару сухарей, согрелся, ему по-домашнему стало уютно и хорошо со старым другом. Если бы не завтрашняя забота, которая тяжелым камнем лежала на душе, он готов был сидеть тут до утра.

— Еще налить? — спросил Иванов. — Матейчук!

— Нет, спасибо. Знаешь, я предпочитаю чаек. Слушай, а у тебя траншея пристреляна?

— Репер есть, — сказал Иванов. — За это можешь не беспокоиться. Точность гарантируется.

— Знаешь, не бахай чересчур вначале. Вначале

я уж как-нибудь сам. Мне потом надо. Там, на высотке. Как зацепимся.

— С дорогой бы душой. Но ведь начальство потребует. Ему же, сам знаешь, главное — вначале чтоб грохоту побольше. Чтобы залп был.

— Залп, да. А мне не залп надо. Мне хотя бы по паре снарядов на пулемет. Они же, знаешь, имеют способность с того света возвращаться. Кажется, ты его уже разгрохал, два попадания было, а он через пять минут опять лупит.

— Взаимозаменяемость номеров, чего же ты хочешь! — сказал Иванов, принимаясь за вторую кружку. — Огневая подготовка.

— Подготовочка еще та, это я знаю. Под Звоновом взяли в плен немецкого снайпера. Два креста на кителе, можешь себе представить, сколько он настрелял нашего брата. И всего месячные курсы окончил. Спрашиваю, как обучались? Просто, говорит. Каждый день шесть часов огневой подготовки на полигоне. Вот практика.

— А у нас черт-те знает чего только нет в программах. Вон артиллеристов учат. И ПХЗ, и строевая обязательно. Будто на фронте каждый день парады.

— Грешно хвалить противника, но приходится, — согласился Волошин. Он давно уже знал

в характере Иванова этот критицизм, который свидетельствовал о наблюдательности друга, его нередкой готовности открыто выложить правду-матку.

— А почему — грешно? Насчет войны они ведь мастера, ничего не скажешь. Не зазорно кое-чему и поучиться.

— Поучиться, да, — сдержанно согласился Волошин. — Особенно что касается пехоты, это точно. Вон сколько у нас до войны было разных уставов по тактике — и все насмарку. Теперь в пожарном порядке сочинили новые: и БУП-один и БУП-два. Конечно, на другой основе. На той основе, какую навязала война.

— Да, да. Но это у вас, у царицы полей. У нас, в артиллерии, все по-прежнему. По-довоенному.

— У вас что, у вас математика. Функции углов одни и те же у нас и у немцев.

— Вот если бы еще к этой математике да побольше снарядов, — вздохнул Иванов. — А то, ну что за работа — на каждый выстрел разрешение у командира дивизиона просить. И так уж бережешь, как скупой рыцарь. Над каждым снарядом трясешься.

— Это конечно. Ну что же, дружище, хорошо у тебя, но надо топать. Послал разведчиков — жду

результатов. Хотя бы косогор не заминировали. А то завтра будет сюрпризик.

Волошин вгляделся в свои швейцарские, было два тридцать.

— Не дай бог мины, — сказал Иванов. — Знаю.

— Под огнем тогда разминируй. Попробуй.

— Шпрингены эти, черт бы их взял. У меня же вот командир взвода управления на мине подорвался. Теперь взводом Матейчук командует.

Волошин поднялся, застегнул на крючок воротник шинели. Томик стихов Есенина с заломанной страничкой лежал на примятом лапнике, и он сгреб его большой рукой.

— Знаешь, ты все равно спать будешь, а мне не до сна. Хоть, может, душу отведу, — сказал он. Иванов поморщился, но согласился.

— Только с возвратом. А то тут у меня очередь.

Они оба вышли из землянки на стужу ветреной ночи, молча посмотрели вниз, в сторону невидимой отсюда высоты. Поодаль темнела настороженная фигура часового. Вокруг сонно лежало ночное пространство, полное неясных отдаленных шумов, звуков, шума ветра в кустарнике.

— Ну что ж, спасибо за кофе и беседу, — сказал Волошин, с тихой грустью пожимая теплую руку

друга. — Завтра другая беседа будет.

— Завтра другая, — согласился Иванов. — Ну как-нибудь. Желаю успеха. А впрочем, зачем желать — вместе ведь будем.

Глава девятая

С НП Иванова он направился к батальонной цепи, предполагая наконец наткнуться по дороге на пулеметы Ярощука. Но этот Ярощук, наверно, был неуловим сегодня. Комбат прошел по косогору до самого болота, а пулеметов так и не обнаружил. Он опять проминул их и понял это, лишь когда заметил в темноте одиночные ячейки какой-то из своих рот, дальше на болоте темнел кустарник, в котором серели пятна болотного льда. Его никто не окликнул, но он сам уже услышал притишенный в ночи голос Муратова, еще чей-то и догадался, что это вернулись посланные начальником штаба разведчики.

— Надо доложить на КП, — говорил Муратов. — Где старшина? Идите на КП.

— Не надо на КП, — сказал Волошин, приближаясь к нескольким темным фигурам. — Все вернулись?

— Все, товарищ комбат, — тише сказал Муратов. — На высоте «Малой» наши.

Волошин подошел ближе, трое бойцов в шапках с оттопыренными ушами выжидательно

стояли, приставив к ногам винтовки.

— Были на высоте? — спросил он.

— Нет, товарищ комбат. До высоты не долезли, трясина там. И так вот, по колено, — сказал один из разведчиков и, распахнув полы шинели, показал темные, наверно, мокрые, ноги. — Но мы слышали.

— Что вы слышали?

— Наши там. Роют что-то. Слышно, как ругаются, и все такое. По-нашенски, по-русски.

Волошин молчал. То, что там наши, а не немцы, позволяло вздохнуть с облегчением, но такой метод разведки этих бойцов — на слух — явно не удовлетворял его. Наверно, заметив недоверие комбата к результатам своей работы, все тот же боец возбужденно сообщил подробности:

— Влезли в кусты, сидим ждем, слышим, они там долбят. Хотели уж лезть по воде, да слышим, по-нашему говорят. «Володя, — говорит, — куда ты подсумки положил?» — «На шинели, — говорит, — мои и твои». Ну понятно, наши, — с уверенностью заключил боец.

— Если наши, то надо установить с ними связь, — сказал комбат. — Договориться о взаимодействии на завтра. Вызовите сюда старшего лейтенанта Кизевича.

— Есть!

Боец побежал в направлении девятой роты, а Волошин задумчиво вглядывался в ту сторону, за болото. Разумеется, в темноте он ничего не увидел, но он знал, что на крохотном этом пригорочке больше взвода не расположишь. Впрочем, даже и взвод, окопавшись, мог бы помочь батальону огнем по высоте «Большой». Только кто его мог занять, этот бугор, — неужто подошел авангард соседа? Это было бы здорово.

Дожидаясь Кизевича, Волошин присел на твердые комья бруствера. Несколько стоящих возле него бойцов принялись усердно стучать ботинками — греть ноги.

— Что там, в самом деле невозможно пройти? — спросил комбат.

— Вода там, товарищ капитан. Не замерзла. Мы попробовали, провалились, насилу вылезли.

— А те как же прошли?

— А кто их знает. Может, где и есть проход. А ночью как найдешь?

«Так, так, — думал комбат. — Но вряд ли их там много. Может, секрет от соседа? Но все равно надо связаться. Надо кого-то послать».

Когда неторопливым шагом подошел из темноты Кизевич, Волошин сказал:

— У вас найдется толковый сержант?

— Это зачем?

— Установить связь с высотой «Малой». Что за болотцем.

— Что устанавливать! — передернул плечом Кизевич. — Там никого нет.

— Как нет? Вот люди пришли, слышали — голоса. Наши, русские.

— Что они могли слышать? Я до вечера туда смотрел — ни живой души. Может, они в темноте не на тот бугор вылезли? Может, правее взяли, там правда кто-то елозил вечером.

Комбат помолчал, не зная, как быть. Уверенный тон командира роты просто обескураживал, но и бойцы тоже были уверены, что не ошиблись.

— Мы прямо шли. Через кустики. Под самый бугор. Но там вода, болото не замерзло.

— Вот то-то — болото. Залезешь — не вылезешь, — сказал Кизевич и отвернулся.

— Тем не менее пошлите сержанта с бойцом. Пусть точно установят, кто и сколько.

— Сержанта! У меня их много?

— Самохвалов у вас есть? Его и пошлите.

Кизевич молча постоял минуту и пошел в ночь, не скрывая своего недовольства новым приказом. Волошину это не очень понравилось,

но командир девятой имел особый характер и поступал так не впервые. К тому же он лет на пять был старше Волошина, и это обстоятельство несколько сдерживало комбата в его официальных отношениях с ротным.

Волошин коротко простился с молчаливым, подавленным сегодня Муратовым и пошел в роту Самохина — надо было выяснить наконец относительно главной для них высоты, «Большой». Хотя он и понимал, что ночью силой двух бойцов немного чего разведаешь на довольно широком и мерзлом склоне, но все же. По крайней мере, хоть одна обнаруженная там мина позволила бы ему определить, что высота заминирована и что без ее разминирования нельзя начинать атаку. Но будет хуже, если они там ничего не обнаружат и он завтра влезет с батальоном на минное поле.

В этот раз комбат легко нашел в темноте над болотцем маленький блиндажик Самохина, возле которого его встретил старшина Грак. Он сказал, что лейтенант прилег отдохнуть и оставил его, Грака, дождаться возвращения с высоты разведчиков, которые все еще не вернулись. Комбат минуту молчаливо постоял возле траншейки, послушал: на высоте по-прежнему было тихо и глухо, ни один звук оттуда не долетал против вет-

ра, и Волошин решил возвращаться на свой КП.

— Придут разведчики — сразу ко мне.

— Есть, товарищ комбат.

Дело с разведкой неожиданно затягивалось на обоих направлениях, и это не могло не беспокоить комбата. Особенно тревожила высота «Большая». Что-то очень уж долго не возвращался сержант, только бы он не напоролся там на боевое охранение немцев, думал Волошин. Пробираясь в темноте на свой пригорок с НП, он то и дело останавливался и слушал. Однажды ему показалось, что он слышит долетевшие с высоты голоса. Но, по-видимому, это были голоса немцев, потому что если бы разведчики были обнаружены, то наверняка бы вспыхнула перестрелка — без перестрелки не обошлось бы. Но пока там было тихо, теплилась надежда на удачу разведки.

В траншее НП дежурил уже не Прыгунов, а Титок, он тоже узнал комбата и не окликнул его, а лишь негромко потопал ногами, давая тем понять, что не спит, наблюдает и греется.

— Ну как, все тихо? — спросил Волошин.

— Тихо, товарищ комбат. Только машины урчали.

— Где урчали?

— Да там, на горбу этом.

— На горбу и будут урчать. Укрепляются.

Он прошел по траншее и поднял угол палатки на входе в свое жилище. Теперь тут было ненамного теплее, чем в поле, печка-бидон уже не горела, но карбидка тускло светила над ящиками. На его появление в углу возле телефонного аппарата завозился, начал продувать трубку заспанный, с поднятым воротником Чернорученко, рядом спал под полушубком, вытянув ноги, Гутман, возле которого калачиком свернулся намерзшийся за долгое дежурство Прыгунов. От ящиков поднял сонное лицо Маркин:

— Ну что, вернулись разведчики?

Волошин устало опустился на свое место по другую сторону ящиков, расстегнул крючок воротника и ослабил ремень. Усталое, натертое одеждой и ремнями тело жаждало расслабиться, обрести покой, хотелось вытянуть ноги, только вытянуть тут было негде.

— Из полка звонили? — вместо ответа спросил Волошин.

— Гунько обзывался два раза. Приказал сразу же доложить, как придете.

— Сна на него нет, — проворчал комбат и потянулся к Чернорученко за его трубкой.

Телефонист на том конце провода, наверно,

дремал и хотя ответил на позывной, по потом опять смолк, комбат подождал и повторил вызов. Наверно, Гунько тоже спал и не сразу взял трубку. Наконец, приглушенный расстоянием, послышался его недовольный голос:

— Да, слушаю.

— Двадцатый «Березы» слушает, — сказал Волошин.

— А, Волошин! Ну как обстановка? Как подготовился? Все у вас готово?

— Что готово? — сказал Волошин, не скрывая своей досады от этого обычного в таких случаях вопроса. — Был у Иванова, огурчиков кот наплакал. Какая же поддержка будет?

— Будет, будет поддержка. Это не ваша забота. Об этом позаботятся кому надо.

— Это мне надо, — со сдержанным раздражением возразил комбат. — Я атакую, а не кто другой. Потому и забочусь.

— Вот, вы атакуете, вы себя и готовьте. Свое хозяйство готовьте. У вас все готово?

— Еще не вернулись разведчики. А на высоте «Малой» еще неизвестно кто: наши или немцы.

— Это на какой? За болотом? А там никого нет. Та высота не занята.

— А если все-таки занята?

— Да ну, ерунда, Волошин! Вам все черти снятся. Вчера мои разведчики вернулись — там пусто.

Волошин сокрушенно вздохнул — вчера! За ночь тот бугор можно трижды занять и трижды оставить, а майор все будет ссылаться на вчерашние данные его разведчиков.

— Товарищ десятый, я прошу разрешения перенести срок сабантуя на час раньше, — уклоняясь от бесплодного теперь спора, сказал он. Командир полка, судя но его продолжительной паузе, не понял или даже удивился его необычной просьбе.

— Это почему?

— Ну раньше, понимаете? Пока не рассветет.

Майор опять помолчал, наверно, подумал и отказал.

— Нет, нельзя. Действуйте по плану. План, понимаешь, уже утвержден. Наверху. Так что... По плану.

Волошин скрипнул зубами, но промолчал и, поскольку Гунько тоже неопределенно молчал, опустил клапан трубки и положил ее поперек телефона. Маркин, наверно, прогнав свой сон, вопросительно уставился в недовольное лицо Волошина.

— План! Гляжу, завтра нахлебаешься из-за этого плана, — не сдержался комбат и выругался.

— Если уж план, то точка, — все поняв, со вздохом сказал Маркин. — Теперь Гунько от него ни на шаг...

— Хотя бы уж план, а то... В шесть тридцать атака. Почему в шесть тридцать. Только-только рассветает. Что не сделано за ночь, уже не сделаешь — некогда. И люди не отдохнут как следует. В шесть надо уже завтраком накормить. Ни доразведать, ни осмотреться... Но им же надо до полудня об исполнении доложить. Чтобы успели их продвижение в суточную сводку включить. Потому и эта спешка.

Волошин не мог сдержать раздражения, хотя минуту спустя и пожалел о том. Он был человек дисциплинированный, и оспаривать решение командира полка, да еще в присутствии подчиненных, было не в его правилах. Но и сдержаться он тоже не мог, столько уже накопилось в его душе за эту беспокойную ночь.

— Ладно! — сказал он больше себе, чем Маркину. — Вы отдыхайте, Маркин. До четырех ноль-ноль. В четыре я вас подниму, сам часик вздремну.

— Да, я сосну, — согласился Маркин, но все сидел, уставясь в какую-то точку на светлой под фонарем доске ящика.

— И это, дайте мне вашу бритву, — попросил комбат. — Побриться надо.

Маркин достал из кирзовой сумки аккуратно завернутую в обрывок газетки бритву, мыльницу и маленькое, треснувшее посередине зеркальце. Комбат начал готовиться к бритью, а начштаба расслабленно сидел, неопределенно глядя на его приготовления.

— Так я лягу, — полувопросительно сказал он наконец, и Волошин подтвердил:

— Да, да, ложитесь. До четырех.

Маркин откинулся на солому и очень скоро затих, будто притаился за ящиками. С глубоким шумным дыханием спал, лежа на спине, Гутман, далеко вытянув ноги в потертых, со сбитыми каблуками кирзачах. В углу над кожаным футляром своего аппарата, поминутно подхватываясь, дремал Чернорученко, иногда вызывал «Волгу» и продувал трубку. В печурке багровым отсветом догорали остатки углей, и слабые отблески от них лежали на темных жердях перекрытия.

Комбат стянул с плеч шинель, подвернул воротник гимнастерки. Брился он вовсе не потому, что завтра предстоял трудный бой, в котором могло произойти худшее из всего, что происходило на любой войне. Просто он чувствовал на

подбородке щетину и знал, что завтра времени у него не будет. Теперь же настала самая тихая пора ночи, когда, кроме немцев, вряд ли кто мог его потревожить, и он успокоенно расслабился, оставаясь в этой тиши наедине с собой и своими заботами.

Натирая мыльной водой обветренный подбородок, он в который уже раз думал, вздыхая, какой зверски трудной выдалась эта война. Была ли когда еще такая в истории? Сталинград позволил вздохнуть с облегчением и надеждой, военная удача на юге склонилась наконец в нашу сторону, наверно, теперь там веселее. Но здесь, в этих лесах и болотах, на этих холмах и проселках, у разоренных войной деревень и погостов, по-прежнему дьявольски трудно. По-прежнему враг дерется до последней возможности, упорно отстаивая каждую высотку в поле и каждый сарай в деревне. Чтобы его одолеть, сколько надобно силы, организованности и умения, и, если чего недостает, вся тяжесть борьбы ложится на многострадальную матушку пехоту, которой платить за все своей большой кровью. И часто те, кто платит по этому кровавому счету, не могут себе и представить, что где-то не хватило умения, не управился транспорт или не все оказалось

предусмотренным. От скольких причин зависит, чтобы их кровь оказалась меньшей и не так катастрофически быстро убывали их жизни. Волошин понимал, что Гунько был не из худших. На кого-то он мог произвести выгодное впечатление своей щепетильной исполнительностью, умел приглянуться начальству, лихо доложить и по всей строгости взыскать с подчиненных. К тому же никто в полку с таким шиком не носил воинскую форму, как его командир: в форменной шинели со множеством ремней, планшеткой, в начищенных хромовых сапогах и даже при шпорах. Вид его был безупречен. А как он ведет себя с подчиненными, как держится в бою, этого начальству не видно, на поле боя оно с ним не общается. Зато это известно им, командирам его батальонов. Обращаясь к командиру полка с просьбой перенести атаку на час раньше, Волошин наверняка знал, что тот не согласится, откажет. Да и как он мог не отказать, когда целая система мероприятий в плане уже была привязана к заранее определенному сроку, над которым командир полка уже не властен. А жаль. Часов в шесть или даже в половине шестого, в предрассветных сумерках, батальон, наверное, смог бы тихо, без выстрела преодолеть болото и заце-

питься за склон, траншея на высоте оказалась бы ближе, может, и удалось бы ворваться в нее, хотя и под огнем. Но тогда становилась ненужной эта артподготовка, которую следовало отменить, а кто ее отменит? Ведь в случае неудачной атаки вся вина падет на отменившего артподготовку, хотя вместо настоящей артподготовки будет одна ее видимость, которая не столько пособит батальону, сколько раскроет его намерения. Какой вред она может причинить противнику сорока снарядами, выпущенными за десять минут на рассвете, когда все немцы будут сидеть в оборудованных за ночь блиндажах и в траншее останутся одни наблюдатели?

Глава десятая

Невесело размышляя о предстоящем и прислушиваясь к шуму ветра снаружи, комбат не спеша побрился, взглянул в зеркальце на свой замызганный подворотничок, подумал, что не мешало бы подшить новый, но подворотничок подшивать не стал. Он на все пуговицы застегнул гимнастерку, надел шинель — потертую, простреленную, извоженную в земле и грязи, но все еще годную к носке и даже в чем-то форсистую, сшитую им на заказ во время формирования в Свердловске. Ремень достался ему от бывшего заместителя по строевой старшего лейтенанта Сорокина, убитого зимой во время разведки боем, — свой довоенный он потерял после тяжелого ранения под Ржевом. Ремень тоже был неплохой, поношенный, но еще достаточно твердый, с полевой комсоставской пряжкой, двумя кавалерийскими портупеями и даже свистком в маленьком футлярчике на левом плечевом ремне. Комбат вынул из кобуры свой пистолет системы ТТ выпуска 1939 года с пластмассовой, словно костяной, рукояткой, которые с начала войны стали изготовлять из

твердых пород дерева, шершавые и менее удобные. В обоих магазинах было по семь патронов — восьмой он досылал в патронник, чтобы не уставала пружина и была безотказной подача. Пистолет этот был для него тем, чем может быть на войне только друг и спаситель, не раз доказавший комбату свою безмолвную преданность. Последний случай все еще вызывал в нем легкий озноб при воспоминании о том, как это случилось и чем могло окончиться. Как-то неделю назад во время суматошной схватки в немецкой траншее Волошина сшиб с ног сильный молодой эсэсовец с зажатым в руке ножом. Падая, комбат успел выстрелить, на долю секунды упредив удар, и эсэсовский нож по самую рукоятку вонзился в землю в каких-нибудь двух сантиметрах от его плеча.

Пистолет стрелял безотказно, Волошин за двадцать шагов отбивал из него горлышко у поставленной на пенек бутылки, сшибал по заказу любую ветку на дереве. Всякий раз, разбирая его, он с сожалением думал, что когда-то им придется расстаться, и хотел, чтобы после него тот достался хорошему человеку. Жалеть не будет.

Осторожно сдвинув с рукоятки затвор, Волошин не очень чистым носовым платком старательно

вытер его пазы, освободил пружину. Надо бы прочистить и ствол, за несколько дней, минувших после стрельбы, там, наверно, наросло коросты, но у него не оказалось щелочи. Он нерешительно посмотрел на блаженно спящего Гутмана, смекая, куда тот мог запихать вещмешок с их солдатским имуществом, как вдруг заслышал снаружи шаги. Шаги гулко отдавались в подмерзшей земле и явно приближались к землянке. «Разведчики?» — со вспыхнувшим оживлением подумал комбат, но в траншее шаги притихли, от неумелых рук незнакомо зашевелилась палатка, и в землянку просунулось раскрасневшееся от ветра молодое лицо.

— Разрешите, товарищ капитан?

— Да, пожалуйста, — сказал Волошин, почувствовав легкое разочарование от того, что вместо долгожданных разведчиков прибыл комсорг полка лейтенант Круглов. Впрочем, комсорг был неплохой, общительный парень, и разочарование комбата скоро исчезло.

— Что, майор Миненко послал? — занимаясь пистолетом, спросил Волошин.

— Да. У вас же намечается завтра, — просто сказал Круглов, стягивая с рук рукавицы. — А что это печка затухла? Дрова вышли? Ну, тоже хозяева, в

лесу сидят, а дров не имеют.

Прежде чем комбат с Чернорученко успели что-либо ответить, комсорг поднял плащ-палатку и исчез в траншее. Послышался его приглушенный разговор с часовым на НП, шаги, потом все опять смолкло.

— Шебутной комсорг, — сонным голосом проговорил Чернорученко не то с похвалой, не то с осуждением молодого лейтенанта, которому годился в отцы.

«Живой, да», — подумал Волошин. Круглова он знал давно, еще с тех пор, когда сам командовал седьмой ротой, а этот лейтенант был командиром взвода в полковой роте автоматчиков. Расторопный был автоматчик, ничего не скажешь. Впрочем, став комсоргом полка, лейтенант, кажется, не изменился.

Не минуло и четверти часа, как снова послышались шаги, сильный шорох в траншее. Чернорученко распахнул палатку, и Круглов бросил на пол охапку настылых ветвей.

— Вот, хоть погрею вас. А то замерзнете.

Он начал с хрустом ломать, видно, не очень сухие ветки, заталкивать их в узкую топку печки, Чернорученко помогал ему, скоро в землянку дунуло дымом, но в печке помалу пошло разго-

раться. Комсорг сдвинул на затылок шапку и, встав на колени, откинулся от печки.

— Люблю огонь!

— Кто не любит, — скупо сказал Волошин, сохраняя прежнюю озабоченность. — Что там в полку слыхать?

— А что в полку? Я во втором батальоне, у Паршина, был. Вдруг звонок, Миненко: шагом марш к Волошину, завтра сабантуй.

— Сабантуй, да. Приказано взять высоту.

— Возьмем, раз приказано, — легко заверил комсорг.

— Гляжу, ты оптимист.

— А что ж! Что комсоргу остается? Задор, уверенность и оптимизм.

— Недурно. А Паршин что? Отсиживаться будет?

— Куда там! На совхоз наступает. Пополнение получил.

— Пополнение и я получил. Семьдесят семь человек.

— Ого! Так много!

— Все новенькие. Необстрелянные. Им бы недельку в обороне посидеть. Пообвыкнуть.

— Не получается в обороне.

— К тому же по-русски почти не понимают.

— Это хуже. Хорошо, я их понимаю. Переводчиком буду.

— А ты откуда?

— В Средней Азии жил. Самарканд, Бухара, Чарджоу.

— Ясно. Тогда спасибо майору Миненко. Действительно, может, поможешь договориться.

Волошин собрал пистолет, вложил его в жесткую кобуру, вытер платком руки. Круглов сидел перед топкой и, с треском ломая хворост, пихал его в дымящую печку. Комбат ждал, что комсорг, проинструктированный замполитом, заговорит о предстоящей политмассовой работе, но тот, будто избегая этой темы, говорил о другом.

— А как же с политобеспечением? — осторожно спросил Волошин. — Митинг проводить не будем?

— А зачем? Я и так побеседую. И им письмишко почитаю. Письмишко классное получил. От девушек из Свердловска.

— От знакомых?

— Нисколько. Пишут на имя комсомольского секретаря части. Не письмо — целая поэма. Хотите почитать?

Он схватился за свою набитую бумагами кирзовую сумку, но Волошин сказал:

— Зачем? Не мне же адресовано.

— Так с моего согласия. Я вот бойцам все читаю — слушают, не оттащишь. И сердечно и патриотично. Хоть в газете печатай.

— Вот и почитай в ротах.

— Обязательно. Вот как они пишут, послушайте, — сказал он, торопливо разворачивая помятый треугольник. — «От имени и по поручению всех наших девушек, здравствуйте, дорогие и любимые воины-герои, красавцы молодые и чуть постарше, мы любим вас и гордимся вами, и ждем вас днем и ночью, бесконечно храня нашу любовь и нашу девичью нежность...» Ну? И так дальше.

— Хорошо пишут, — сказал Волошин.

Круглов спрятал письмо и застегнул сумку.

— Ну что, сколько там настучало? — Он взглянул на лежавшие на ящике часы Волошина. — Ого, уже три? Пойду в роту.

— В какую пойдешь?

— Какая под высотой? Самохина?

— Самохина, — сказал, подумав, комбат. — Но я бы посоветовал сходить в восьмую. Муратов там захандрил что-то.

— Это почему?

— Да так. Ерунда. Но надо бы подбодрить.

— Хорошо, пойду к Муратову. Старый знакомый все-таки. Вместе в полк прибыли. А потом и к Самохину заскочу.

— Что ж, давай.

— Главное — письмо прочитать. Знаете, как вдохновляет?

— Посмотрим, как ты их вдохновишь завтра.

— В наилучшем виде. Только вот времени в обрез. Ну что ж, утречком встретимся?

— Непременно.

Круглов ушел, и в землянке опять стало тихо. Прислушиваясь к отдаляющимся в траншее шагам, Волошин вспомнил о высоте и подумал, что придется, наверно, снова вылезать из землянки и идти к Самохину — он просто терял надежду дождаться на КП пропавших где-то разведчиков. Но усталое тело медлило, так хорошо было сидеть в тепле и покое, тревожно сознавая, что истекают последние часы ночи, а завтра все уже будет не так. Хотя, может, и обойдется. Они возьмут высоту, закрепятся, зароются, настанет какая-никакая передышка, можно будет отдохнуть в обороне.

Вот ведь о чем мечтается, спохватился комбат, поймав себя на этих расслабляющих, почти крамольных на фронте мыслях. Пол-России стонет под немцем, льется кровь пополам со слезами,

люди ждут не дождутся, когда Красная Армия осилит захватчика, а он о чем размечтался — стать в оборону, отдохнуть, отоспаться. Но что делать — именно так. Сердцем и разумом чувствуешь и сознаешь одно, а тело, каждая часть твоей теплой плоти жаждут другого; у них свои, куда более скромные, требования, но без удовлетворения их — никуда. Очень несовершенен, слаб человек, но другого вот не дано. Чтобы достичь больших целей, приходится считаться с маленькими нуждами этих несовершенных и слабых людей, судьбами и телами которых вымощен весь длинный путь к огромной победе.

И Круглов прав, идя к ним не с лекцией о положении на фронтах и не с разъяснением очередного приказа Верховного, а с трогательным в своей девичьей наивности письмом истосковавшихся в обезмужичевшем тылу девчат. Действительно, такое письмо способно скорее тронуть очерствевшие души тех, кому адресовано, и наверняка благотворнее сработает в их сознании, чем чеканные слова воинского приказа, ставящего все те же задачи. Если бы эти задачи было так легко выполнить, как запечатлеть их в сознании у каждого! А вот письмо, этот тихий голос девичьей нежности, из-за тысячи

верст прилетевший в промерзшую фронтовую темень, — что может быть светлее и ближе для издрожавшегося, оголодалого, изнывшего от долгой разлуки с близкими человека на фронте?

Но комбат не хотел читать эти, может быть, самые лучшие из всех когда-либо написанных от имени и по поручению строки, он предпочитал такие слова любви, которые не покажешь другому, не прочитаешь на собрании.

Он их читал в редкие минуты покоя, наедине с собой.

Мой дорогой сын, пишу тебе, наверно, в последний раз, вряд ли нам придется когда еще свидеться. По улице проходят последние бойцы нашей пехотной части, на Оршанском шоссе слышится сильный бой, под вечер, наверно, тут уже будут немцы. Может, ты меня осудишь за то, что я остаюсь в этом городе под властью оккупантов, но куда мне идти? Ты знаешь, какое мое здоровье, к тому же я здесь родилась, здесь выросла, здесь тридцать лет моей жизни отдано детям и школе, здесь могилы моих стариков и твоего отца — я остаюсь с ними. Будь что будет!

Но что ждет тебя? — эта мысль приводит меня в отчаяние, я не нахожу себе ни покоя, ни места, ведь ты совсем еще молод, а на твоих плечах

такая командирская ответственность. Как ты с ней справишься в такой жестокой войне, с таким сильным врагом, как эти немцы-фашисты?

Я напрасно не сетую, я понимаю, что таков твой удел, ты мужчина, воин, и этим все сказано. Правда, теперь я все думаю о тех годах твоей юности, когда ты сделал свой решающий выбор и стал военным. Может быть, следовало выбрать иначе? Возможно, прав был твой бухгалтер-отец, видевший иным твое будущее? Ты знаешь, сколько он потратил усилий, чтобы развить в тебе еще детские твои способности к искусству, и как льстили ему похвальные отзывы о них Пэна и самого Добужинского. Но что делать? Выбор сделан, и теперь поздно сожалеть об этом.

Я только очень прошу — на коленях умоляю тебя, — если можно, побереги себя! Мы свое прожили, твое же — все впереди, если бы не эта проклятая война, так неожиданно свалившаяся на наши головы! Я тебя прошу лишь об одном — без крайней нужды не лезь на рожон, подумай, прежде чем рисковать жизнью, помни, как это ужасно для родителей — переживать своих детей. Твоя мама. Витебск, 9 июля 1941 года.

Всякий раз перечитывая это истершееся в карманах письмо, Волошин со скорбно-печальной

улыбкой думал: «Милая, добрая, наивная мама, если бы это было возможно...»

Глава одиннадцатая

Похоже, он задремал, пригревшись в своем тихом углу, и вдруг содрогнулся от испуга, от неясного сознания того, что случилась беда. Оставленные на ящике часы показывали четверть пятого, он их сунул в карман и выскочил из землянки, ошеломленный тем, что происходило снаружи.

Еще было темно, но ночная тишина исчезла, взорванная обвальным огневым треском и гулом, по всему поднебесью, сверкая, неслись, перекрещиваясь и обгоняя друг друга, десятки огненных трасс, над высотой то и дело взмывали в небо ракеты, синим дрожащим светом заливая переходящий в болото склон. Там же, слышно было, грохнуло несколько гранатных взрывов, и над болотом, батальонной цепью и пригорком густо неслись, сходясь и рассыпаясь в черной темени неба, огненные нити трасс.

Быстро подавив в себе сонный испуг, комбат понял, что, несмотря на грохот и густое сверкание вокруг, бой шел у немцев, его роты молчали. Скорее всего, как он того и боялся, это напоролись

за болотом разведчики.

Он бросил испуганно выскочившему из землянки Маркину: «Докладывай в полк», а сам, крикнув Гутмана, пустился по траншее в поле.

Спотыкаясь и оступаясь на полевых неровностях, он бежал в дрожаще-подсвеченной темени навстречу этому грохоту вниз, к цепи седьмой роты, думая, что теперь придется выручать разведчиков, если только еще можно их выручить. Если оба они не распластались на склоне. Конечно, при этом опять не избежать неприятных объяснений с Гунько, но что делать? К объяснениям ему не привыкать.

Гутман, торопливо застегиваясь и подпоясываясь, молча бежал следом, озабоченно поглядывая на высоту, однажды упал, выругался и, пригнувшись, догнал комбата:

— Взбесились они там, что ли?

Волошин не ответил. Он тоже не сводил глаз с высоты, ее залитого мигающим светом склона, на котором, однако, отсюда ничего не было видно, и думал, что, наверно, разведчики влипли как следует, наверно, им уже не помочь. Чуть замедлив свой бег, он начал примечать опытным взглядом все высверки пулеметных трасс, которые он умел отличать среди множества других

автоматических выстрелов и, омрачаясь, понял, что их много. Он такого не ждал. Он насчитал их не меньше шести, хотя, конечно, это была лишь часть хорошо организованной системы пулеметного огня, всю ее теперь они не раскроют.

Седьмая была вся на ногах, никто уже не спал, бойцы, высовываясь из темных окопчиков, тревожно смотрели на беснующуюся огнем высоту, ждали, что последует дальше. Он взял в сторону, сгибаясь, пробежал к знакомой приблиндажной траншейке, в которой уже жалось несколько человек и слышался голос Самохина:

— Не лезь, не лезь, не высовывайся! Жить надоело?

Волошин с ходу спрыгнул в траншею, кто-то посторонился, давая место комбату, следом влез Гутман, и Самохин сообщил озабоченно:

— Видите, что делается? Наверно, Нагорный...

— Еще не вернулся?

— Нет.

— Немедленно десять человек через болото на выручку. Немедленно!

— Есть! — бросил командир роты. — Гамзюк! Гамзюк, бери первый взвод и вниз!

Подсвеченный ракетными отблесками, Гамзюк выскочил из траншейки, пригнувшись, побежал

вдоль цепи, и близкая огненная очередь, едва не сбив с него голову, толстым сверкающим жгутом пронеслась над бойцом. Когда она затухла, стало видно, как несколько человек нерешительно выбрались из своих окопчиков и упали в темени, наверно не решаясь куда-то бежать без команды.

Они медлили, два пулемета с высоты слепо строчили по кустарнику на болоте, трассирующие светляки рикошетов со шмелиным гудом разлетались в разные стороны. Наконец Гамзюк собрал всех и только сбежал к болоту, как рядом, в траншейке, кто-то обрадованно воскликнул:

— А вон, гляньте! Это не Нагорный?

Все повернули головы в сторону, куда указывал боец, действительно, в кустарнике ощущалось какое-то движение. Наверно, это заметили уже и бойцы Гамзюка, кто-то там, пригнувшись, взял резко в сторону. Минуту спустя несколько бойцов уже повернули обратно на взмежек, одна тесная группка их свернула к траншейке.

— Что такое, Гамзюк? — не стерпев, окликнул бойца Самохин.

— Да вот, ранило.

— Кого ранило?

Они подошли к брустверу и осторожно положили наземь неподвижное тело, кто-то принялся

расстегивать на нем шинель, а на бруствер тяжело опустился Нагорный.

— Нагорный? Что у вас случилось? — встревоженно спросил Самохин.

— Счас, счас, товарищ лейтенант...

Только тут все заметили, что Нагорный совершенно выбился из сил, трудно дыша, он распахнул на себе шинель, скинул шапку и долго еще не мог вымолвить слова.

— Счас... Значит, так... Ранили вот его... Дрозда...

— Где ранили? — спросил комбат.

— Там, возле траншеи. Мы доползли... А как побежали... Сперва ползли, а там эта... Спираль...

— Какая спираль? — удивился командир роты.

— Ну эта... Бруно...

— Никакой там спирали не было. Вчера я весь день смотрел...

— Вчера не было. Натянули... Ну мы и вперлись. Ни туда, ни сюда. Я взял, потянул...

— Зачем? Зачем ты тянул, голова и два уха! — взъярился лейтенант.

— Так а Дрозда как же?.. Его ж там ранило, — кивнул он в сторону лежавшего на земле бойца, и комбат, поморщившись в темноте, заметил, что там уже появилась маленькая фигурка Веры. —

Туда как ползли, не было. А потом натянули...

— А, они вас там загородили? Вот сволочи! — выругался командир роты.

Комбат не перебивал и не переспрашивал, он ждал, давая Нагорному выговориться о том, что занимало больше всего. Факт появления там спирали Бруно не облегчал положения, скорее наоборот. Но важнее все-таки было узнать о минах.

— Мы, значит, до самой траншеи доползли, слышим, они гергечут... Вдруг и сзади как зашурудят что-то, да так сильно...

— Как то есть зашурудят? — не понял комбат.

— Ну спираль на кольях растягивают. И запутали нас, как карасей в пруду. Ну а тут его и ранило...

— А мины? — нетерпеливо спросил Самохин.

— Что? Так мин нету. Мы не нашли. Да и те, с проволокой, ходили так, смело.

Волошин внутренне вздохнул с облегчением, тревожное напряжение, охватившее его с самого начала этого переполоха, понемногу спало. Самое худшее из его опасений, кажется, не оправдалось, мин не было, и разведчики, хотя и с одним раненым, вернулись в роту. Было бы хуже, если бы они, живые или мертвые, остались за проволокой. Но эта спираль Бруно! Еще ее им не хватало,

как бы в ней не застрять поутру.

— Что, сильно ранен? — тихо спросил он бойцов, возившихся с раненым.

— Не поймешь, все в крови, — ответил кто-то из них.

Вера молчала.

— Гранатой его, — уже немного отдышавшись, сказал Нагорный. — Этот гад, фриц, услыхал и — гранатой. Как раз возле его разорвалась. Осколками.

— Молодец, не бросил, — сказал капитан и впервые с неприязнью подумал о Кабакове, вместо которого на бруствере лежал этот Дрозд. Получилось куда как негоже — тот своей неприкрытой трусостью выгадал себе жизнь. А этот? Неизвестно еще, выживет ли.

— Такой тарарам устроили, — сказал Самохин о немцах.

— Как ошалели просто. Думал, тоже спекусь, но... Едва вытащил.

— Быстро перевязывайте и в тыл. Старшина Грак!

— Я, товарищ комбат!

— Лично займитесь. Раненого быстро в санроту!

— Есть!

Стрельба все-таки постепенно утихала, постреливали лишь два пулемета с флангов, остальные вроде замолкли. Только ракеты с короткими промежутками все светили над склоном, наверное, немцы опасались новой вылазки разведчиков и старательно освещали склон. Теперь становилось понятно, почему они избегали светить в первой половине ночи — устанавливали препятствие, обносились этой проклятой спиралью Бруно. Да, конечно, если промедлить еще пару дней, то на склонах высоты появится не одна спираль, будет и минное поле, и проволочное заграждение в три кола, а может, и кое-что другое.

Действительно, генерал прав: надо спешить.

Все бы ничего, если бы была своя минрота, а у Иванова было побольше снарядов, и он бы мог как следует поддержать пехоту. Во время атаки да и потом, на высоте. Теперь стало ясно, что немцы устраивались прочно и надолго, что так просто высоту они не отдадут, будут драться за нее упорно. Видно, чем-то она им приглянулась, эта высотка.

В траншейку прибежал младший лейтенант Ярощук, разглядев здесь комбата, боком протиснулся к нему в своем драном, обшарпанном полушубочке.

— Куда это вы запропастились, Ярощук? — с укором сказал комбат. — Все поле облазил, так и не нашел.

— А я тут. Вон, четыреста метров каких. Хотел рубануть давеча... А что? Они вон как лупят, а нам молчать, что ли?

— Не стоит, — сказал комбат. — Поберегите прыть. Понадобится.

— Прыти-то хватит.

— И боеприпасы тоже. Вы вот что, Ярощук: к утру подтащите пулеметы поближе. Начнется атака, будете поддерживать. Огнем через болото. Вот тогда и покажете прыть.

— Есть. Я сейчас. Я уже тут и позицию присмотрел.

— Вот давайте, — закончил с ним разговор комбат, и Ярощук побежал в темноту, к своему взводу ДШК.

— Ах гады, испортили отдых, — поежился на ветру Самохин.

В траншею возле блиндажа как-то украдкой от комбата соскочила и исчезла Вера. Раненого уже перевязали, и старшина Грак с двумя бойцами понесли его в тыл.

— Хороший боец был, — с сожалением сказал Самохин и погрозил в темноту. — Ну а тому хрену

я покажу. Покажу, как за чужие спины прятаться. Сачок чертов!

Комбат знал, кого он имел в виду, но промолчал. Трудно в таких вещах разобраться, еще труднее предусмотреть все их тонкости. В душе он тоже был зол на Кабакова, но все-таки показывать ему что-либо не стал бы. Еще неизвестно, что в самом скором времени ждет самого Кабакова. Как бы его удел не оказался похуже.

— Ну что ж, — сказал комбат. — Скоро завтрак. Кормите бойцов и... Ваша, Самохин, полоса отсюда и прямо по склону. Восьмая чуть примет вправо. Направляющим пустите взвод Нагорного, ему дорога знакома. Впрочем, приказ еще отдам.

— Ясно, товарищ капитан. Как там, артиллерии не подкинули?

— Нет, не подкинули, Самохин. Снарядов немного дали. По двадцать штук на орудие.

— Только по двадцать? Маловато.

— Что делать. Вся надежда на взвод ДШК. Если Ярощук не подведет.

— Не должен. Он боевой младшой.

— Он-то боевой, да...

Волошин не стал уточнять своих еще во многом ему самому неясных сомнений — перед боем всего не учтешь, что-то все равно вылезет,

неожиданное и чаще всего неприятное, вынуждающее быть настороже и решительно ко всему готовым.

Оглядываясь на высоту, он пошел в роту Кизевича. Главная забота ночи наконец свалилась с его плеч, без мин управиться будет легче во всех отношениях. Но по-прежнему неясно было с высотой «Малой» — кто там? Или действительно наши и он напрасно сомневается, гоняет людей и порет горячку?

Как и подобает дисциплинированному ординарцу, Гутман все время держался сзади, но вдруг несколько шагов подбежал и поравнялся с комбатом:

— Теперь Самохин покажет кузькину мать этому Кабакову. Через него ж Дрозд пострадал?

— Через него, да, — подтвердил комбат.

— Я б его, эту гниду!.. Ух, ненавижу трусов!

— Да? Сам никогда не боялся?

— Я? Боялся, почему? Но чтоб за других прятаться!.. Этого за мной не было.

— Видишь ли, Гутман, все дело в том, что люди в жизни все разные, разными приходят на фронт. А тут вдруг ко всем одни требования, и, конечно, не все им соответствуют. Надобно время притереться, а времени-то и нет. Вот и получаются...

несоответствия.

— Ага! Кому-то как раз. А другим страдать? Нет, так я не согласен.

— Конечно, за других страдать — непорядок. Но приходится. На войне все приходится.

— Нет, я так не хочу. Мне так неинтересно. Так даже страшно.

— А как же ты хочешь?

— Я? Чтоб с музыкой! Чтоб помнили, гады! У меня больно к ним счет большой. Одной родни было в Киеве человек тридцать. Мне их много надо угробить. Может, отпустите меня в роту, а, товарищ капитан?

Комбат промолчал. Эта просьба прозвучала для него несколько неожиданно, и комбат, хотя и чувствовал ее обоснованность, не хотел сразу решать. Ординарец из Гутмана был неплохой, проворный, с понятием; и хотя он вполне бы сгодился теперь на должность взводного в любой роте, но за два часа до предстоящей атаки Волошин не хотел отпускать его. В бою надежный ординарец значит не меньше начальника штаба.

— Об этом потом, — сказал он, подумав. — Вот возьмем высоту, потом.

Гутман легонько вздохнул.

— Сомневаешься?

— Да я ничего. Мне что сомневаться?

Они уже подходили к левому флангу девятой роты, как сзади послышался глухой стук ног бегущего, и комбат остановился.

— Товарищ комбат!

— Да. Что такое?

В темноте к ним вплотную подбежал Прыгунов.

— Товарищ комбат! Командир полка срочно к телефону вызывает.

Волошин, делая вид, что прислушивается к почти уже успокоившейся высоте, полминуты выждал, подавляя в себе внезапно вспыхнувшее чувство досады, — этот неурочный вызов командира полка сулил мало хорошего. Но деваться было некуда, от начальства не спрячешься, и он распорядился:

— Гутман, идите к Кизевичу и узнайте, как с разведкой бугра. Я жду точных данных.

Глава двенадцатая

На КП никто уже не спал, разведчиков ни одного не было, Чернорученко с обиженным видом продувал трубку, проверяя связь, и, как только в землянку влез командир батальона, сообщил встревоженным голосом:

— Командир полка там ругаются...

— Понятно, будет ругаться, — спокойно сказал Волошин и, не поворачиваясь к телефонисту, спросил Маркина, который перематывал на ногах портянки: — Как с завтраком? Узнавали?

— Завтрак готов. Прыгунов уже пошел...

— Прыгунов успеет. А роты оповестили?

— Роты уже знают.

— Надо скорее накормить роты. Пойдите и проследите, чтобы все в темпе. Без проволочки.

Как всегда, Маркин молча поднялся и вышел, а командир батальона опустился возле телефона.

— Вызывайте десятого.

Пока Чернорученко крутил ручку, Волошин почти с ненавистью смотрел на этот аппарат в желтом футляре. Иногда он даже страстно желал, чтобы эта связь с командиром полка прервалась

хоть на два часа, он бы вздохнул свободней. Но всегда получалось так, что рвалась она в момент, наименее для того подходящий, когда он действительно в ней нуждался, а в остальное время работала, в общем, исправно, и командир полка в любой угодный для себя момент мог вызвать его для доклада, дачи указаний, а чаще всего для разноса.

— Что там снова у вас? Опять светомаскировка? — недовольно начал Гунько, когда он доложил о себе.

— Нет, не светомаскировка. На нейтралке обнаружены разведчики.

— Чьи разведчики?

— Мои, разумеется.

— Ну и что?

— Один ранен.

— Хоть не оставили его там? Немцам, говорю, не оставили? — В голосе командира полка прозвучала тревога.

— Нет, не оставили. Вынесли и уже отправили в тыл.

— Так, — майор помолчал. — Когда будете докладывать о готовности?

— Когда подготовлюсь. Подразделения только еще начинают завтрак.

— Давай, давай, шевелись, Волошин. У тебя задача номер один. Наибольшей важности. Ее надо выполнить во что бы то ни стало.

— Понятно, что надо выполнить.

— Нет, не понятно, а обязательно. Понимаешь? Кровь из носу, а высоту взять.

— А как поддержка?

— Будет, будет поддержка. Рота Злобина будет целиком задействована на вас.

— Это хорошо. Как приданная?

— Нет. Будет поддерживать. Со своих опэ.

Это была минрота второго батальона, у которой тоже, конечно, негусто с минами, и вся она состояла из трех восьмидесятидвухмиллиметровых минометов. Но и то была радость. Наверно, почувствовав удовлетворение комбата, командир полка попытался подкрепить его, сообщив:

— И это — для контроля и помощи тебе поднимаю весь штаб. Скоро к тебе придут командиры...

Волошин, криво улыбнувшись, хмыкнул в телефонную трубку.

— Вот это помощь! Мне стволы нужны. Артиллерия с боеприпасами.

— Будет, будет. Я тут вот увязываю. Все необходимые распоряжения уже отданы.

— Да-а, — опечалясь, вздохнул Волошин. — Рас-

поряжений, конечно, хватит...

— Подбросим патрончиков. Лукашик уже отправился, повез, что там у него наскреблось.

— Товарищ десятый, — оживляясь, перебил его командир батальона. — А как все же с атакой? Разрешили бы на полчаса раньше. Или на полчаса позже?

— Нет, будете выполнять, как назначено. Артбатарея открывает огонь ровно в шесть тридцать.

Волошин поморщился. Он так и знал, что это его обращение окончится неудачей, но вот не удержался. И напрасно. Кажется, это был последний спокойный их разговор, последующие в горячке боя уже будут другими — на басах, с нервами и матом. Гунько с началом боя совершенно менялся, и тогда о чем-либо упросить его или переубедить было невозможно. Переубеждало его только начальство, с которым он оставался неизменно покладистым.

Пока командир батальона разговаривал по телефону, принесли завтрак — Волошин услышал, как за его спиной оживился всегда апатичный Чернорученко, с удовольствием принимаясь хлопотать возле котелков и буханок мерзлого хлеба.

Комбат положил на аппарат трубку.

— Вот, товарищ комбат, завтракайте.

Телефонист поставил на уголок ящика плоский алюминиевый котелок, облитый супом, на снятую крышку уважительно положил пайку хлеба. Прыгунов на соломе развязывал вещевой мешок.

— Тут вот доппаек вам, товарищ капитан. Старшина завернул. Что тут? А, вот сало...

Он осторожно извлек из вещмешка что-то завернутое в измятую, изодранную газету, положил на ящик.

— Вот, вам и лейтенанту.

Волошин понял: это был доппаек за март — месячная командирская надбавка к солдатской фронтовой норме, всегда неожиданная и даже удивлявшая своей изысканной утонченностью, — в виде рыбных консервов, масла, печенья. Впрочем, масло и консервы теперь были заменены салом, что тоже весьма неплохо. Глядя, как Прыгунов старательно выискивает в вещмешке раскрошившиеся остатки печенья, Волошин взял один кусочек на зуб, попробовал и с небрежной щедростью подвинул к краю весь измятый отсыревший кулек.

— Угощайтесь, Чернорученко!

— Да ну...

— Ешьте, ешьте. Пока Гутмана нет.

— Это вам, — смутился Чернорученко. — Мы

вот — пашано.

— Гутман придет, приберет, — сказал Прыгунов, принимаясь с Чернорученко за свой котелок с супом. — И лейтенанту тут. Всем вместе.

«Не хотят — пусть прибирает Гутман», — подумал комбат. Он же есть это печенье просто стыдился, глядя, как отстранились от него бойцы. Тем не менее, как и все, он тоже был голоден и, чувствуя, как катастрофически убывали минуты тихого времени, знал: скоро станет не до еды. Он быстро выхлебал свои полкотелка остывшего пшенного супа и засунул в полевую сумку складную алюминиевую ложку.

В этот момент зазуммерил телефон.

— Начинается!

Действительно начиналось. Звонил ПНШ-2, требовал сведения о разведке обеих высот, и Волошин грубо ответил, что сам еще не получил этих сведений. С ПНШ он отвел душу, он выговорил ему без обиняков все, что думал об организации его службы в части. Капитан обиделся, они поспорили, но только он положил трубку, как зазвонил начальник артиллерии. Этому надо было увязать некоторые моменты артподготовки минроты Злобина с действиями его батальона. Начальника артиллерии Волошин, в общем, уважал, это

был толковый кадровый капитан, с которым они отлично договаривались на тактических учениях под Свердловском, но теперь Волошин срезал его первым вопросом:

— Сколько?

— Что — сколько?

— Сколько дынь на меня отпущено? Бэка? Два?

— Ого, захотел! — развеселился капитан. — Бэка! По двадцать дынек на ствол. Уразумел?

— Уразумел. Что и увязывать? Какое тут может быть взаимодействие!

— Тем более надо взаимодействовать, — сказал начарт. — Когда дынек навалом, тогда действительно... Тогда ешь от пуза, и еще останется. А тут каждая дынька на учете.

— Вот что, капитан, — сказал Волошин. — Я попрошу об одном. Чтоб не все сразу. Чтоб — на потом. Сначала уж я сам как-нибудь. Понял ты меня?

— Я-то понял, — вздохнул начарт в трубку. — Да надо мной поймут ли?..

«Над тобой вряд ли поймут», — подумал Волошин, заслышав, как в траншее застучали шаги и кто-то, тихо разговаривая, затормошил палатку. По беззаботному смеху и долетевшим обрывкам разговора комбат понял, что это шли работники

штаба, отряженные ему для контроля и помощи. И действительно, в тесную землянку втиснулись три плотные командирские фигуры в полушубках, с раскрасневшимися от морозного ветра лицами, озабоченные и в то же время затаившие важность возложенных на них обязанностей.

— Привет, комбат, — фамильярно подал ему руку первый вошедший, капитан Хилько, начхимслужбы полка, с виду человек крайне простецкий в отношениях с командирами и подчиненными.

— Мы думали, комбат еще спит, — сказал другой, тонкий, с чернявым нервным лицом полковой инженер, фамилии которого Волошин не помнил, в полк тот прибыл недавно. — Это нас подняли ни свет ни заря.

— Да, вас подняли зря, — сказал комбат, невольно сопротивляясь этой навязываемой ему фамильярности. Вообще-то он был не против фамильярности как таковой, но теперь чувствовал, что за ней таилось желание этих людей поглубже влезть в суть его и без того мало веселых дел, и он не мог не воспротивиться этому.

— Как то есть зря? — удивился третий с новенькими погонами майора, плотный, с брюшком, человек в годах, которого Волошин видел впервые и

теперь не без некоторой опаски присматривался к нему. — Как это зря? Разве атака отменяется?

— Атака не отменяется, — сказал Волошин. — Атака в шесть тридцать.

— Вот-вот! Полковник именно так и ориентировал. Командир дивизии, — уточнил майор, кого он имел в виду, и комбат понял, что майор, по всей видимости, из штаба дивизии. — Значит, значит... — говорил он, пытаясь озябшими руками достать из брючного кармашка часы.

Волошин опередил его, вынул свои и сказал:

— Значит, осталось полтора часа.

— Правильно. Поэтому не будем терять времени. Меня интересует наличие конского состава.

— Восемь лошадей, — не сразу, с некоторым удивлением ответил комбат.

— Так, так, — заторопился майор. — Ветеринарная обеспеченность? — задал он следующий вопрос.

— Очевидно, вы что-то спутали, — с желчным спокойствием сказал комбат, начавший догадываться, что перед ним ветврач штаба дивизии. — У меня атака, а не выводка конского состава.

— То есть как? — округлил глаза майор.

— Очень просто. Нашли время чем интересо-

ваться! У меня к атаке половина готовности.

— Половина готовности? — в совершенном изумлении переспросил ветврач. — Так ведь через полтора часа...

— Уже через час двадцать.

— Ну и ну, — пробормотал майор, склонившись к фонарю и пытаясь записать что-то.

— Да, время идет, — подтвердил инженер. — Я только хотел бы посмотреть схему инженерных заграждений батальона. Атака атакой, но и по части обороны не грех позаботиться.

— Это у начальника штаба, — сухо сказал комбат.

— А где начштаба?

— В ротах.

— Хорошо, я подожду.

— Да, вы подождите, — вдруг спохватился комбат, поняв, что появилась возможность отделаться от этих проверяющих. Но отделаться от них можно было, лишь удалившись в боевые порядки рот, — туда уж они вряд ли сунутся. — Чернорученко!

— Я! — поднял голову телефонист.

— Берите катушку, аппарат и за мной шагом марш.

— То есть как? — удивился инженер.

— Я ухожу в роты.

— Но ведь здесь ваш КП.

— Здесь КП. Здесь будет начштаба батальона. Вот с ним и займитесь. Он в курсе всего.

Чернорученко, предупредив телефониста на другом конце провода, торопливо выдергивал колышки, которыми крепился кабель. Прыгунов сгреб вещмешки, взвалил на плечо запасную катушку, и комбат, не дожидаясь их, рванул палатку над входом.

Он уже был спокоен. Его минутная вспышка быстро улеглась, это было не самое худшее — «контроль и помощь» тоже имели свои уязвимые места, и с ними можно было бороться. В роты вряд ли они сунутся, останутся в землянке, тем более что на съедение им он отдавал Маркина. Маркину, конечно, достанется. Но комбат не чувствовал угрызений совести — он в самом деле не имел уже ни минуты времени на эти бесплодные разговоры — отныне все его существо, каждый нерв и каждая мысль были заняты боем.

Он выбежал из траншеи и пошел по бурьяну вниз. Слева, в стороне совхозного поселка, видно, тоже поднялся переполох — светили ракеты, и трассирующие очереди красными роями мелькали над темной землей по краю звездного неба.

Наверно, обнаружили себя разведчики — сегодня второй батальон чуть позже третьего тоже возобновлял свое наступление, не принесшее успеха вчера. Конечно, взяв эту проклятую высоту, Волошин очень помог бы второму, впрочем, так же, как и второй помог бы ему, взяв совхоз. Но с их ослабленными силами что-нибудь взять было непросто, думал комбат, видать, крови сегодня прольется вдоволь. Останется ли что от батальона?

А что, если предпринять маневр, не предусмотренный ни командиром полка, ни уставом, и еще до начала артподготовки и до рассвета послать за болото роту — в момент атаки она бы прикрыла продвижение остальных, взяв огонь на себя. Да и сама помогла бы огнем. В самом деле. Ночью в темноте выдвинуться, наверно, удастся, кустарники на болоте маскировали от ракет и хотя не укрывали от огня с высоты, все-таки стрелкам в них было надежнее. Но чтобы послать роту, надо опять связываться с командиром полка, сделать это без его ведома комбат не имел права. Разве что взвод? Скажем, того же Нагорного...

Волошин быстро шагал вниз, к болоту, под затаившейся в ночи высотой. Ветер не утихал, было дьявольски холодно, мороз жал, наверное,

градусов на семнадцать. Близился рассвет, стало совсем темно, только звезды в разрывах облаков сверкали беспокойно и остро. Но знал он, скоро их блеск начнет слабеть, небо станет наливаться синькой, из ночных потемок выступит серый, неуютный полевой простор, и для батальона пробьет его час — шесть тридцать.

Волошин на ходу оглянулся — Чернорученко с Прыгуновым отставали, возясь со своей катушкой, которая временами потрескивала, заедая кабель, наверно, задевала зубчатка. Он хотел как можно быстрее обосноваться в роте, но без связи теперь не мог обойтись ни минуты и остановился, поджидая бойцов. Он чувствовал минутное облегчение оттого, что удалось обхитрить проверяющих, которые, по существу, ничем ему помочь не могли, а помешать могли сколько угодно. Каждый из них считал себя вполне сведущим в его действиях, а главное — был вправе указать, не одобрить и даже потребовать. Как же — они посланы в батальон сверху, из полка и дивизии и, значит, полагали себя умнее и дальновиднее. Даже и этот дивизионный ветеринар, которого так озадачила неготовность к атаке.

«Пусть себе сидят на КП, ждут Маркина, — подумал Волошин. — Втроем скучно не будет».

Он, однако, ошибся.

Только он пришел в роту Самохина и приказал Чернорученко поставить телефон в траншейке, а Прыгунова послал разыскать по цепи Самохина, как сзади, в некотором отдалении от роты, услышал приглушенный голос. Сначала ему показалось, что это кто-то из бойцов, но затем он услышал характерные интонации Гутмана и обрадовался тому, что Гутман наконец принесет весть о разведке бугра за болотом.

Действительно, это был Гутман, который быстро шел вниз к блиндажу, но за ним, отставая, ворошилась еще одна фигура в полушубке, присмотревшись к которой комбат узнал недавнего своего знакомца из штабдива.

— Товарищ комбат, вот представителя дивизии привел, — бодро сказал Гутман, словно ожидая поощрения за свой поступок. Комбат в душе чертыхнулся, глядя, как настырный майор, пыхтя и отсапываясь, лезет в узковатую для него траншею.

— Быстро, однако, вы ходите, комбат. Хорошо, вот ваш ординарец попался... — говорил он как ни в чем не бывало.

Глава тринадцатая

По мере того как приближался назначенный для атаки час, все быстрее бежало время, и Волошин боялся, что не успеет, запарится со столь кратковременной подготовкой, запарятся командиры рот, не успеют бойцы. Но роты вовремя получили завтрак, бойцы разобрали подвезенные им боеприпасы и теперь с тревожной напряженностью коротали остаток этого трудного перед атакой часа. Нагорный тоже, кажется, успел. Прошло минут двадцать, как его взвод (впрочем, скорее отделение — четырнадцать человек), тихо соскользнув с обмежка, исчез в предутренней темноте кустарника, и пока там, за болотом, все было тихо. Но что бы ни делал комбат, чем бы ни занимался в своей приблиндажной траншейке, всем своим обостренным вниманием он был там, за болотом. Он очень боялся, что немцы до времени обнаружат бойцов Нагорного и сорвут весь его замысел, который он до поры скрыл от командира полка и старался скрыть от этого дотошного представителя штаба дивизии, все лезшего к нему с расспросами, зачем и куда он посылает

бойцов. Но шло время, а сторожкая предутренняя тишина над болотом ничем не нарушалась, вселяя в комбата слабенькую надежду.

Между тем разведчики Кизевича все не возвращались, и это тяжелым камнем лежало на душе комбата. До последней минуты надеясь на их появление, он тянул время в траншейке и не отдавал приказа. Рядом ждали вызванные для того командиры подразделений, с ракетницей наготове лежал на тыльном бруствере Гутман, а он все тянул, вслушивался и все нетерпеливее поглядывал в сторону девятой — не идет ли Кизевич. Но Кизевич, по-видимому, тоже ждал до последней минуты, и комсорг Круглов, полулежавший сзади на бруствере, поняв беспокойство комбата, сказал вполголоса:

— Да, влопались, наверно, ваши разведчики.

Наверное, влопались, подумал комбат, но где? Если там, на бугре, свои, то где же они могли влопаться? Значит, не свои, пожалуй...

Однако тянуть дальше стало невозможно, до начали артподготовки оставалось тридцать минут, небо все больше светлело, уже стал хорошо просматриваться кустарник на болоте, и комбат встрепенулся.

— Гутман, бегите за командиром девятой.

Ординарец, сорвавшись с бруствера, проворно побежал краем болотца. В траншее примолкли, почувствовав скорое начало самого важного, для чего они тут собрались, — отдачи боевого приказа, после которого утро будет принадлежать не им. Начнется бой, трудный и долгий, может быть, на весь день до вечера, и для кого-то из них этот день станет последним днем жизни. Но каждый из них, стоящих теперь в траншее, давил в себе это знобящее чувство, скрывая его за торопливой закуркой, коротенькой шуткой, пустой, мало что значащей репликой. Они были не новички на войне и умели владеть собой даже в таком тягостно томящем ожидании, как эти последние перед атакой минуты.

Комбат обвел взглядом присутствующих и, не увидев командира батареи, спросил:

— А где капитан Иванов?

— А вон бежит, кажется, — сказал, оглянувшись, Круглов.

Действительно, с пригорка, слегка пригибаясь, запоздало сбежал командир батареи и, шурша палаткой, упал боком на бруствер. Два телефониста с тяжелой катушкой тянули за ним телефонную связь.

— Сюда, сюда давайте! — негромко крикнул

им капитан и виновато сказал собравшимся: — Задержался, прошу прощения. С боеприпасами морока. Только что привезли.

Стоя вполоборота, Волошин сдержанно кивнул головой. Взгляд комбата скользнул по молчаливой фигуре лейтенанта Муратова и остановился на стоящем поодаль Самохине, который, обжигая пальцы, сосредоточенно докуривал «бычок». Он хотел о чем-то спросить лейтенанта, но по другую сторону траншейки завозился со своим измятым блокнотом ветврач из дивизии.

— Товарищ командир батальона, прошу ответить еще на один вопрос. Как обеспечивается подвоз боеприпасов?

— Все, что дали, уже подвезли, — сказал Волошин. — Больше не предвидится.

— Как то есть?

— Просто. Больше сегодня не дадут. Выдали все, что было.

— Ах, что было, — понял ветврач.

— Товарищ майор, — сказал комбат. — Я бы посоветовал вам, пока не рассвело, отправиться на мой КП. А то как начнется, отсюда не выберетесь.

Майор обиженно вскинул тронутое щетиной, слегка оплывшее за ночь немолодое лицо.

— А я не намерен выбираться, товарищ комбат. Я прислан командиром дивизии до момента взятия высоты. Я обязан присутствовать в батальоне и осуществлять контроль за выполнением его приказа.

— Ну как хотите, — спокойно сказал комбат, сразу потеряв интерес к майору; у него была пропасть дел поважнее.

Он ждал Кизевича с Гутманом, но сперва прибежал один Гутман, на ходу бросивший комбату: «Нет разведчиков», потом из сумерек показался командир девятой. Его мрачный вид красноречиво подтверждал невеселое сообщение ординарца, и командир батальона разочарованно отвернулся. Далее ждать не имело смысла.

— Товарищи командиры!..

В траншейке и на бруствере все разом притихли, хотя и так почти все молчали, прекратился шорох палаток о землю, наступала важная минута, требовавшая сосредоточенного внимания всех.

— Слушайте боевой приказ, — твердым, слегка напрягшимся голосом начал комбат. — Ориентиры. Номер один...

Отдавая приказ, он старался следовать пунктам недавно введенного боевого устава пехоты, хотя

у него и была своя, отработанная продолжительной практикой схема приказа. Но он покосился на ветврача, который озябшими пальцами что-то старательно корябал в своем блокноте, наверно записывая его слова. Впрочем, это комбата мало заботило: его внимание поглотил замысел боя, трудная, может быть, несбыточная возможность ворваться на высоту и одолеть на ней немцев. Он хотел бы побольше сказать о противнике, но он недостаточно знал о нем, система его огня не была раскрыта полностью, его огневые возможности тоже. Поставить задачи ротам не составляло труда, тут все было привычно, хотя комбата и не переставал беспокоить правый открытый фланг батальона. На случай неприятностей из-за этого фланга он приказал командиру девятой атаковать высоту уступом, с загнутым в сторону болотного бугра флангом — видно, это будет нелишне. Ему же он передавал один из двух пулеметов Ярощука, чем сразу же вызвал вспыльчивое несогласие младшего лейтенанта.

— Что ж их раскидывать! Так взвод, а то...

Комбат короткой паузой игнорировал его замечание и продолжал разъяснять задачи:

— Повторяю, главный замысел боя состоит в быстроте действий. Роты преодолевают болото

броском, как можно скорее выходят на рубеж взвода Нагорного. Командир девятой! Ваша задача особенно важная — как можно глубже охватить высоту «Большую» справа и ни на минуту не упускать из виду высоту «Малую» за болотом.

— А если там немцы? — сказал с бруствера сидевший поодаль Кизевич.

— Если там немцы, вы не сможете осуществить охватный маневр. Тогда надо спервa сбивать немцев оттуда.

— Кем сбивать? Взводом?

— Это будет видно. В ходе боя.

Он еще не успел закончить отдачу приказа, как внизу, в наспех отрытой ячейке, завозился у телефона Чернорученко.

— Десятый вызывает.

С неудовольствием прервав разговор, комбат опустился на корточки и взял из рук телефониста трубку.

— Волошин, осталось пятнадцать минут. Я жду доклада о готовности, — раздраженно напомнил командир полка. — Что вы долго возитесь там? Оперативнее надо.

— Я отдаю боевой приказ, — сказал Волошин.

— Отдавайте и докладывайте. Ровно в шесть

тридцать артиллерия должна открыть огонь.

— Я буду готов вовремя.

— Ну-ну. Я жду.

Комбат выпрямился в траншее и неожиданно для себя встретился взглядом с командиром восьмой Муратовым.

— Главный удар осуществляет восьмая, лейтенант Муратов.

— Как всегда, — неопределенно-глухо отозвался Муратов.

Волошин подумал: действительно, как всегда. Но что делать, такова участь всех частей и подразделений, находящихся в центре боевого порядка, которые в наступлении идут в лоб и теряют больше других. Зато в обороне больше достается фланговым, все неприятности обороняющихся обычно происходят на флангах.

— Какие вопросы? Что не ясно? — спросил комбат, взглянув на часы. Действительно, надо торопиться, его время было на исходе. Но все озабоченно молчали, в траншее сделалось очень тихо, только Круглов, забавляясь, бросал с бруствера комочки земли на лед.

— Если вопросов нет — по местам! — сказал комбат, с особой отчетливостью почувствовав, что уже совсем ничего не осталось. Осталось

дождаться назначенной минуты и послать в небо гроздь зеленых ракет. Потом будет бой.

Командиры выскочили из траншеи и, придерживая на бегу полевые сумки, побежали в свои подразделения. В траншее стало свободнее, вместе с комбатом в ней остался Самохин, странный в своем службистском упрямстве ветврач, капитан Иванов со связистами. Из распахнутого блиндажа выглядывали связные — по одному от роты. Чернорученко жался в своей ячейке, а Круглов на бруствере, торопливо прикурив у Гутмана, сказал, обращаясь к комбату:

— Пойду, наверно, к Кизевичу. Гляжу, тут командиров хватает.

— Правильно! — одобрил Волошин, подумав, что в той отдаленной роте присутствие лишнего командира окажется весьма кстати. — Идите в девятую. Там, в случае чего...

— Ясно, — сказал комсорг и прощально взмахнул рукой. — Ну, пусть будет удача!

— Пусть, — согласился комбат и шагнул к Иванову. — Паша, как батарея?

— Батарея готова, — сказал Иванов, опуская от глаз бинокль, в который он рассматривал высоту. — Вот только еще не видать ни черта.

Он уже пристроился на бровке бруствера, уса-

див у ног телефониста, молоденького шустрого паренька в зеленой шинельке. Из-за борта полушубка капитана торчал уголок блокнота и таблицы стрельбы с заложенным в них карандашом. Никаких артприборов у Иванова не было, пристрелку, как всегда, он вел глазомерно, обходясь стареньким, обшарпанным биноклем.

— Да, еще темновато, — взглянув на высоту в бинокль, подтвердил Волошин.

— Еще минут двадцать надо. Пока рассветет. Вблизи видать, а даль вся в потемках. Куда же стрелять? Разрыва не увидишь.

— Надо, значит, подождать, — сказал лейтенант Самохин, запихивая в карманы гранаты. Затем он закинул за плечо ППШ и бросил комбату: — Ну я пошел в цепь.

— Значит, бросок, — напомнил на прощание Волошин. — Два броска — и чтоб на вершине! Только так, не иначе.

— Постараемся, товарищ капитан, — сказал лейтенант, легко выскакивая из траншеи.

Внизу опять зазуммерил телефон, и малоподвижное лицо Чернорученко напряглось, озабоченным взглядом телефонист поискал комбата.

— Вас.

Комбат взял трубку и, уже зная, какой услышит

вопрос, сказал почти зло:

— Еще не готов. Как буду готов, доложу.

— Вы затягиваете время, вы срываете сроки атаки! — раздраженно заговорил командир полка. — Что за безобразие, капитан?

— Что время? Мне ни черта не видать! Артиллеристы еще не просматривают высоты.

— Глаза им протереть, твоим артиллеристам! — загремело в трубке. — Уже вполне рассвело, светлее не будет.

— Товарищ десятый, надо выждать еще десять минут, — спокойно сказал комбат. — Зачем же палить в божий свет как в копейку? Снаряды еще понадобятся.

— Вы просто не готовы, вы только ссылаетесь на артиллеристов! Вы не организовали атаку! — зло кричал командир полка, и Волошин почувствовал, с каким бы удовольствием он тоже перешел на крик. Но он изо всех сил старался сохранять спокойствие и не потерять самообладания, которое еще очень пригодится ему сегодня.

— Товарищ десятый! Действительно, я не готов. Как буду готов — доложу.

Он отпустил клапан и передал Чернорученко трубку, тут же столкнувшись со встревоженным взглядом майора.

— Это кто? Это из штаба дивизии?

— Это из штаба полка, — сказал Волошин.

Майор, промолчав, достал свои толстые старинные часы на белой серебряной цепочке.

— Осталось четыре минуты, — поеживаясь от волнения, сказал он чуть дрогнувшим голосом.

— Надо подождать, — сказал, отрываясь от бинокля, Иванов. — Еще ни черта не видать.

Комбат откинулся к задней стенке траншеи, он думал. Конечно, начинать артподготовку, когда еще не просматривалась вершина высоты, было нелепостью, но он знал также, что всякая задержка с атакой даром ему не пройдет. Уж Гунько взыщет, отведя на нем душу за все последние неудачи полка, особенно если к ним прибавится еще и неудача его батальона. Это уж точно. Тем не менее он решил с твердостью:

— Подождем!

Рядом в немом удивлении застыл майор.

— Как? Вы откладываете атаку?

— Да. На пятнадцать минут.

— Я протестую. Вы нарушаете приказ. Я буду докладывать.

— Можете докладывать, — спокойно сказал комбат. — Вы видите — темно. Куда же стрелять? Командир батареи не видит целей.

Майор рассеянно смотрел на него.

— Но приказ в шесть тридцать.

— Приказ отдавался ночью, когда вовсе было темно. Да вот не развиднело по приказу.

Ветврач обескураженно замолчал, сраженный очевидностью доводов комбата, но и игнорировать срок приказа он тоже не мог и рассеянно поглядывал на руку с лежавшими в ней часами.

Волошин тоже вынул часы — минутная стрелка неуклонно приближалась к шестерке, затем незаметно для глаза переползла ее, и внизу опять зазуммерил телефон.

— Скажи, что комбат ушел в цепь, — сказал Волошин, и Чернорученко, путаясь и заикаясь, стал объяснять в трубку отсутствие командира батальона.

— Так будет лучше. Ну как видимость, Паша? — спросил он Иванова.

— Еще бы десяток минут. Едва заметна стала траншея.

Волошин поднял бинокль.

— Видишь окончание траншеи, самый ее нижний отросток-ус? Там блиндаж или, может быть, дзот с пулеметом.

— Да, вижу. Вчера еще мои засекли.

— Далее на изломе траншеи еще пулемет, но-

чью засек сам. Этот самый опасный, на два склона работает.

— Вот его мы и прихлопнем, — уверенно сказал Иванов. — В первую очередь.

— Далее все по траншее. Там пулеметов пять-шесть. Надо накрыть.

— Попробуем.

— Ну и спираль Бруно. Хотя бы по одному попаданию на роту.

Не отрываясь от бинокля, Иванов скомандовал телефонисту:

— Батарея, к бою!

— Батарея, к бою, — как эхо тенорком отозвался внизу телефонист и ясными глазами из-под сбитой набекрень шапки посмотрел вверх на комбата, ожидая новых его команд.

— По пулемету... Гранатой, взрыватель осколочный... Заряд четвертый... Репер номер один левее ноль-сорок. Прицел сорок восемь. Первому один снаряд — зарядить!

Телефонист, передав все дословно, несколько секунд выжидал и наконец поднял на комбата все тот же ожидающий взгляд синих глаз.

— Первое готово! — почти пропел он.

— Ну что? — вопросительно взглянул на комбата Иванов. — Я готов.

Волошин решительно протянул руку к трубке. Чернорученко понимающе попросил дать «десятого».

— Я готов! — сказал комбат, как только услышал в трубке микрофонный щелчок клапана. Командир полка со стоном что-то вскричал, но комбат, упреждая его, вскинул левую руку по направлению к Гутману.

— Гутман, ракету!

Гутман был наготове и, хрустнув курком немецкой ракетницы, вскинул ее над головой.

Волошину показалось, что зеленая гроздь ракеты порхнула в тусклое небо мгновением раньше, чем хлопнул выстрел ракетницы, и красиво распустилась в высоте над чахлым кустарником болота.

— Огонь! — тотчас негромко скомандовал Иванов.

Секунду спустя сзади туго ударило в воздух, слабо отдавшись за лесом, и первый гаубичный снаряд, распарывая упругий воздух, прошел над головами. Потом на несколько секунд его ход где-то там замер, будто затерявшись в небе, но вот почти у самой макушки высоты возле траншеи обвально грохнул разрыв. Ветер, подхватив облако пыли, быстро понес ее наискось по склону.

Глава четырнадцатая

Бойцы торопливо повыскакивали из окопчиков и, пригибаясь, с затаенным до поры опасением на лицах сыпанули с обмежка к болоту. В течение нескольких секунд комбат видел почти весь свой батальон, за исключением скрытой пригорком роты Кизевича, затем болотный кустарник быстро поглотил всех. Первый дружный рывок обнадеживал, теперь бы еще пару таких рывков, и батальон был бы на склоне. Но комбат знал, что скоро ударят немцы и все может обернуться иначе.

Иванов, не отрываясь от бинокля, продолжал передавать команды, и вверху через их головы, потрескивая и постанывая, шли тяжелые гаубичные снаряды, которые с мощным глубинным грохотом обрушивались на высоту. Теперь он бил по траншее — с блиндажом и пулеметом поближе, наверно, было покончено. Немцы молчали, и Волошин хотел было уже сказать командиру батареи, чтобы тот сделал паузу — зачем без толку бить по молчащей траншее? Но только он подумал о том, как с высоты длинно застегал пулемет.

Волошин чуть подвернул окуляры бинокля и увидел за болотом, в самом начале склона, несколько серых фигурок, с усилием бегущих по склону вверх. Кто-то из них там упал, поднялся, вперед вырвался один в телогрейке с коротким автоматом в руках, и Волошин узнал в нем Нагорного. Пока роты под прикрытием артогня преодолевали болото, Нагорный атаковал траншею.

— Паша, ты видишь? — вскрикнул комбат. — Вон мои вырвались! Скорей накрой пулемет!.. И проходы, проходы в спирали...

— Где же он? От черт, не разобрать...

Пулемет длинно бил по взводу Нагорного, его пули с протяжным визгом неслись с высоты над болотом, но засечь его позицию не удавалось. Комбат до боли вдавливал окуляры бинокля в глазницы, пока не услышал, как сзади задудукали оба его ДШК, и через траншейку и кустарник на высоту понеслись дымные, заметные в небе струи крупнокалиберных трасс. Волошин подумал, что Ярощук видит цель, и устремил взгляд следом за трассами, но заметить, куда они там вонзались, было невозможно. Дымно-трассирующие очереди мчались по направлению к высоте и бесследно исчезали на ней.

Комбат напряг зрение, ожидая, что из кустар-

ника покажутся наконец подоспевшие роты, но рот еще не было видно. Похоже было на то, что Нагорный поторопился, хотя это было лучше, чем если бы он промедлил — промедление с атакой сводило на нет всю его затею с отвлекающей вылазкой. Нагорный ударил вовремя и четырнадцатью своими бойцами прикрыл роты. Даже если он и не ворвется в траншею, этот его маневр сделает свое дело.

Однако огонь с такого расстояния был уничтожающ, и Волошин, внутренне сжавшись, ждал того неизбежного момента, когда Нагорный заляжет, к тому же наткнувшись на невидимую отсюда, но где-то там растянутую спираль Бруно. Он и действительно залег, несколько человек упали на серый склон, то ли укрываясь от пулеметного огня, то ли были убиты. Но тут же, будто по его желанию, на высоте выросли подряд три пыльных приземистых разрыва, которые, наверно, не накрыли траншеи, зато землей и пылью отгородили от нее распластавшихся на склоне бойцов. И взвод поднялся. Несколько человек, только что показавшихся ему убитыми, вдруг подхватились с земли и бесстрашно побежали вверх, в еще не осевшую от разрывов пыль, которую ветер косо гнал с высоты.

— Молодец! — сказал Волошин. — Ну давайте же, давайте!

Последние его слова относились к соседям-минометчикам, которые открыли наконец огонь и так подсобили Нагорному. Комбата захлестнуло запоздалое чувство признательности этому беззаветному труженику войны, без лишних слов, без рисовки, только за истекшие сутки сделавшему для батальона столько, сколько не сделал никто. А он не нашел времени сказать ему доброе слово, пошутить в разговоре — все с холодной командирской официальностью, в приказном порядке. Запоздалое сожаление на минуту шевельнулось в душе комбата и тут же забылось, вытесненное другими заботами.

— Ага, вон он, подлец! Вижу! — радостно вскричал Иванов и закомандовал телефонисту: — Левее ноль-ноль два, уровень больше ноль-ноль один!..

Начиналась ювелирная стрельба, точности которой мог позавидовать снайпер. Иванов умел, когда было нужно, вопреки артиллерийской теории положить три снаряда в одну воронку, в своем деле он тоже был снайпер.

Тем временем минометчики дали еще несколько удачных залпов, на задымленной верхушке заплясали кустистые разрывы мин, между ко-

торыми ровно и мощно крошили траншейный бруствер гаубичные разрывы Иванова. Пологий склон высоты заволокло дымным туманом, который свежий утренний ветер не успевал сносить прочь, и рваные клочья пыли косо тянулись в хмурое небо. Видимость резко ухудшилась, бой громыхал вовсю, все там беспорядочно ахало, содрогалось, визгом и грохотом наполняя холодный рассветный простор. Но роты, наверно, уже выходили из болота, и надо было не дать им промедлить перед решительным броском на склон.

Волошин левой рукой выхватил у Чернорученко трубку.

— Але, десятый! Нет десятого? Передайте от пятого с «Орла» — смена НП. Карандаши — на высоте, меняю НП. Поняли? Меняю НП.

И, бросив в руки Чернорученко трубку, он с живостью распрямился в траншее.

— Гутман! Чернорученко! Снять связь и за мной! Быстро!

Чернорученко с несвойственной ему живостью одной рукой выдернул заземление, другой сгреб аппарат. Гутман подхватил катушку с наполовину смотанным кабелем, взглянув на которую комбат с опаской подумал: не хватит. Этого кабеля до высоты не хватит, как тогда быть? Впрочем,

связные от рот уже взбирались на бруствер, и он крикнул Иванову, продолжавшему управлять огнем:

— Минут десять поддай!

— Десять поддам! — крикнул в ответ Иванов. — Но не больше...

— А ты поточнее, — бросил Волошин с бруствера.

— Уровень меньше ноль-ноль один, — командовал Иванов.

«Ну теперь накроет», — подумал комбат, сбегая по мерзлой траве на измызганные плахи впаянного в кустарник льда. Однако первое обнадеживающее чувство, вызванное удачным началом, быстро исчезало, он знал наверняка, что несколькими пулеметами дело не обойдется, что вскоре немцы ударят чем-нибудь и покрепче. Ударят из минометов, и это будет похуже. Но пока на высоте мощно грохотали свои разрывы и дробным треском заливался пулемет, хотелось думать, авось обойдется. Ему бы еще минут двадцать, за это время восьмая под прикрытием артогня наверняка бы достигла ближнего отростка траншеи. Особенно если за него удалось зацепиться Нагорному.

Волошин размашисто бежал по льду, истоп-

танному грязными подошвами только что пробежавших здесь рот, за ним вплотную держались трое связных. Чернорученко с Гутманом вскоре отстали, запутав в кустарнике провод, и он приказал одному из связных, тощему парню в короткой шинели и голубых до колен обмотках, быстро помочь им. Боец с напряженным непониманием взглянул на него, но потом закинул назад сбившуюся на живот противогазную сумку и остановился. Комбат, пригнув голову, продрался сквозь лозовые заросли, выскочил на льдистый, с ноздреватым снегом прогал и оглянулся: за ним из-за куста, широко расставляя ноги и осклизаясь, бежал ветврач. Его расстегнутая кобура опустело болталась на животе, узенький ремешок тянулся к руке с зажатым в ней вороненым наганом, которым майор неуклюже взмахивал, стараясь сохранить равновесие на скользких подошвах.

— А вы куда? — крикнул Волошин, не сдержавшись в своем возбуждении. Ветврач только раскрыл рот, чтобы ответить, как вдруг оба они оглушенно вздрогнули, на мгновение потеряв дар речи.

«Ну вот, наконец! — со странным злорадством подумал комбат, инстинктивно вжав голову в плечи. — Наконец. Началось!»

В облачной высоте над болотом оглушительно грохнуло раз и второй, тугим звоном заложив левое ухо. Волошин посмотрел вверх — над болотом, словно брошенный в небо клок шерсти, неслось на ветру черное дымное облачко. «Пристрелочный!» — подумал комбат и опять оглянулся. Ветврач лежал под нависшими ветвями ольхи, уронив на лед голову в подвязанной под подбородком ушанке. Подумав, что он ранен, Волошин побежал назад.

— Вы что? Ранены?

Ветврач встрепенулся и с вопросительным ожиданием в глазах внимательно посмотрел на комбата.

— Н-нет, я не ранен, — выдавил он, заикаясь.

— Встать и бегом! Бегом!! — скомандовал Волошин, сознавая, что от бризантных разрывов, густо обдававших землю осколками, здесь не укрыться, надо как можно быстрее выскочить из района поражения.

— Бегом!

В следующее мгновение с пронзающим треском грохнули еще четыре разрыва, несколько, правда, дальше, чем прежде, ближе к краю болота, как раз над тем местом, где были роты. Сотни стальных осколков горячим вихрем прошлись

по ветвям кустарника, срезая ветки и насквозь прожигая толстый, достигающий самого дна лед. Ветврач снова упал, но тут же поднялся; сзади, ломая кустарник, его настигал Гутман.

Больше комбат не оглядывался, разом забыв о своей безопасности, — тревога за роты, над которыми теперь оглушительно загрохотали счетверенные разрывы бризантных, опалила его. Он бросился напрямик к близкому уже краю болота, решив во что бы то ни стало поднять батальон на последний бросок, в котором был выход и единственная возможность достичь траншеи. Под высотой на болоте они долго не выдержат, в голом промерзшем грунте не скоро окопаешься, да и окопы от этого огня не помогут. Черт бы их взял, эти бризантные, уж лучше бы минометы, горячечно думал комбат, мчась по кустарнику.

Он выскочил из него под новый залп, раздирающе грохнувший, казалось, в нескольких метрах над головой, и, сшибленный с ног этим залпом, нелепо упал на жесткую, заиндевевшую траву лужайки. Но тотчас вскочил, окинув взглядом подножие высоты, где неровно залегли бойцы восьмой роты. Кто-то из них уже лихорадочно работал лопаткой, кто-то истошно матерился справа, и он повернул на этот мат, ожидая уви-

деть там командира роты, и увидел кучку бойцов, на коленях возившихся возле кого-то, лежавшего на траве. Еще не добежав до них, он увидел хромовые сапоги Муратова, волочащиеся по траве, в то время как двое бойцов, подхватив командира роты под мышки и пригибаясь, тащили его к кустарнику.

— Стой! — крикнул он, не услыхав своего голоса, снова накрытого очередной серией разрывов, — один из бойцов упал на колени, выронив руку ротного, и уткнулся плечом в траву. Другой лег рядом, растерянным взглядом шаря по окрестности и не узнавая комбата.

— Что с лейтенантом? — спросил Волошин, приседая рядом, но, только взглянув на мертвенно-бескровное лицо Муратова, сразу понял: все. Серые крупинки мозга из развороченного затылка убитого густо облепили его воротник и плечи с новенькими, аккуратно подшитыми погонами. Шинель на боку была широко распорота осколком, обнажив желтую овчину шубного жилета.

— Оставить убитого! — приказал он.

— Товарищ комбат! — взмолился боец, пожилой человек со слезящимися глазами. — Товарищ комбат, как же так? Его же ранило, мы потащили, а тут... Как же так, товарищ комбат?..

— В цепь! — жестко приказал он, взглядом ища кого-нибудь из сержантов. Но сержантов поблизости не было видно — на траве лежало ничком несколько бойцов в новых, не обмятых еще шинелях и в новеньких, насунутых на шапки касках — вчерашнее его пополнение. Их предстояло поднять для атаки, заставить преодолеть под таким огнем несколько сотен метров склона, и эта задача показалась ему, уже немало повидавшему на войне, более чем затруднительной.

Но другого не оставалось.

Стараясь пересилить треск и дзиганье очередей, он приподнялся на руках и прокричал, раздельно выговаривая каждое слово:

— Ро-та!.. При-го-то-виться... К а-атаке!

Внешне рота почти не отреагировала на эту команду, впрочем, реагировать на нее теперь и не требовалось — требовалось ее уяснить и главное — собраться с духом перед самым отчаянным броском вперед. Понимая это и выждав минуту, он скомандовал снова:

— Поотделенно... Короткими перебежками... Вперед!

И лег грудью на землю, с трепетным напряжением ожидая: поднимутся или нет? В цепи, очевидно, замешкались, и он подумал о том, как

бы теперь пригодился старый командирский прием: встать самому и скомандовать просто: «За мной!» Но за этот прием он неоднократно порицал своих командиров рот и не мог позволить его себе. Все-таки у него был батальон, судьба которого во многом зависела от него, живого. Мертвый он батальону не нужен.

До него донеслось из цепи несколько невнятных обрывков команд, несколько человек в разных ее местах все же вскочили и, пригнувшись, бросились вперед на обмежек. Прямо перед комбатом мелькнула помятая, с рудыми подпалинами на полах шинелька бойца, который проворно взлетел на пригорок, но вдруг выронил к ногам винтовку, повернулся, словно пытаясь оглянуться, и плашмя свалился наземь. Попадали тотчас и другие, поднявшиеся по команде первыми. Пулеметные струи с множеством мелькающих зеленоватых трасс теперь сошлись все сюда и густо стегали по обмежку, взбивая травянистый дерн и с жужжащим, замирающим визгом разлетаясь в стороны. Те из лежащих бойцов, чья очередь была подняться, еще плотнее припали к земле, и он не подал новой команды. Он уже понимал, что атаковать под таким огнем невозможно, что так очень просто он положит

тут весь батальон. И он начал вслушиваться в громыхающую разноголосицу боя, стараясь найти в ней хоть какую-нибудь возможность для выполнения задачи, и не находил никакой. Какая ни есть возможность, которую на несколько минут предоставил внезапный удар Нагорного, была безвозвратно упущена, и теперь все решало соотношение сил, которое складывалось явно не в пользу атакующих. Огонь сплошь был немецкий, наша сторона смолкла. Несколько минометных разрывов еще треснули на высоте, и больше разрывов там не было. Замолчала и батарея Иванова, выпустившая, наверно, все, что она могла выпустить. Он не засекал времени, но прошло, наверное, побольше десяти минут. Зато высота теперь заходилась в звоне и гуле полдюжины пулеметов, потоки пуль с густым визгом, не переставая, шли над болотом, хотя здесь, за небольшим, по колено, обмежечком, отделявшим сенокос от пашни, было относительно укрытно, если бы не этот бризантный обстрел. От бризантных укрыться тут было негде.

Тем временем немецкий корректировщик, наверно, уже пристрелялся, и разрывы, с небольшим отклонением по дальности и высоте, почти в линию, грохали над батальонной цепью, взбивая

осколками травяной покров, брызгая крошками льда с болота, поднимая быстро сдуваемые ветром облачка пыли на пашне. Комбат на четвереньках пробежал несколько шагов к обмежку и оглянулся, лихорадочно соображая, что предпринять. Гутман с Чернорученко, пригнувшись, уже волокли к нему конец провода, за ними на четвереньках ползли трое связных, и за всеми короткими перебежками продвигался ветврач в испачканном, мокром на животе полушубке.

— Связь! Живо!

Чернорученко, устроившись на боку, непослушными руками начал присоединять конец провода к клеммам, а комбат, не оборачиваясь, прокричал:

— Связной седьмой роты!

Ему никто не ответил, и он крикнул громче:

— Связной седьмой!

Из-за сплошного пулеметного треска и грохота разрывов вверху, которые, впрочем, начали несколько смещаться вправо, наверное, в район девятой Кизевича, рядом ни черта не было слыхать, и Гутман, обернувшись на локте, крикнул трем связным, намертво припавшим к земле в десяти шагах сзади:

— Эй вы! Оглохли там?

Один из бойцов заворошился, с напряжением на лице вглядываясь в комбата, и тот выругался.

— Какого черта молчишь? А ну бегом за командиром роты!

Боец, сильно пригибаясь, едва не наступая на обвисшие полы шинели, с винтовкой в правой руке побежал вдоль болота налево.

— Передайте по цепи: сержанта Ершова — ко мне!

Гутман прокричал громче, и, кажется, его команду передали дальше. Если Ершов жив, он как-нибудь управится с седьмой, но неизвестно было, как сложились дела в девятой.

— Связной девятой!

— Я! — приподнялся на траве белобрысый боец.

— Бегом за командиром роты.

Только боец отбежал полсотни шагов, как опять грохнуло над самой цепью восьмой, и в воздухе, четко обозначив углы трапеции, зачернели четыре кляксы. Это тоже класс, невольно мелькнуло в голове у Волошина, пристрелялись что надо. Кто-то неподалеку, бросив в цепи винтовку, неуклюже пополз в кустарник, волоча раненую, с размотавшейся обмоткой ногу. Кто-то кричал леденящим душу паническим голосом:

— Перебьет так всех к черту! Чего лежать?

— Да. Дает, сволочь, чых-пых! — сказал Гутман.

Чернорученко все возился со связью, продувая трубку, и Волошин вскипел:

— Ну, ты долго там?

Связист, однако, поднял к комбату бледное лицо, растерянно заморгав добрыми глазами.

— Нет связи. Перебило, наверно...

— На линию, марш! Быстро!

Чернорученко что-то умоляюще бросил Гутману и, закинув за спину карабин и подхватив в руку провод, побежал в болото.

Волошин, вслушиваясь в густой неумолчный грохот, с неотступностью упрямца старался обнаружить в нем что-либо утешительное для батальона, по ничего обнаружить не мог. Теперь уже весь огонь исходил со стороны немцев, наши в цепи не стреляли, замолкла артиллерия и затаились ДШК за болотом, подавленные этим гогочущим шквалом пуль и осколков, низвергшихся на батальон. Разрывы бризантных в небе яростно громыхали над районом девятой, откуда спустя четверть часа вместо старшего лейтенанта Кизевича прибежал краем кустарника разбитной боец в телогрейке. Комбат давно знал его в лицо, но фамилии теперь вспомнить не мог. Кашляя

от удушливой, оседавшей в болоте тротиловой вони, боец упал возле Волошина.

— Вот записка от комроты.

Он протянул измятый в потной горсти клочок бумаги, на котором без подписи было набросано рукой Кизевича: «Наступать не могу, залег в болоте. Выбивают бризантные. Фланкирующие пулеметы с той высоты не дают продвигаться. Прошу разрешения отойти».

«Час от часу не легче, — подумал Волошин. — Не хватало бризантных, так еще и фланкирующие «с той высоты». Не оборачиваясь, комбат прокричал бойцу:

— Потери большие?

— А?

— Потери, говорю, большие?

— Наверно, человек двадцать. Вон он как лупит с воздуха. А с фланга пулеметы. Старший лейтенант там ругается...

Минуту спустя прибежал и распластался рядом вызванный с фланга восьмой командир взвода Ершов, спокойный с виду человек, в телогрейке и извоженных в земле ватных брюках.

— Какие потери? — спросил комбат.

— В роте не подсчитывал, — утирая потное лицо, сказал Ершов. — Наверное, человек восемь.

Пригорочек спасает.

Пригорочек спасал восьмую, это определенно, иначе бы они тут не лежали. А вот у девятой пригорочка не оказалось, и потому ей приходится худо.

Сзади, неуклюже двигая задом, к комбату подполз ветврач и просипел сдавленным голосом:

— Что случилось, комбат? Почему не поднимаются в атаку?

Комбат посмотрел на него отсутствующим взглядом — в громыхании и треске боя он явственно различал пулеметные очереди за болотом, бившие во фланг роты Кизевича, и с неприязнью подумал о своих разведчиках. А заодно и о полковых, на которых ночью с такой уверенностью ссылался майор Гунько. Понаразведывали, называется! На его голову.

— Почему не поднимаете роты в атаку? — настойчиво сипел в ухо ветврач. Лежа рядом, он тяжело дышал, все не выпуская из рук неизвестно для какой надобности вынутый из кобуры наган, ствол которого был плотно забит землей.

— Прочистите оружие, — холодно сказал Волошин. — Разорвет ствол.

Ветврач, спохватясь, начал выколачивать из канала ствола землю, а Волошин с еще большей,

чем прежде, неприязнью подумал, что такие вот честные проверяльщики — куда большее зло, чем те, кто, слабо понимая в деле, не особенно и рвется в него, предпочитая отсидеться в землянке, где безопаснее, чем в этом аду.

Он ждал лейтенанта Самохина, которого все не было, и он стал сомневаться, передан ли его вызов, не остался ли где на дороге его посыльный. Связи тоже не было. Гутман, держа прижатую к уху трубку, все дул в нее, но, видно, линия упорно молчала.

Когда из кустарника сзади появился лейтенант Круглов со сбившейся набок пряжкой ремня и без тени обычного добродушия на невозмутимом лице, комбат понял, что положение девятой в самом деле критическое. Комсорг размашисто рухнул слева от него, отер потное, в пыли и копоти лицо.

— Комбат, спасайте девятую! Через полчаса всю выбьет.

— Кизевич жив?

— Жив пока. Но потери большие. Главное — эта шрапнель. Да и пулеметы справа. Сперва надо брать ту высоту за болотом. Иначе дрянь дело. Без толку людей положите, — возбужденно заговорил Круглов.

Комбат, подумав, оглянулся на Гутмана.

— Как связь?

Гутман вместо ответа развел руками.

— Ракетницу! — потребовал комбат.

Он выхватил из рук ординарца ракетницу, лежа, пошарив в кармане, вынул белый с красной головкой патрон.

— Что ж... Будем считать, фокус не удался. Фокуснички!

И, вскинув руку, послал в дымное от разрывов небо недолго погоревший там красный огонек ракеты.

Роты по-пластунски и перебежками начали отход за болото.

Глава пятнадцатая

Он понимал, на что шел, и знал, как его отход будет воспринят командиром полка. Но он иначе не мог. Он не мог поднимать батальон под таким огнем с высоты — это было бы сознательным убийством. Роты, срезанные пулеметным шквалом, навсегда бы остались на ее мерзлых склонах, с кем бы тогда он вернулся на свой КП? Вернуться один с горсткой управления он бы не смог, значит, и он должен был остаться на этой проклятой высоте. Но он умирать не собирался, он еще хотел воевать, у него были свои счеты с немцами.

Лежа за обмежком, он проследил, как последние бойцы восьмой роты скрылись в кустарничке, и сам поднялся на ноги. Наверное, все же край кустарника с высоты не просматривался, пули оттуда почти все шли верхом. Подбежав к телу Муратова, он оглянулся: сзади никого уже не оставалось. Гутман, повесив на плечо автомат, принялся сматывать кабель. Но тут навстречу ординарцу из кустарника выскочил запаренный Чернорученко, и комбат крикнул Гутману:

— Заберите Муратова!

Все по тому же истоптанному множеством ног шершавому льду он перебежал болото. Следом, тюкая об лед и сшибая мерзлые ветки, проносились пули, одна на излете стеганула его по поле шинели, прибавив к старым две новые дырки. Комбату, однако, было не до шинели, недалеко уже виднелась спасительная траншейка седьмой, где из-за бруствера ожидающе высовывалась знакомая голова Иванова.

Несколько бойцов впереди проворно юркнули в свои недавно оставленные и снова счастливо обретенные окопчики. Следом и чуть в стороне запоздало, но с прежним оглушительным звоном лопнули разрывы бризантных. Комбат не спеша усталым шагом направился по открытому пространству к траншейке. Его теперь запросто могли срезать пулеметной очередью сзади, могли накрыть разрывом бризантного, но он уже не слишком опасался за собственную жизнь после того, как столько человеческих жизней осталось на той стороне болота. Не взглянув на виновато поникшего за бруствером Иванова, он спрыгнул в траншею, очутившись рядом с несколько раньше добежавшим туда ветврачом. Командиры встретили его молча, и он молчал, глядя, как из кустарника, выпутывая провод, торопливо вы-

бирался Чернорученко. Ему срочно нужна была связь с командиром полка.

— Да-а, ерунда какая-то получается, — чувствуя настроение Волошина, сказал наконец Иванов.

— Почему так плохо работала артиллерия? — привстав в траншее, горячечно заговорил ветврач. — Почему вдруг замолчали орудия?

— Чтобы артиллерия хорошо работала, нужны боеприпасы, — сказал Иванов. — А боеприпасов-то кот наплакал.

— Это почему? Кто виноват?

— А это вы в штабе дивизии справьтесь, кто виноват, — стоя боком к майору, сказал комбат. — Подвоз и снабжение в армии осуществляются сверху вниз.

Майор горестно и звучно вздохнул, наверно начав наконец понимать что-то, и Иванов сказал:

— Восемь снарядов осталось. Как было последние выпустить?

Он вроде оправдывался перед ветврачом или перед командиром батальона, но комбат его не обвинял и даже не обижался на него, понимая, что без снарядов командир батареи ему не помощник.

В подавленном молчании Волошин стоял, прислонясь к тыльной стенке траншеи. Тем вре-

менем из кустарника Гутман с двумя бойцами вынесли на палатке тело Муратова. Сойдя со скользкого льда, они, то ли от усталости, то ли не зная, куда направиться дальше, нерешительно опустили его на траву, но Гутман заторопил их, и бойцы снова взялись за углы палатки. Тяжело взобравшись на обмежек, они положили убитого возле входа в траншейку, и у комбата на секунду перехватило в горле, когда он вспомнил об их ночном разговоре о часах. Вот оно, суеверие! Впрочем, разве он один? У тех многих, что остались под высотой, вряд ли были какие-нибудь часы. Да и особые предчувствия тоже.

— Накройте лейтенанта! — крикнул он Гутману. — Палаткой накройте.

Рядом негромко выругался Иванов, который вообще никогда не ругался.

Бой, однако, утихал, немецкая батарея сбавила темп, вроде совсем собираясь прекратить огонь, унимались по одному и пулеметы. Волошин продолжал угрюмо молчать, представляя себе, как немецкие пулеметчики на высоте разряжают теперь свои перегревшиеся «машиненгеверы», меняют раскаленные стволы, закуривают и хвастают друг перед другом, как лихо отбили атаку русских. Что ж, они победили, и хотя комбат не

чувствовал себя побежденным, настроение его было более чем скверным. Ожидая, пока Чернорученко наладит связь, он смотрел на высоту и кустарник, из которого еще тянулись отставшие и раненые. Последними вышли два бойца, один ослабело опирался на плечо другого. Они брели, словно слепые, безразлично оглохшие к выстрелам сзади, о чем-то устало переговариваясь между собой. Потом раненый оставил плечо товарища и опустился наземь, другой начал тормошить его, понуждая подняться, и, вскинув голову, тонким голосом прокричал на пригорок:

— Товарищ комроты! Санитара!

Волошин повернулся по направлению его взгляда и увидел лейтенанта Самохина, решительно шагавшего вдоль окопчиков своей роты.

— А ну помоги им! — на ходу крикнул он там кому-то и, подойдя к траншее, грузно ввалился в нее, едва не сбив с ног Чернорученко.

— Что ж это получается, товарищ капитан?

Волошин хмуро взглянул в горевшие недобрым огнем глаза ротного. Голова его под косо надвинутой ушанкой была свежезабинтована, а сквозь марлю бинта проступило и расползалось влажное пятно крови. Лейтенант болезненно дотронулся до повязки грязной рукой, и лицо его

исказилось в страдальческой гримасе.

— Что, сильно? — спросил комбат.

— Меня ерунда! — махнул рукой лейтенант. — Вот полроты как корова языком слизала. Последнего сержанта ухлопали. Грак ранен в обе ноги. Как же так, товарищ комбат? Это же безобразие! И эта артиллерия, черт бы ее подрал! Ее бы саму в цепь, пусть бы поползала под их пулями.

— Артиллерия ни при чем, — мрачно заметил Волошин. — Артиллерии снаряды нужны.

— Тогда нечего было и начинать это смертоубийство, — горячился Самохин. — Надо было сидеть, пока не подвезут снаряды. А так что? Голыми руками воевать? Он вон — полдня бризантными крошит.

Оба капитана подавленно молчали, ветврач с сокрушенным видом опустился на каску на дне траншеи. Чернорученко тем временем наладил связь и переговаривался с телефонистом штаба.

— Сколько человек осталось? — спросил Волошин, собираясь с духом перед докладом командиру полка, которому, помимо прочего, предстояло также сообщить о потерях.

— В роте? Сорок восемь.

— Чернорученко, вызывайте десятого!

— Есть!

Предстояло все объяснить начистоту, как есть, и, хотя он понимал, что разговор будет нелегкий, он готов был к любому. Он не чувствовал какой-либо своей вины в том, что батальон отошел на исходные, ибо был убежден, что взять высоту при таком соотношении сил было делом немыслимым.

— Товарищ комбат, — поднял растерянное лицо Чернорученко. — Десятого нет.

— Как нет? Вызывайте начальника штаба.

В оставшуюся до разговора минуту следовало внутренне успокоиться, чтобы четко и доказательно сформулировать свои аргументы, и в беспорядочных звуках угасавшего боя он не сразу услышал то, что, наверное, раньше его уловил Гутман. Комбат перехватил направленный на Самохина многозначительный взгляд ординарца, его чуткую настороженность в подвижных глазах, и тогда вдруг услыхал сам. С высоты слабенько, как из-за дальнего пригорка, простучало раз и второй и заглохло. Потом еще простучало. Стреляли из автомата. Но эти звуки коротеньких очередей явственно отличались от выстрелов немецкого автомата — это был ППШ.

Комбат резко повернулся к Самохину.

— Нагорный вернулся?

— Ну да! Нагорный вернется! Он вон куда выскочил...

Волошин лихорадочно зашарил по склону высоты биноклем, но склон был пуст, разрытый снарядами его верх чернел пыльными пятнами, бруствер траншеи местами был разворочен до бурой глины, немцев там не было видно. Очереди тоже как будто заглохли. Прошло минут пять, и с высоты не донеслось больше ни единого выстрела.

Может, все это им показалось? Может, стреляли немцы? — неуверенно подумал комбат. Тем не менее тревога за судьбу Нагорного колючей занозой вонзилась в его сознание и не давала успокоиться. Судьба этой горстки бойцов была целиком на его совести, тут уж он ни в малейшей степени ни на кого сослаться не мог.

Однако неужели Нагорный ворвался в траншею?

То, что еще недавно казалось комбату желанной удачей, теперь почти вызывало испуг, и он замирал в предчувствии, что именно так и случилось. Но тогда что ж! Тогда сержант там обречен и погибнет, пока батальон будет сидеть на исходной позиции и ждать, что предпримет начальство. Сам он, конечно, предпринять ниче-

го уже не мог.

А может, это им показалось? Может, Нагорный где-либо схоронился в воронках, дождется ночи и выберется обратно? Или он давно уже погиб? Погибший, он не вызывал тревоги, разве что слабое, почти привычное для командира чувство человеческой жалости, слишком обычной в подобных случаях. Волошин обвел взглядом лица командиров в траншее, но лица эти были мрачно-спокойными, похоже, никто из них особо не вслушивался в редкие, почти случайные выстрелы на высоте. Разве что Гутман...

Но Гутман, кажется, уже был занят другим. Обернувшись в траншее, он недолго повглядывался в тыл и предупреждающе окликнул комбата:

— Товарищ капитан!

Волошин оглянулся. В сбегавшей к болоту гривке кустарника с пригорка вниз пробиралась группа людей, в первом из них, в накинутой поверх шинели палатке, он сразу узнал командира полка.

Так вот почему его не оказалось в штабе!

Впрочем, все было в порядке вещей. Произошла неудача, и начальство пожаловало в батальон, чтобы во всем разобраться на месте. Что ж, воз-

можно, так оно и лучше. Может, майор еще и наблюдал все это побоище, значит, долго объяснять ему не придется.

— Гутман! — окликнул он ординарца. — Бегом в девятую взять сведения о потерях!

Минуту спустя в траншейке стало тесно от невпроворот набившихся в нее людей. Командир полка прибыл сюда со всей своей свитой: адъютантом, ординарцем, заместителем по политчасти майором Миненко; сюда же прибежал и Маркин, и двое проверяющих из штаба полка. Хорошо, что бризантный обстрел прекратился и редкие разрывы грохали теперь в стороне совхоза, а то бы одного меткого залпа было достаточно, чтобы обезглавить полк.

Волошин, отстранив к стенке начхима, торопливо протиснулся навстречу командиру полка.

— Товарищ майор, атака не удалась, батальон отошел...

— Кто разрешил? — резко перебил его командир полка.

— Не было связи. Немецкая артиллерия...

— Кто разрешил? — жестче прежнего оборвал его командир полка, неподвижным взглядом уставясь ему куда-то на грудь. В траншее сделалось тихо. Предчувствуя скандал, все напряженно

рассматривали комья земли на бруствере.

— Я же вам объясняю, — повысил голос Волошин, собрав воедино всю свою выдержку, чтобы хоть внешне казаться спокойным.

— Кто разрешил отойти? — четко вырубая каждое слово, добивался командир полка. — Вы получили приказ на атаку?

— Я получил приказ на атаку, но мне не хватило времени разведать высоту, товарищ майор. А там оказалось более восьми пулеметов! К тому же батальон попал под губительный огонь бризантных и потерял треть состава...

— Я спрашиваю, — тише и оттого еще более зловеще повторил свой вопрос командир полка. — Я вас спрашиваю, кто вам разрешил отвести батальон на исходный рубеж?

Волошин замолк. Он уже знал эту манеру многих начальников долбить подчиненного вопросом, не давая тому ответить. Наверное, и теперь отвечать не имело смысла, его ответ вовсе не интересовал командира полка.

— Кто разрешил отойти?

Стоящий за командиром полка одетый в новенький белый полушубок майор Миненко с неизменной улыбочкой на добродушном лице заметил язвительно:

— Похоже, он первый день командует батальоном. И не понимает, что, прежде чем принять такое решение, следует посоветоваться.

Все время тщательно сохраняемое спокойствие комбата вдруг разлетелось вдребезги.

— Я не первый день командую батальоном и знаю, что следует. Но одного знания недостаточно. Чтобы доложить, надобна связь, а ее...

— А кто же должен заботиться о связи? — ядовито произнес командир полка, допустив явный промах в знании недавно введенного боевого устава, и комбат не замедлил этим воспользоваться.

— В данном случае — ваш штаб, товарищ майор. Согласно новому боевому уставу связь в частях организуется сверху вниз и справа налево.

— Грамотный! — невозмутимо сказал командир полка своему заместителю, кивнув в сторону комбата. — Грамотный. А почему не взята высота?

— Я объяснил почему. Не подавив огневых средств, я не могу губить людей в бесплодной атаке, — сказал он твердо и даже с некоторым вызовом, тут же поняв, что в этот раз сам допустил оплошность, — о людях говорить не следовало. И действительно, командир полка подхватил

язвительно:

— Ага, жалеешь людей! Жалостливый! Ты слышь, Миненко? — кивнул он замполиту. — Ему людей жалко. На приказ ему наплевать — его одолела жалость. Вы слышали? — обращался майор ко всем, кто находился в траншее. Но все угнетенно молчали. — Может, ты еще и себя пожалеешь?

— Я себя не жалею. Но бойцов — да. И понапрасну губить батальон не стану, — четко произнес комбат, подумав, что теперь уж терять ему нечего. Но он ошибался. Он еще не знал, что ему уготовил командир полка.

— Вот как? — удивился майор. — Тогда я тебя отстраняю. Я тебя отстраняю от командования! — Плотное, обветренное лицо командира полка выражало предел решимости. — Ты понял?

— Я понял, — мало что понимая, спокойно ответил Волошин и, чтобы не пошатнуться от охватившей его странной расслабленности, прислонился к стенке траншеи. Командир полка тем временем сдержанно-мстительным взглядом окинул командира в траншее.

— Лейтенант Маркин!

— Я вас слушаю, — отозвался издали начальник штаба.

— Командуйте батальоном.

— Есть! — не очень уверенно ответил Маркин.

— Навести в батальоне порядок и атаковать высоту. К тринадцати ноль-ноль доложить о взятии! Ясно?

— Ясно, — заметно упавшим голосом выдавил Маркин, и Волошин подался от стенки.

— Каким образом он ее возьмет к тринадцати? — вмешиваясь в ставшее уже не своим дело, бесцеремонно заговорил он. — Вон на соседней немцы. Они бьют батальону во фланг и спину. Сначала надо взять высоту «Малую»...

Командир полка смерил Волошина презрительным взглядом.

— Каким образом взять? Могу посоветовать. Выстроить батальон и сказать: видите высоту? Вот там будет обед. В обед там будет кухня. И возьмут.

— Товарищ командир полка! — послышался незнакомый голос из дальнего конца траншеи.

Все в удивлении повернули головы в сторону незнакомого майора, который, странно задвигав плечами под измызганным полушубком, сказал:

— Товарищ командир полка. Одну минутку... Я не согласен.

«Интересно, с чем он еще не согласен, этот

ветврач? — невольно мелькнуло в смятенном сознании Волошина. — Что он еще скажет?» Однако, хрипя астматической грудью, ветврач протиснулся по траншее к командиру полка.

— Я не согласен со снятием командира батальона.

— Вы? — удивился Гунько. — Кто вы такой?

— Я — уполномоченный штабдива, майор ветеринарной службы Казьков.

«Вот как!» — совсем уже недоуменно подумал Волошин, который не рассчитывал тут ни на чье заступничество, и поступок этого ветеринара явился приятным для него утешением.

— Ну и что? — холодно бросил командир полка. — Ну и что, что вы уполномоченный? Командир батальона не обеспечил выполнение боевой задачи, вот я его и отстраняю от должности. Кстати, с ведома командира дивизии.

— Вы не правы! — резко сказал ветврач. — Я находился в батальоне и видел все своими глазами. Командир батальона действовал правильно.

— Много вы понимаете! — сказал командир полка. — Здесь я хозяин, и я принимаю решения. Вот со своим заместителем. Маркин!

— Я, товарищ майор!

— Вызывайте командиров подразделений,

ставьте задачу.

— Есть вызывать командиров подразделений! — как эхо, повторил Маркин, и этот его послушный ответ вернул Волошину ощущение неотвратимой реальности. В одночасье и со всей отчетливостью он понял, что вот сейчас стараниями этого исполнительного Маркина будет окончательно погублен его батальон. И, чтобы воспрепятствовать этому, он ухватился за последний свой аргумент, других у него не осталось.

— А снаряды для батареи нам выделены? Батарея сидит без снарядов, кто подавит их пулеметы? — зло заговорил он, с нескрываемой неприязнью глядя в глаза командира полка.

— Снаряды я вам не рожу! — сказал тот. — Пусть их лучше поищет у себя командир батареи.

— Батарея — не снарядный завод, — твердо сказал сзади Иванов. — Все, что было, я уже израсходовал.

— Так уж и все?

— До последнего снаряда. Можете проверить.

Наступила тягостная пауза, командир полка растерянно поглядел по сторонам, но тут же быстро нашелся:

— Раз нет снарядов, значит, по-пластунски! По-пластунски сблизиться с противником и гра-

натами забросать траншею. Поняли?

— Так точно, — с готовностью, хотя и без подъема, повторил Маркин.

— Гранаты у бойцов есть?

— Есть.

— Товарищ комполка, — снова заворошился в траншее ветврач. — Под таким огнем невозможно даже и ползком. Я видел...

— Мне наплевать, что вы видели! — вскипел Гунько. — Вы не затем присланы в полк, чтобы мешать выполнению боевой задачи.

— Я прислан контролировать ее выполнение, — озлился и ветврач. — И я доложу командиру дивизии. Вы неправильно ставите задачу...

— Не вам меня учить, товарищ ветврач. Маркин! Всех в цепь! Командир батареи, приказываю ни на шаг не отставать от командира батальона. Пулеметы... Где пулеметы ДШК?

— Здесь. На своих позициях, — оглянулся Маркин.

— Пулеметы — вперед! Всему батальону ползком вперед! Поняли? Только вперед!

— Понял, товарищ майор, — отвечал издали Маркин, и до Волошина все с более очевидной ясностью стал доходить роковой смысл происходящего в этой траншее. Представив, какой груз

ложится на бывшего его начштаба, он неприятно поежился — вряд ли Маркин с ним справится. Но теперь это его не касалось, он перестал быть командиром батальона и ни за что не отвечал больше. Он стал тут посторонним.

— Позвольте я доложу командиру дивизии, — не унимался ветврач. — Я прошу не начинать атаки до моего доклада комдиву.

— Это не ваше дело, — сказал командир полка и спросил, полуобернувшись к Волошину: — Командиры рот на местах?

— Кроме командира восьмой, который убит, — мрачно сказал Волошин. — И в роте не осталось ни одного среднего командира.

— А тут где-то Круглов был, — вспомнил замполит.

— Я здесь, товарищ майор, — послышалось издали, от входа в блиндаж.

— Вот он временно и заменит комроты, — решил Миненко.

— Круглов, принимайте роту. И батальон — вперед! — повысил голос командир полка, суровым взглядом поедая Маркина, который озабоченно поежился в траншейке.

— Есть!

Явно довольный собой и своей распорядитель-

ностью, командир полка сноровисто выскочил из траншеи, за ним вылезли остальные. По одному они перебежали открытый участок поля и скрылись в гривке кустарника. Штабисты тоже ушли, и последним с некоторой нерешительностью выбрался из траншеи ветврач. Он был озабочен и, ни с кем не простившись, побрел следом за всеми.

В траншее стало свободнее. Маркин в ожидании прихода Кизевича и Ярощука упорно молчал, придавленный грузом свалившейся на него обязанности. Иванов тихо переговаривался с огневой позицией, выясняя количество оставшихся там огурчиков. По его подсчетам, их должно было быть на шесть штук больше, чем докладывал старший на батарее.

— Маркин! — сказал Волошин, утратив всякую официальность по отношению к своему преемнику. — Вы не очень старайтесь!

Маркин недоуменно пожал плечами.

— Я — что? Приказ! Слыхали?

— Приказ приказом. Но не очень старайтесь. Поняли?

Маркин не ответил. Кажется, он ничего не понял из намеков Волошина, и тот объяснять не стал, тем более что с тыла к траншее уже бежал

Ярощук, скоро должен был подойти Кизевич. Стараясь сохранить остатки спокойствия, Волошин протиснулся за его спиной и влез в опустевший блиндаж.

В траншее он был уже лишний.

Глава шестнадцатая

В блиндаже он сел на солому и откинулся спиной к стене. Коварная фронтовая судьба, думал он, как привыкнуть к твоим неожиданностям? Только вчера его поздравляли с наградой, а сегодня он уже отстранен от командования. Он больше не командир батальона, все его планы насмарку, теперь здесь командуют другие. Он никогда не чувствовал себя честолюбцем и теперь всеми силами пытался сохранить выдержку, но это ему не удавалось. Было обидно. Может, в другой обстановке он бы даже вздохнул с облегчением, избавленный от гнетущего бремени ответственности, но теперь он вздохнуть не мог. Даже если он никогда не вернется к своему батальону и будет начисто отрешен от его судьбы, он не мог так просто и вдруг выбросить из своей души эту сотню людей. Только с ними он мог оставаться собой, командиром и человеком, без них он терял в себе все.

Затаившись в блиндаже, Волошин отчетливо слышал звучавшие в десяти шагах от него разговоры и с ноющим сердцем ждал той минуты,

когда его отсутствие будет наконец замечено. Наверно, кто-то должен спросить о нем, удивиться, и он со смешанным чувством подумал, как бы его отстранение не вызвало протеста среди его подчиненных. Все-таки он старался быть хорошим для них командиром и, наверно, пострадал из-за этого. Но прибежал Ярощук, притащился измотанный, злой Кизевич, еще кто-то, позвали из цепи Круглова, и только когда Маркин принялся излагать план повторной атаки, из-за бруствера послышался голос Кизевича:

— А комбат где? Ранен, что ли?

Маркин замолк, и Круглов тихо объяснил командиру девятой:

— Командир полка отстранил...

— Едрит твои лапти...

Кизевич пробормотал еще что-то безучастное к нему, так, словно его отстранение было чем-то само собой разумеющимся. Впрочем, Волошин понимал, что командирам подразделений не до него: роты понесли потери, один из троих, кто в такие минуты всегда был рядом, лежал теперь под палаткой на выходе из траншейки, задача оставалась невыполненной, и повторная атака не обещала ничего хорошего. Не видя никого из тех, кто собрался теперь наверху, Волошин тем

не менее отлично чувствовал их настроение.

Слушая ряд сбивчивых распоряжений Маркина, командиры угрюмо молчали. Только Самохин раза два выругался, выражая свое несогласие с атакой в прежнем направлении, да Кизевич сказал, что пока с высоты «Малой» во фланг ему будет бить пулемет, он не сдвинется с места, что сначала надо взять «Малую». Маркин нерешительно согласился и приказал Кизевичу самостоятельно атаковать «Малую» в то время, как остальные будут штурмовать «Большую».

— Командиру батареи — двигаться за мной, ДШК — в боевых порядках стрелковых рот, — закончил Маркин словами командира полка. — Сигнал на атаку — зеленая ракета. А у кого ракетница?

— У комбата была, — сказал откуда-то сверху Гутман.

— Принесите ракетницу, — приказал Маркин.

Волошин вытащил из-за портупеи ракетницу, достал из кармана несколько сигнальных патронов и все молча сунул в протянутые руки ординарца.

Время было на исходе. Маркин спешил и торопливо закончил приказ на новую атаку. Командиры рот, тоже торопясь, повыскакивали

из траншеи, направляясь по своим ротам, и Волошин прикрыл глаза: кажется, наступало самое тягостное. Скоро загрохочет снова, над болотом забушует огонь, и на мерзлую землю польется горячая кровь его батальона, а он будет лежать здесь и терзаться от своей беспомощности. Ну что ж, он здесь не нужен! Он вдруг стал не нужен командиру полка, не нужен батальону, которым отныне командовал другой. Ну и пусть! — хотелось ему утешить себя. Оттого ему хуже не будет. Как-нибудь он перемучается до конца боя, а там будет видно. Еще он посмотрит, как они справятся без него, вряд ли эта смена комбата поможет в атаке, он почти был уверен в противном. Командиру полка да и Маркину еще предстоит познать, что такое эта высота. И поделом! Но — батальон!.. Как Волошин ни успокаивал себя, он не мог примириться с тем, что в ближайшее время уготовано его батальону. Как он мог равнодушно смотреть на него глазами тех, для кого этот батальон — не более чем инструмент для выполнения ближайшей задачи, а все предыдущее и все последующее их не касалось.

Сидя на измятой соломе в подземной тиши блиндажа, он не мог, да и не старался побороть в себе все нарастающий гнев против командира

полка. Но он был лишен всякой возможности, был действительно от всего отстраненным. Командир полка не назначил его даже командиром роты, а просто выставил из батальона. Сжившись за годы службы с беспокойным чувством командирской ответственности и вдруг оказавшись без всякой ответственности и даже без привычного круга забот, Волошин почти растерялся. Но что он мог сделать? Он не мог даже пожаловаться, так как жаловаться на строгость начальника в армии запрещалось уставом. Он мог только ждать, когда батальон возьмет высоту или весь останется на ее склонах.

Где-то в глубине подсознания появилось тихонькое, но упрямое желание: пусть не получится и у Маркина, пусть и у него атака не удастся. В самом деле, не удалась ему, почему должна удаться его подчиненному, который во всех своих командирских качествах уступал Волошину? Разве что настойчивости в исполнении приказа у начштаба будет побольше, все-таки он в этом батальоне почти новичок — месяц как прибыл из фронтового резерва. Волошин чувствовал, что Маркин в своем в общем-то понятном для него рвении выполнить задачу, щепетильничать с людьми не будет и за несколько часов может

положить батальон. Что тогда скажет Гунько?

Никогда еще за годы военной службы не приходилось Волошину оказываться со своим непосредственным начальником в таких отношениях, в каких он очутился с этим майором после назначения того командиром полка. Теперь даже трудно было припомнить, с чего все началось. Наверно, с каких-то досадных мелочей, а может, и не с мелочей даже — просто они были слишком разные люди, чтобы длительное время сосуществовать в согласии. Привыкнув к известной самостоятельности, предоставляемой ему прежним командиром полка, Волошин не мог примириться с придирчивой опекой майора, во многом продолжал поступать по-своему и независимо, и тогда обнаружилось, что новый командир полка не терпит никакой независимости. Другой бы на его месте, возможно, закрыл глаза на некоторую самостоятельность лучшего из своих комбатов, но Гунько закрывать глаз не стал и всей властью старшего начальника обрушился на комбата-три. То, что случилось сегодня, вызрело за месяц их отношений.

Да, примириться с тем, что случилось, Волошину было непросто, особенно если он не чувствовал себя виноватым и, напротив, во всем

винил командира полка. Но он не мог не понимать также всей уязвимости своего положения, того, что в армии всегда остается правым старший начальник... Впрочем, черт с ним, с этим начальником, вдруг подумал Волошин. Разве он воевал для Гунько? Или находился у того в услужении? Точно так же, как и командир полка, он служил Родине и, как мог, трудился для общего дела победы. В этом смысле они были равными. Несправедливости командира полка были не более чем несправедливостями майора Гунько. Но ведь, кроме майора, была великая армия, Родина, его личный долг перед ней и перед его батальоном, который он воспитал, сколотил и благодаря которому возвысился до своего положения и вчерашней награды.

Сильно загремело в стороне совхоза, залпом ударила артиллерия, земля за спиной тяжело содрогнулась, посыпался песок в углу блиндажа. Волошин взглянул на часы, было ровно десять, наверно, начали артподготовку первый и второй батальоны, вот-вот должны были встать и его роты. Что в этот раз ждет их на склонах?

Артиллерийская стрельба тем временем превращалась в сплошной отдаленный грохот, в котором звучно треснули знакомые разрывы

бризантных. Наверное, немецкая батарея, все утро измывавшаяся над его батальоном, сманеврировав траекториями, перенесла огонь на тот фланг полка. Теперь там несладко, но для его батальона в этом, может, спасение, подумал Волошин. Если без промедления воспользоваться этим переносом, поднять людей и броском ворваться на высоту… Но почему медлит Маркин?

Маркин, однако, не медлил, просто Волошин не услышал сигнального выстрела из ракетницы, до него донеслось только несколько приглушенных команд в цепи восьмой роты, которых, впрочем, было достаточно, чтобы понять, что батальон поднялся. На этот раз без артподготовки, даже без короткого огневого налета. Группа управления комбата покинула траншею одновременно с ротами, Иванов с телефонистом, поспешно подобрав свое имущество, тоже побежал следом за всеми. В блиндаже и поблизости стало тихо, и Волошин затаил дыхание.

Для него не было надобности следить за продвижением рот к знакомой до мелочей высоте, он с закрытыми глазами мог представить все, что происходило на ее склонах. Напряженно вслушиваясь в отдаленный раскатистый грохот, он ждал первых выстрелов по батальону, больше всего

опасаясь бризантных. Но бризантные грохотали над вторым батальоном, предоставляя тем самым некоторый шанс его ротам.

Минут пять немцы молчали, может, не замечая броска батальона, а может, намеренно подпуская его поближе для короткого кинжального удара в упор, и эти минуты, как всегда, были самыми напряженно-мучительными. В томительном ожидании Волошин немного отошел от тягостных личных переживаний, весь устремляясь туда, вслед за ротами. Он знал: ждать осталось немного, восьмая уже наверняка преодолела болото и вышла к обмежку, значит, вот-вот должно грохнуть. Должно начаться самое важное и самое трудное.

Как он ни ждал этих первых оттуда выстрелов, грохнули они неожиданно, и он даже вздрогнул, услыхав в слитном отдаленном грохоте четкий сдвоенный залп. Минные разрывы ухнули где-то поблизости, земляной пол блиндажа качнулся, большой мерзлый ком с бруствера упал на дно и разбился.

Тотчас раскатисто залились пулеметы.

Не тронувшись с места, он замер на смятой соломе, стараясь по звукам определить ход боя. Но пулеметы строчили на всей высоте, еще несколь-

ко раз раскатисто грохнуло, наверно, в болоте. Огонь усиливался, стрелкам становилось все хуже, и теперь должна была сказать свое артиллерия: обнаружившую себя батарею надо было по возможности скорее засечь и подавить. Но чем было давить? Тем десятком снарядов, которые сумел сберечь Иванов?

Немецкие минометчики со временем перешли на беглый огонь, и тяжелые мины с продолжительным, сверлящим сознание визгом обрушивались из-за высоты. Рвались они в некотором отдалении от исходной позиции батальона, наверное, за болотом, значит, роты уже успели перебежать кустарник. Но на склонах им станет хуже. Все будет решаться на склонах.

Замерев в блиндаже, он внимательно вслушивался в беснующийся грохот боя и думал, что вскоре должен наступить перелом в ту или другую сторону. Так долго продолжаться не может. Открывшие огонь ДШК почему-то враз смолкли, и в этом был первый нехороший признак; батарея Иванова вообще, кажется, ни разу не выстрелила. И вдруг в коротенькой паузе между разрывами он услыхал крики. Он уже знал, что так может кричать командир, когда, кроме голоса, у него нет других средств воздействовать на подчинен-

ных. И он ясно понял, что там не заладилось. Не в состоянии больше вынести свою отрешенность, Волошин выскочил из блиндажа.

Левый фланг батальона, где наступала седьмая, явно потерял боевой порядок, и часть бойцов, скученно перебегая по склону, устремилась назад, к болоту. Некоторые из них уже достигли кустарника и торопливо исчезали в нем, направляясь к спасительным своим окопчикам, а на пути их отхода в болоте мощно ухали черные фонтаны разрывов. Восьмая, перешедшая через болото, кажется, уже залегла под знакомым обмежком, девятая справа, передвигаясь в редком кустарничке, вроде пыталась еще наступать. Волошин не знал, где находится Маркин, но, поняв, что батальону плохо, краем кустарника бросился навстречу отходившей седьмой.

Он не думал тогда, что прав на вмешательство в ход боя у него уже не было, что вообще все происходящее его не касалось, но он почувствовал остро, что смешение боевого порядка грозит батальону разгромом. И он, слегка пригибаясь, бежал в кустарнике под раскатистым громыханием взрывов, то и дело осклизаясь на разбитом минами льду. Однажды его сбило с ног недалеким разрывом, и, падая, он больно ушибся

коленом о лед. Вскочив, едва не столкнулся с бойцом, который в перекосившейся на голове новенькой каске мчался навстречу, и Волошина передернуло от одного растерзанного вида бойца, нижняя челюсть которого отвисла, округлив рот, смуглое лицо помертвело от залившей его неестественной бледности. Волошину сперва показалось, что боец ранен, но, увидев, как тот проворно метнулся в кустах под нарастающим визгом мин, капитан понял, что это от страха. Тогда, остановившись, он негромко, но властно крикнул:

— А ну стой! Стой!

Рядом грохнул разрыв, обдав обоих хлюпкой болотной жижей. Волошин упал, распластался за кустом и боец. Но не успело опасть поднятое в воздух мелкое крошево льда, как боец подхватился и с завидным проворством бросился прочь. Капитан выхватил пистолет.

— Стой! Назад!

Он выстрелил подряд два раза над его головой, боец присел, жалостно, с невысказанной тоской в глазах оглянулся.

— Назад! — крикнул Волошин, взмахнув в сторону высоты пистолетом. — Назад! — И снова выстрелил поверх головы бойца.

Не сразу, с усилием преодолевая охвативший его озноб и пригнувшись на тонких, в обмотках, ногах, боец подбежал к капитану и упал на лед.

— Как фамилия? — крикнул Волошин. — Фамилия как?

— Гайнатулин.

— Гайнатулин, вперед! — кивнул головой Волошин. — Вперед, марш!

Мелко дрожа, боец поднялся, и они небыстро побежали в измятом кустарнике, по залитому грязью и развороченному разрывами льду. Пулеметы с высоты сыпали пулями по всему болоту, порой их близкие очереди, ударяясь о лед, больно стегали по лицу ледяной мелочью и пронзительно рикошетировали в небо. В поднебесье разноголосо визжало и выло, доносились невнятные крики, то и дело заглушаемые мощными взрывами мин. Падая и вскакивая, Волошин уже подбегал к краю кустарника, когда встретил еще трех бойцов, перебегавших между разрывами в тыл, и тоже завернул их обратно. Возле разверзшейся во льду и болотной жиже воронки на краю кустарника дергался, пытаясь встать, раненый, из развороченных крупным осколком внутренностей по шинели и коленям лилась темно-бурая кровь. Боец то вскидывался на колени, зажимая

руками живот, то падал, что-то силясь сказать подбежавшим.

— Двоим взять! Быстро! Сдать на медпункт — и назад!

Бойцы с нескрываемым страхом на лицах подступили к раненому, а капитан с остальными двумя выбежал из кустарника.

Тут начинался открытый участок поля с промерзшей травой болотца, далее полого поднимался склон, и огненно-трассирующие очереди с высоты густо мелькали окрест, казалось, во всех направлениях пронизывая пространство. Уже не увертываясь от них, Волошин пробежал десяток шагов и упал, по жесткой траве недолго прополз вперед, выискивая взглядом кого-либо из командиров седьмой. Но людей тут было немного, наверно, седьмая успела уже скрыться в кустарнике, несколько человек, похоже убитых, в неестественных позах лежали на забросанной комьями примятой стерне. Переждав серию минных разрывов, когда, казалось, вот-вот все обрушится в преисподнюю, он опять вскинул голову и увидел бойца, который то замирал, припадая к земле, наверно, пережидая близкие очереди, то, поспешно перебирая конечностями, полз в его сторону.

— Товарищ комбат!..

Волошин вгляделся в сплошь серое, словно присыпанное пылью лицо ползущего, на шапке которого задержалось несколько комочков земли. Глаза его, однако, твердо и озабоченно глянули на капитана, и тот вдруг узнал в нем пулеметчика седьмой Денищика.

— Товарищ комбат, беда...

— Что такое, Денищик? Где пулемет?

— Да вот пулемет разбило.

— Ты цел?

— Я-то цел. А напарника... И это, командира роты убило, — трудно дыша, сообщил Денищик и умолк.

Волошин, с усилием преодолев спазму в горле, спросил погодя:

— Много... убитых?

— Хватает. Вон лежат... Да что — пулеметы секут так...

— Денищик! — быстро оправляясь от его известия, сказал капитан. — Ползком в кустарник, и всех — назад! Всех назад в цепь!

— Хорошо, хорошо, товарищ комбат, — с готовностью подхватился боец. — Я понимаю.

— Гайнатулин! — оглянулся Волошин, и лежавший сзади боец недоуменно сморгнул глазами. —

Гайнатулин, за мной, вперед!

Но не успели они одолеть по-пластунски и двух десятков шагов, как сзади из кустарника снова донесся крик, в котором послышалось что-то знакомое, и капитан оглянулся.

Денищик еще не мог уползти так далеко, туда, где из низкорослого густого кустарничка ползком и пригнувшись появлялись беглецы седьмой роты. Кто-то их выгонял из укрытия, они оглядывались и, оказавшись на открытом, сразу же падали, начиная неохотно ползти вперед. Вскоре, однако, капитан увидел и того, чей голос уже несколько раз встревожил его, — это была Веретенникова.

Волошин про себя выругался — только здесь ее не хватало! А он думал, что она на рассвете отправилась в тыл. Выходит, на что-то надеясь, Самохин, пока был жив, скрывал ее в роте. И вот доскрывался. Впрочем, с лейтенантом уже ничего не поделаешь, но что делать с ней?

Тем временем Веретенникова тоже заметила здесь капитана и, зло прокричав на бойцов, почти не пригибаясь, краем кустарника устало побежала к нему.

Однако рота вроде бы задержалась, беглецы по одному возвращались, укладываясь на склоне в

неровную изогнутую цепь. Надо было подумать, как продвигаться дальше, — седьмая не имела права отставать от соседей справа. Оглядывая широкий выпуклый склон, над которым настильно мелькали бледные в свете дня трассы, Волошин заметил край завалившегося в недалекой воронке щита пулемета и подумал, что, наверное, это и есть пулемет Денищика. А может, и не его, а другой, но попадание было меткое, вряд ли кому удалось там уцелеть. Воронка же была единственным здесь укрытием, следовало попытаться использовать ее. Но сперва он дождался Веру, которая, подбежав, тяжело рухнула наземь.

— Товарищ капитан! Товарищ капитан!..

Минуту она рыдала, уткнувшись лицом в подвернутый рукав шинели, плечи ее содрогались, шапка сползла на затылок. Волошин недобро молчал, впрочем, целиком разделяя ее несчастье, но чем он мог ей помочь? Утешать в таком положении было бы ханжеством. К тому же он не мог отрешиться от сердитого чувства, что эта своенравная девчонка так и не выполнила его приказа, самовольно оставшись в батальоне и тем осложнив свое и без того непростое здесь пребывание.

— Так, хватит! — строго сказал капитан. — Хва-

тит. Слезами никому не поможешь. Где он?

— Я же говорила... Я ж так и знала, — подняла некрасивое, мокрое от слез лицо Вера. — Он же все рвался, все вперед и вперед. Я все одергивала, не пускала... А тут... вырвался!

— Где он лежит?

— Там, под самой этой спиралью. Он же вперед всех выскочил, ну и...

— Так, ясно! Давайте на левый фланг! Давайте всех слабаков — вперед! Я послал Денищика, вы ему в помощь.

— Я их задержала, — сказала Вера, вдруг успокаиваясь, и грязными пальцами вытерла лицо. — Я их повыгоняла из болота. А то бросили, побежали...

— Всех — на склон, в цепь! И дожидайся сигнала вперед!

Вера быстро поползла назад, в сторону левого фланга роты, и он снова оглянулся на Гайнатулина.

— Гайнатулин, за мной, вперед!

Глава семнадцатая

Казалось, они целую вечность ползли по склону к этой развороченной взрывом воронке, то и дело замирая от проносящихся над головами потоков пуль, прижимаясь грудью к изодранной минными осколками земле, пережидая грохочущий шквал разрывов и задыхаясь от потоков вихрящейся на ветру пыли. Однажды Волошину так пахнуло в лицо землей, что он, обливаясь слезами, минуту протирал забитые песком глаза, пока наконец стал что-то видеть. В спешке он не мог даже оглянуться назад, но чувствовал, что Гайнатулин ползет, и время от времени покрикивал через плечо: «Гайнатулин, вперед! Не бойся, Гайнатулин! Вперед!»

Наконец, добравшись до воронки, он перевалил через крайние, безобразно навороченные взрывом глыбы и оказался в ее спасительной земной глубине. Тут уже можно было вздохнуть. Руки его до локтей погрузились в измельченную взрывом, густо нашпигованную осколками землю, которой до плеч был засыпан боец-пулеметчик с окровавленным разбитым затылком.

Земля на дне воронки обильно пропиталась его липкой кровью, ноги у бойца были растерзаны взрывом, а одна рука все еще цепко держалась за ручку опрокинутого набок ДШК с загнутой набекрень стальной пластиной щита. Волошин с усилием оторвал эту руку от пулемета и надавил на спуск. Пулемет, к его удивлению, вздрогнул, коротенькой очередью взбив впереди землю, и конец длинной засыпанной пылью ленты с патронами живо шевельнулся в воронке.

— Гайнатулин, сюда!

Волошин, как спасению, обрадовался этому пулемет у, заботливо сдунул с прицельной рамки песок, высвободил из-под комьев всю ленту с полсотней желтых крупнокалиберных патронов. Потом, вцепившись в пулеметные ручки, осторожно высунулся из воронки — надо было определить дальность и поставить прицел.

Но тут же, к своему огорчению, он обнаружил, что не видит траншеи — покатый изгиб склона скрывал ее от его глаз, впрочем, как и его от немцев, иначе бы ему сюда, наверно, не доползти. Это было весьма огорчительно, тем более что он уже понадеялся на свою удачу. Значит, надо было выбираться из этой воронки, что под таким огнем было почти безрассудством. Гайнатулин

тем временем, видно поборов в себе испуг, стал вроде спокойнее и откопал в воронке еще две коробки с патронами. Боеприпасов прибавилось, надо было немедля открывать огонь.

Волошин повел взглядом по склону вправо, куда заметно сместились разрывы и устремилась теперь половина пулеметного огня с высоты: там, вдалеке за болотцем, у подножия высоты «Малой», копошились бойцы девятой. Отсюда трудно было понять: то ли они готовились к броску на высоту, то ли этот бросок не получился и они собирались откатиться в болото. Правда, высотка была далековата даже и для его ДШК, но он решительно повернул пулемет в ее сторону.

— Гайнатулин, готовь коробку!

Он установил на рамке прицел, равный восьмистам метрам, старательно навел по самой верхушке траншеи и плавно надавил на спуск. Пулемет мощно заходил в руках (понадобилась немалая сила, чтобы удержать его на наводке), и очередь из десятка крупнокалиберных двенадцатимиллиметровых пуль с визгом ушла за болотце. Кажется, она пришлась с недолетом, Волошин прибавил прицел и снова старательно навел по траншее.

На этот раз он выпустил три очереди кряду,

верхушка высоты закурилась от разрывных, и он порадовался своему довоенному увлечению пулеметной стрельбой. Правда, тогда он стрелял из «максимов», это было попроще. Зато ДШК — сила, которую не сравнить с «максимкой». Только бы хватило патронов.

То и дело подправляя наводку, он начал бить разрывными по наискось лежавшей от него высоте, во фланг немецкой траншеи, сам оставаясь в относительной от нее безопасности. В промежутках он видел, как зашевелились под ней серые фигурки бойцов, и обрадованно подумал: авось пособил? Если не упустить момента и немедленно воспользоваться этим огнем, то, может, и удастся сблизиться для рукопашной. На рукопашную теперь была вся надежда, других преимуществ у них не осталось.

Девятая, однако, все медлила. Временами минные разрывы в болоте и на склоне совершенно закрывали от него высоту, и он переставал видеть, что там происходит. Но когда была видимость, он упрямо нажимал спуск, почти физически чувствуя, как его огонь разметывает земляной бруствер немецкой траншеи. Самое время было атаковать.

После шестой или седьмой очереди, когда он

уже хорошо пристрелялся, сзади вдруг послышался шум, и кто-то ввалился в его воронку. Волошин оторвался от пулемета — сплевывая песок, у его ног сидел весь закопченный, запыленный, с разодранной полой полушубка лейтенант Маркин.

— Куда вы бьете? — сорванным голосом закричал новый комбат. — Куда, к черту, лупите?

— Выручаю Кизевича. Вон под самой высотой залег.

— Что мне Кизевич! — сквозь грохот раздраженно закричал Маркин. — Мне эта высота нужна. Ее приказано взять.

— Не, взяв ту, не возьмешь эту! — также раздражаясь, прокричал Волошин. По обеим сторонам воронки сокрушающе грохнуло несколько разрывов, взвыли осколки. Один из них, словно зубилом, звонко рубанул по краю щита, оставив косой рваный шрам на металле. Сверху весомо зашлепали комья и густо посыпалась земля, отряхнувшись от которой они торопливо вскинули головы: еще кто-то ввалился в воронку, за ним следующий — оказалось, это был Иванов с телефонистом. Тоже отплевываясь, командир батареи тыльной стороной ладони протер запорошенные глаза.

— Дают, сволочи! Хорошо хоть, воронок нары-

ли. А то бы хана.

— Некогда в воронках сидеть! — сказал Маркин. — Пора подниматься. Связь с огневой есть?

— Связь-то есть, — сказал Иванов. — Пока что. А ну проверь, Сыкунов.

— Слушай, — обернулся к нему Волошин. — Кидани парочку по той высоте. Смотри, вон Кизевич у самой траншеи лежит. Ему бы чуть-чуть. Хоть для психики.

— Разве что парочку, — сказал Иванов, доставая из-за пазухи свой измятый блокнот. — А ну передавай, Сыкунов.

— Ни в коем случае! — встрепенулся Маркин. — Вы что? Кизевич большей частью отвлекает. Главное для нас — это высота.

— Они же там все полягут! — закричал Волошин. — Вы посмотрите, куда они добрались. Отойти им нельзя.

— Отойдут, — спокойно сказал Маркин. — Жить захотят — отойдут. Дело нехитрое.

— Теперь им легче вперед, чем назад!

— Давайте весь огонь сюда, по траншее! — жестко затребовал Маркин. — И батареи и ДШК. Через десять минут я поднимаю седьмую с восьмой.

— А девятая? — спросил Волошин и, взглянув в холодные глаза своего начштаба, не узнал их

— столько в них было безжалостной твердости. Конечно, это его право распорядиться приданной артиллерией, имея в виду главную задачу, но ведь Кизевич вплотную приблизился к своей удаче или к погибели. По существу, вся судьба девятой решалась в эти короткие секунды, как было не пособить ей?

— Два снаряда всего, — умоляюще сказал Волошин, едва сдерживая быстро накипавший гнев. — Два снаряда!

— Нет! — отрубил Маркин. — Открывайте огонь для седьмой.

Иванов чужим голосом скомандовал доворот от репера и отвернулся с биноклем в руках, а Волошин на коленях бросился к пулемету. Дрожащими руками он снова навел его на верхушку «Малой». Наверное, следовало проверить наводку, но он, весь горя бешенством, надавил спуск, потом, прицелясь, еще и еще, пока пустой конец ленты не выскользнул из приемника.

С успокоительным сознанием исполненного он выглянул из-за колеса пулемета: на высоте за болотцем ветер сносил последние клочья пыли, и он подумал, что стрелял не напрасно. Серые неуклюжие вдали фигурки, которые копошились на склоне, оказались в какой-нибудь сотне

метров от немецкой траншеи. Но фигурки не торопились. Ругая их про себя за медлительность, он с неприязнью подумал об их командире Кизевиче, который, впрочем, никогда не отличался сноровкой, всегда медлил и опаздывал. Но вдруг он увидел несколько мелькнувших на самой высоте человек, которые тут же неизвестно куда и пропали, наверно, соскочили в траншею. Там, вдали, слабо бабахнули разрывы гранат, еще кто-то промелькнул на гребне задымленной высоты, и он обрадованно понял: ворвались! Теперь для девятой все будет решаться в траншее.

— Кизевич ворвался! — крикнул он Маркину и схватил из-под ног новую коробку с патронами. Безразличный к его словам Маркин сидел на скосе воронки, со злым видом уставясь на телефониста, который встревоженным голосом вызывал в трубку «Березу», и Волошин понял, что связь с огневой оборвалась. Окончательно убедившись в этом, телефонист бросил на аппарат трубку и чуть приподнялся, чтобы выскочить из воронки на линию. Но не успел он сделать и шага, как, ойкнув, схватился за грудь и осел к ногам Иванова.

— Сыкунов, что? Куда тебя, Сыкунов? — всполошился Иванов, обеими руками хватаясь за

связиста и пытаясь расстегнуть неподатливые крючки его шинели. Но лицо телефониста быстро бледнело, веки странно задергались, и слабеющим голосом он выдавил:

— Я все... Убит я...

Кажется, он действительно был убит, полузакрытые глаза его остановились на какой-то далекой точке, рука упала с груди, и Иванов опустил его на дно воронки.

— От черт!

Рядом вскочил на колени Маркин.

— Мне нужен огонь! Огонь мне, капитан! Посылайте этого! — указал он на Гайнатулина. — Эй, слышь? Быстро на линию, устранить порыв!

Гайнатулин, сморгнув глазами, перевел взгляд на Волошина.

— Вряд ли сумеет, — сказал Волошин. — Он из новеньких.

— А мне наплевать, из новеньких или из стареньких. Мне нужна связь. У меня атака срывается.

Связь, конечно, нужна, подумал Волошин, но зачем же так грубо? Он обернулся к Гайнатулину, к которому уже привык за эти несколько часов боя и оставаться без которого теперь не хотел. К сожалению, кроме него, послать на линию тут

было некого.

— Давай! — сказал он. — Ползком, провод — в руку. Соединишь порыв — и назад. Понял?

Боец что-то понял, кивнул головой и на четвереньках переполз через край воронки. Перед глазами Волошина мелькнули нестоптанные, усеянные гвоздями подошвы его ботинок, и боец скрылся в поле.

Они стали ждать. Связист уже отошел, на его бескровном лице быстро затвердела чужая, отсутствующая гримаса. Иванов с Маркиным подвинули его тело со дна к краю воронки, где он меньше мешал живым и где лежал иссеченный осколками пулеметчик. Маркин свободнее вытянул ноги и требовательно уставился на Иванова, нервно сжимавшего в руке молчащую трубку. Обычно свойственная капитану выдержка на этот раз заметно изменяла ему, и было отчего. Хотя и прежде связь с огневой позицией рвалась зачастую в неподходящее время, но момента похуже этого просто невозможно было придумать.

Волошин осторожно выглянул из воронки — минные разрывы теперь колошматили высоту «Малую», откуда немцы явно вознамерились вышибить роту Кизевича. Здесь же, по склонам, где расползлись и попрятались по воронкам остатки

седьмой и восьмой, только стегали настильные пулеметные трассы. Волошин отомкнул пустую патронную коробку, чтобы заменить ее полной, которая оказалась, однако, сильно покоробленной взрывом. Чтобы не возиться с ней, он выволок из нее всю ленту и подровнял патроны. Он уже успел свыкнуться с этим пулеметом и теперь не без иронии подумал про себя, что если из него не получился комбат, так, может, получится пулеметчик. Во всяком случае, он нашел в этом бою свое дело и уже готов был примириться со своей злой участью. Что же еще ему оставалось?

— Але, «Береза», але! — вдруг обрадованно закричал в трубку Иванов. — Это я. Сыкунова нет, убит Сыкунов. Слушайте команды. Сейчас передаю команды...

Волошин облегченно вздохнул и с удовлетворением подумал о Гайнатулине — молодец, не подвел. Переживет первый страх, пообвыкнет и будет хороший боец, если только немецкая пуля минует его в предстоящей атаке, в которой он нужен был и Волошину. Одному с пулеметом ему не справиться.

— Да, но отсюда же ни черта не видать, — выглянул из воронки Иванов. — Надо выдвигаться.

— Выдвигайтесь! — мрачно сказал Маркин и

вынул из кармана трофейную, из белого металла, ракетницу.

— Осторожно, — сказал Иванову Волошин. — Тут они пулеметами просто стерню стригут.

Иванов смотал с начатой катушки длинный конец провода и, прихватив за ремень аппарат, вывалился из воронки.

Оба комбата, дожидаясь начала атаки, остались в воронке. Отношения между ними окончательно рушились, говорить никому не хотелось, и Волошин следил, как змеилась-двигалась на скосе воронки красная нитка провода. Он знал, что, пока она шевелилась, с Ивановым все было в порядке.

— Вы с пулеметом останетесь? — имея в виду предстоящую атаку, спросил Маркин.

— Я с пулеметом. Да, вам известно, что Самохин убит?

— Знаю. Седьмой пока покомандует Вера.

— Нашли командира!

— А что? Девка бедовая...

— Бедовая, да беременная. Вы подумали о том?

— Ну что ж, что беременная. Никто ее тут не держал. Сама осталась. Так что...

— Черт бы вас взял! — не сдерживаясь, выругался Волошин, забыв в этот момент, что час назад

сам послал Веру наводить порядок в седьмой. Но тогда он уже утратил свои полномочия отправить ее в тыл, те полномочия, которые вместе с многими другими перешли к Маркину и которыми новый комбат распорядился по-своему. И все-таки было досадно, главным образом от сознания того, что Вере в батальоне не место. Ни до, ни тем более во время этой не заладившейся с самого начала атаки, которая, кроме еще одной, совершенно нелепой смерти, ничего хорошего им не сулит.

Пригнув голову, Волошин сидел на скосе воронки. Провод тихо шевелился у его ног, медленно уходя в поле. Значит, Иванов все полз, наверно, еще не видя траншеи. Но вот широкая петля провода замерла на краю воронки, Волошин торопливо расправил ее изгиб, но провод не шевельнулся. «Сейчас скомандует», — подумал Волошин. Однако минула минута, другая, команды все не было слышно. Молчала и батарея.

— Ну что он там? — нетерпеливо сказал Маркин и выглянул из воронки.

Волошин тоже выглянул, но Иванова нигде не увидел, наверное, тот скрылся за выпуклостью этого склона. Высовываться дальше не имело смысла, они еще подождали, но провод больше не

двигался, и гаубичная батарея сзади продолжала молчать.

— Черт знает что! — теряя терпение, выругался Маркин, и в сознание Волошина ворвалась тревога. Как на беду, ни в воронке, ни поблизости от нее нигде никого не было. Погодя немного, не в состоянии одолеть беспокойство за друга, Волошин бросился по его следу из воронки.

— Вы куда? — крикнул вслед Маркин.

— Я счас...

Он торопливо пополз по проводу, красной ниткой пролегшему по стерне, и еще издали увидел капитана неподвижно лежащим ничком на искромсанном очередями склоне. С упавшим сердцем Волошин подумал, что наихудшее из его опасений сбылось. Отсюда уже видна была высота и брустверный бугорок ближнего конца траншеи с торчащим на сошках стволом немецкого пулемета. Пулемет, впрочем, попыхивая дымком, бил несколько в сторону. Волошин подполз к Иванову сбоку и легко перевернул на спину его сухощавое тело, уронив на прошлогоднюю стерню его измятую шапку; с уголка губ капитана сползла по щеке тонкая струйка крови. Иванов простонал и отсутствующим взглядом посмотрел на Волошина.

— Дружище, куда тебя? — лихорадочно ощупывая его, спросил Волошин.

— Вот попало, — простонал Иванов и вдруг зашарил подле руками.

— Больно, да? Я перевяжу. Где больно?

— Связь... Связь скорей надо...

— Подожди ты со связью. Давай в воронку назад!

— Нет, надо... передать на огневую...

— Я передам, ладно, — заверил Волошин и перекинул его руку себе на шею, намереваясь тащить его по склону к воронке.

— Передать доворот, — упрямо твердил Иванов, беспомощно запрокинув голову. — Дай трубку.

Дрожащими руками, волнуясь и матерясь, Волошин расстегнул футляр аппарата и вынул телефонную трубку. Иванов приподнял слабеющую руку, в которую Волошин, отжав клапан, вложил его трубку.

— «Береза»! — едва слышно произнес командир батареи.

— «Береза» слушает! — тотчас бодро отозвалось в трубке. — «Береза» слушает, товарищ капитан.

— «Береза», я ранен. Даю доворот: репер номер три, правее ноль-сорок. Уровень больше ноль-ноль три...

Лежа рядом, Волошин отчетливо различал в трубке повторение его команд, чего сам Иванов, кажется, уже не слышал. Командир батареи быстро терял силы, и с ними, казалось, уходило его сознание. Он молчал, трубка тоже замолкла, почти выпав из его руки, потом из нее зазвучало с тревогой:

— Что, можно огонь? Можно огонь, товарищ комбат?

— Огонь... Беглый огонь, — немеющими губами прошептал Иванов и затих. Испугавшись, что на огневой могли не расслышать его команду, Волошин подхватил трубку и громко прокричал в нее:

— Всеми снарядами огонь! Открывайте огонь! Вы слышали, комбат скомандовал огонь?

Затем он сунул трубку в футляр и, забросив руку Иванова себе за шею, поволок его назад, к спасительной недалекой воронке.

Он еще не дополз до нее, как земля под ним пружинисто вздрогнула и четыре гаубичных разрыва прогрохотали на высоте возле траншеи. Это было так близко, что осколки со звенящим визгом прошли над их головами, и он испугался, как бы какой из них не угодил в раненого. Он свалил его со спины на краю воронки, потом,

ухватив под мышки, стащил вниз. Маркина здесь уже не было, на скосе одиноко стоял пулемет, да напротив успокоенно лежали двое убитых. К ним он положил раненого.

Иванов был плох, кажется, то и дело терял сознание, и Волошин, не успев отдышаться, бросился его перевязывать. Он расстегнул ремень с пистолетом, испачканный в крови полушубок, под которым оказалась мокрая, в липкой крови гимнастерка, и тут же понял, что пуля ударила капитана в грудь. Это было плохо, рану в груди перевязать непросто, особенно в таких условиях, когда нет времени и под руками всего один индпакет. Боясь, что вот-вот последует команда в атаку, Волошин туго обернул бинт поверх окровавленной гимнастерки и запахнул полушубок. Ему надо было не прозевать начало атаки, в которой всегда много дел пулеметчику.

Но, кажется, пока он возился с раненым, атака уже началась. Впереди на траншее еще рвануло несколько разрывов, забросав склон комками земли, и кто-то там уже мелькнул в пыли и дыму, на секунду пропал, потом мелькнул снова. Стрелять по траншее было уже поздно, и Волошин, испугавшись, что опоздал, выкатил тяжелый ДШК из воронки и, пригибаясь, потащил его

вверх. В отдалении и сзади бежали бойцы восьмой роты.

Видно, ошеломленные этим броском, немцы на минуту растерялись, даже прекратили минометный огонь по высоте «Малой», переносить же его на атакующих в такой близости от своей траншеи они, видать, не отваживались. Седьмая с восьмой, живо воспользовавшись минутной заминкой немцев, ворвались на высоту, почти достигнув траншеи. Но оттуда враз ударили пулеметы, атакующие один за другим стали падать.

Почуяв на бегу, как густо завзыкали вокруг него пули, Волошин торопливо развернул пулемет и тоже упал, прикрываясь покоробленным его щитом. Стаскивая с плеча тяжелую, с патронами, ленту, он увидел появившегося откуда-то лейтенанта Круглова, который на четвереньках, что-то крича, быстро переползал к нему:

— Товарищ капитан!.. Товарищ капитан, вон видите?.. Вон зараза, из-за бруствера...

Он уже увидел заливавшийся на бруствере пулемет, наводчик которого тоже, наверно, заметил их сбоку. Направленный несколько в сторону ствол вдруг круто вывернулся и, казалось, уперся в Волошина. Не успев еще поднять предохранитель, Волошин передернулся, как от ожога,

оглушенный стремительным треском осыпавшей его пулеметной очереди. Однако погнутый, искромсанный осколками щит ДШК спас его, очередь сыпанула дальше по наступающим, и он, передернув затвор, длинно ударил по пулемету, злорадно ощущая, как его разрывная очередь сметает с рыхлой земли все, что было на бруствере. Когда он расслабил на спуске онемевшие от усилия пальцы, пулемета там уже не было, лишь что-то пыльно серело неживым бугорком.

— Рота! — вскочив, хрипло закричал Круглов. — Рота, вперед!

Волошин, глянув в сторону, увидел, как вскочившие неподалеку несколько бойцов побежали вслед за комсоргом к траншее, кто-то, не добежав, упал, но кто-то уже взметнулся на бруствере и тут же исчез в траншее.

Огромное напряжение, столько времени томившее Волошина, вдруг разом спало от одной облегчающей мысли — наконец зацепились, и он тоже поднялся, чтобы бежать к траншее.

Глава восемнадцатая

Им повезло. Полтора десятка бойцов, оказавшихся на стыке седьмой и восьмой рот, ворвались в траншею.

Весь в горячем поту, волоча за собой пулемет, Волошин заметил, как поодаль в траншее мелькнули немецкие каски, несколько раз глубинным подземным грохотом ухнули ручные гранаты, но, когда он вскочил на разрытый ногами и засыпанный гильзами бруствер, в траншее уже все было кончено. Он с облегчением спрыгнул в свежую, еще не утратившую сырого земляного запаха траншею, соображая, где бы приткнуться с громоздким пулеметом, который, по-видимому, надо было протащить дальше, куда побежали бойцы. Но для этого в узкой траншее ему нужна была помощь. Оглянувшись, он увидел бегущего по стерне молодого бойца в новой шинельке и остановился, поджидая его, как откуда-то сверху, с невидимой отсюда позиции, звучно и грозно ударили размеренные очереди. Низкие красноватые трассы мелькнули наискось по склону, и боец, не добежав двух десятков метров до бруст-

вера, рухнул на землю. Кажется, его срезало по самым коленям. В следующее мгновение эти трассы низко пронеслись над головой Волошина, тот инстинктивно присел, схватившись руками за ручки ДШК, но отсюда не было видно за нарытым на гребне бруствером, откуда бил этот немецкий крупнокалиберный. Бил, однако, тот здорово — настильно по склону, во фланг восьмой, несколько человек которой, не добежав до траншеи, беспомощно распластались на стерне. Другие начали торопливо отползать под спасительную защиту едва заметного бугорка сзади. Тотчас вверху густо и пронзительно взвыли немецкие мины, кучно легшие пыльными взрывами поперек склона, затем по подножию высоты, по болоту.

Волошин скатил пулемет пониже, на бровку, вперев казенник в противоположную стенку траншеи. Он понял все. Надежда на удачу не сбылась, момент был упущен, батальон оказался разорванным на три части, бой усложнился, и теперь с уверенностью определить его исход не смог бы и сам господь бог. Во всяком случае, ворвавшейся в траншею горстке бойцов скоро придется несладко.

Стараясь, однако, сохранить выдержку, он

опустился на дно траншеи и под вой и грохот разрывов свернул цигарку. В его более чем затруднительном с утра положении наступил перелом, в этой безнадежности он вдруг обрел спокойную уверенность в себе, почти определенность. Все его недавние заботы начисто отлетали прочь, ему предстояло нечто иное, и он почувствовал, что все им пережитое — мелочи, самое главное придется еще пережить. И хотя он не питал никаких иллюзий относительно предстоящего, он был спокоен. Здесь он пребывал в привычной роли солдата и не зависел ни от Гунько, ни от Маркина, а лишь от немцев и самого себя. Его солдатская судьба была теперь в собственных руках.

Он только раз затянулся, как повыше в траншее послышались непонятные крики и близкая автоматная очередь стеганула сверху по бруствер у. Похоже, их пытались отсюда вышибить, и кто-то там не удержался. Но бежать под этот огонь из траншеи наверняка означало погибнуть. Выдернув из кобуры пистолет, Волошин выждал четверть минуты и, пригибаясь, побежал по зигзагообразным изломам траншеи. На втором или на третьем повороте он наскочил на присевшего бойца с примкнутым к винтовке штыком, тот напряженно вглядывался вперед, откуда

доносились крик и треск автоматных очередей. Несколько пуль разбили землю на бруствере, обдав обоих песком и пылью.

— Что там? — спросил Волошин.

Боец пожал плечами, держа наготове винтовку, сам, однако, не торопясь подаваться вперед, и Волошин крикнул ему:

— Давай назад, к пулемету!

Они с трудом разминулись в тесной траншее, на дне которой он с брезгливостью переступил через убитого, в распахнутой шинели немца, и на очередном повороте едва не угодил под густую очередь вдоль траншеи, успев, однако, отшатнуться за выступ. Откуда-то спереди на него налетел Круглов.

— Что такое, лейтенант?

— Дрянь дело, комбат! Жиманули обратно...

— Спокойно! — сказал Волошин, перегораживая траншею перед выскочившим следом бойцом, по щеке которого лилась на воротник кровь. — Спокойно. А ну, гранаты! Гранатами — огонь!

Боец что-то возбужденно кричал, поминая какого-то Лешку и машинально вытирая плывшую из разбитого виска кровь, но дальше не побежал, сорвал с брезентового ремня гранату и, матерно

выругавшись, швырнул ее вдоль траншеи. Когда она грохнула за поворотом, обдав их пылью и тротиловым смрадом, спереди из-за колена к ним выскочили еще двое, и в одном, что был без шинели, в измятой неподпоясанной гимнастерке, Волошин узнал Чернорученко.

— Чернорученко, ты что? Где Маркин?

Чернорученко вскинул на него недоумевающий взгляд и отвернулся.

— Там, — бросил он и, подхватив винтовку, выстрелил по траншее дважды.

Туда же ударил из пистолета Круглов.

— Так. Отсюда ни шагу! — начиная чувствовать обстановку, сказал Волошин. — Отсюда ни с места. Вы поняли?

— Так точно, товарищ комбат, — сказал Чернорученко, перезаряжая винтовку.

Их собралось за траншейным изломом пятеро, откуда-то спереди наседали немцы, то и дело осыпая бруствер и повороты траншеи автоматными очередями, и они, отстреливаясь, время от времени швыряли туда гранаты. Немцы тоже швыряли гранаты, две из которых разорвались, к счастью, за бруствером, одну Чернорученко, ухватив за длинную ручку, словчился швырнуть обратно. Было ясно, что с ходу вышибить немцев

из этой траншеи у них не хватило силы, и теперь их самих будут отсюда выкуривать. Это уже было похуже, тем более что помочь им некому.

— Да, положеньице! — сказал Круглов, стоя на одном колене в траншее. Все держали оружие наизготовку. Первым возле излома стоял, пригнувшись, боец с окровавленной щекой, за ним — Чернорученко. Волошин оглянулся, ища взглядом еще кого-нибудь сзади, и увидел лишь одного бойца из вчерашнего пополнения, глаза которого на смуглом лице смотрели удивительно спокойно, почти бесстрастно, будто все, что происходило вокруг, было для него делом давно привычным.

— По-русски понимаешь? — спросил Волошин.

— Понимаю, — тихо ответил боец.

— Давай по траншее за пулеметом. Вдвоем возьмете пулемет — и сюда. Понял?

Боец побежал по траншее, и Круглов с надеждой спросил:

— А патроны? Патроны хоть есть?

— На одну очередь.

Круглов хотел что-то сказать, как впереди стукнуло, он приподнялся и выстрелил из пистолета. За ним выстрелили Чернорученко и раненный в висок боец. Потом они подождали, но из-за пово-

рота никто не выскакивал, и Волошин опустил пистолет.

— Так, сколько нас здесь всего? Четверо? — спросил он. — Кажется, больше бежало.

— Остальные там, — обернулся Чернорученко. — В блиндаже.

— В каком блиндаже?

— А там блиндаж есть. Как фрицы ударили, они не успели. Мы выскочили, а те нет.

Час от часу не легче, подумал Волошин. И без того небольшие силы ворвавшихся были еще и разобщены в траншее. Разумеется, немцы быстро прикончат их в каком-то там блиндаже, потом возьмутся за оставшихся.

— Лейтенант, надо пробиться к тем, — сказал Волошин.

— Оно бы неплохо. Но...

— Надо пробиться. Дайте гранату.

Чернорученко бросил Волошину круглое яичко немецкой гранаты, из которой тот выдернул пуговичку со шнурком и швырнул ее через бруствер. Как только за поворотом грохнуло, Волошин крикнул:

— Быстро вперед!

Чернорученко с раненым проворно метнулись за поворот, и он поверх их голов выстрелил вдоль

следующего отрезка траншеи. Пробежав десять шагов, они втроем затаились возле очередного поворота, раненый боец, очевидно, поняв суть дела, выставив автомат за угол, стрекнул короткой очередью. Потом, пригнувшись, прыгнул за угол, за ним прыгнул Волошин и оба свалились на дно — боец от выстрела из-за поворота, а Волошин, наскочив на бойца. Это падение, однако, уберегло капитана от очереди, которая прошлась выше, осыпав его землей. Тут же грохнул винтовочный выстрел Чернорученко, и немец в неподпоясанной, с широким воротником шинели, выронив из рук автомат, осел поперек траншеи. Волошин с земли выстрелил в него два раза и, подхватив автомат, вскочил на ноги.

У очередного поворота они затаились, прижавшись спинами к закопченному взрывом гранаты земляному выступу, явно чувствуя присутствие за ним немцев, которые, видно, тоже чего-то ожидали. Конечно, ожидали, когда они туда сунутся. Но они медлили, потому что гранат у них больше не было. Волошин взглядом спросил у Круглова, и тот сокрушенно развел руками: кончились, мол. Надо было кому-то выскочить с автоматом и внезапностью огорошить немцев. «Но какая может быть внезапность, — подумал

Волошин, — если они там держат пальцы на спусках направленных сюда автоматов?» Не найдя ничего другого, он схватил комок земли и, размахнувшись, швырнул его через бруствер. Тотчас ударил автомат, засыпав их всех песком, и Волошин, пригнувшись, головой вперед ринулся за поворот. Он не отпустил из-под пальца спуска, пока автомат не замолк, в поднятой очередями пыли впереди мелькнуло несколько спин немцев, но никто из них не упал, он подхватил из-под ног сумку с торчащим в ее боку обрывком кирзы и, задыхаясь, прижался к очередному повороту траншеи.

Похоже, однако, немцы убежали дальше. Волошин осторожно глянул из-за выступа и увидел идущие вниз ступеньки и вход в блиндаж, из которого торчал коротенький ствол ППШ. Очевидно, это и был тот блиндаж, о котором говорил Чернорученко.

— Эй, — подал голос Волошин. — Свои!

Ствол дрогнул, и из входа выглянуло чумазое молодое лицо, на котором обрадованно блеснули глаза.

— Комбат! Товарищ комбат!..

«Я не комбат», — хотел сказать Волошин, но, не сказав ничего, пробежал до следующего поворота

и прижался к издолбанной очередями земляной стене.

— Живы? — заглядывая в блиндаж, спросил Круглов.

— Лейтенант ранен.

— Давай выходи! — скомандовал Круглов. — Один пусть останется, остальным — выходи!

Держа наизготовку немецкий автомат, Волошин стоял настороже, прижимаясь спиной к стене, не зная, что за поворотом, и ежесекундно ожидая оттуда очереди или гранаты. Но там, кажется, никого не было, похоже, немцы убежали. Хотя он знал, что немцы далеко не убегут, наоборот, скоро начнут их выкуривать из этой траншеи, которая была для них тут последним убежищем. На склоне им гибель.

— А ну давай все сюда! — приказал он, когда несколько бойцов выглянуло из блиндажа. — Доставай лопатки! Быстро перерыть траншею. Зарыть проход.

Он отступил шаг назад, и первый боец — рослый, в старой телогрейке парень из стариков, по фамилии Лучкин, вонзив в бровку лопату, отвалил к ногам пласт еще свежей, по-летнему сырой земли. По другую сторону начал обрушивать землю другой боец, в новенькой зеленой каске.

— Так. Остальные прикройте их. Взять в руки гранаты, — распорядился Круглов. — Ни черта. Еще мы посмотрим.

Отплевываясь от поднятой в траншее пыли, Волошин отошел на несколько шагов назад, прислушался. Невидимый пулемет справа все стучал очередями по склону, визжа, неслись через высоту мины, и их раскатистые разрывы непрерывно сотрясали землю. Но в траншее стрельба прекратилась. Конечно, немцы не могли их оставить в покое, значит, готовились ударить как следует. Отрезав их от основных сил батальона, они, конечно, могли не спешить. Деваться тут все равно было некуда.

Из блиндажа выглянул все тот же чумазый боец в сбитой набекрень шапке:

— Товарищ капитан. Лейтенант зовет.

Оглянувшись на застывшего возле бойцов Круглова, Волошин повернул назад и спустился по ступенькам в добротный, под двумя бревенчатыми накатами, блиндаж. В его полутьме трудно было рассмотреть что-либо, он только увидел торчащие на проходе ноги в сапогах и обмотках и несколько напряженно серевших в полутьме лиц, по виду которых становилось ясно, что это раненые. Тут же, привалясь спиной к стене, полу-

лежал на шинели Маркин.

— Что с вами? — спросил Волошин. — Серьезно ранены?

— Да вот в ногу, — шевельнул лейтенант забинтованной, без сапога, голенью. — Так что, видно, опять вам командовать.

Куда как здорово, подумал Волошин, принять это командование в такое завидное время. Батальон разрублен на несколько частей, одна из которых застряла под высотой, другая сунулась в эту мышеловку, управления никакого, комбат ранен и теперь уступает командование. Но так или иначе, он тут старший по званию, придется, видно, руководить ему.

— Зачем было рваться впереди всех? Что и кому вы доказали этим? Теперь вы понимаете положение батальона?

— Я уже отпонимался, — с мрачной отрешенностью сказал Маркин. — Я ранен.

— А до ранения вы не удосужились подумать?

— А что мне думать? Прикажут — полезешь куда и шило не лезет.

— Да-а, — вздохнул Волошин и, тихо выругавшись, опустился у прохода.

Шла война, гибли сотни тысяч людей, человеческая жизнь, казалось, теряла обычную свою

цену и определялась лишь мерой нанесенного ею ущерба врагу. И тем не менее, будучи сам солдатом и сам ежечасно рискуя, Волошин не мог не чувствовать, что все-таки самое ценное на войне — жизнь человека. И чем значительнее в человеке истинно человеческое, тем важнее для него своя собственная жизнь и жизни окружающих его людей. Но как бы ни была дорога жизнь, есть вещи выше ее, даже не вещи, а понятия, переступив через которые человек разом терял свою цену, становился предметом презрения для ближних и, может быть, обузой для себя самого. Правда, к Маркину это последнее, по-видимому, не относилось.

Уронив на колени руки, Волошин посидел минуту и почувствовал, как запекло в правой кисти — по пальцам на сапог живо сбежала теплая струйка. Он тронул кисть левой рукой и увидел на пальцах кровь. «Что за чертовщина, — подумал он, — даже не заметил, когда ранило».

— У кого есть бинт? — спросил он, сдвигая рукав шинели.

— Вот у ёго, — послышалось за его спиной, и Волошин вздрогнул.

Из полутемного угла блиндажа на него страдальчески смотрели знакомые глаза рядового

Авдюшкина, и Волошина пронзило испугом: Авдюшкин был из пропавшей группы Нагорного.

— Авдюшкин, ты?

— Я, товарищ комбат.

— Ты что, ранен?

— Раненый, товарищ комбат. Вот ноги у мэнэ простреленные.

— А Нагорный?

— Нагорный убытый. Его гранатой убыло. Тут, в траншейке.

— Утром?

— Утречком, ну, — постанывая, с усилием говорил Авдюшкин. — Как мы сунулись, ну и он навалився. Всих пэрэбыли. Тилькы я остався. И то во фрыц цэй спас. Пэрэвязав ноги.

— Какой фриц?

— Во, цэй, — кивнул головой Авдюшкин, и только теперь Волошин рассмотрел в сумраке блиндажа тоже бледное лицо немца, который тихо сидел в углу за Авдюшкиным. — Тэж ранитый.

— Пристрелить надо, — сказал от входа чумазый. — Еще его не хватало...

— Ни, не дам, — убежденно сказал Авдюшкин. — Вин мэнэ спас, цэ хороший фриц. А то б я кровью сплыл в этом блиндажи. А ну, фриц, дай

комбату бинта.

Фриц действительно что-то понял из их разговора и, поворошив в кармане шинели, достал свежий сверток бинта, который Авдюшкин протянул Волошину.

Волошин левой рукой начал торопливо обертывать кисть правой. Рана, в общем, была пустяковая, пуля скользнула по мякоти, он даже не заметил когда. Однако кровью залило весь рукав.

Связывая концы бинта, он прислушался к очередям и разрывам на склоне, с недоумением заметив, что в траншее все пока стихло. После всего происшедшего за это утро его уже не так, как вначале, мучил случай с Нагорным, хотя он по-прежнему сознавал свою вину по отношению к сержанту и его бойцам. Но к этому времени в его переживаниях столько перемешалось, наслоясь одно на другое, что о Нагорном он перестал думать. Он с сожалением и печалью подумал об Иванове, без всякой помощи оставленном им в воронке, где тот, возможно, и погиб. Волошин всегда заботился в первую очередь о раненых, стараясь их вовремя эвакуировать из-под огня, а вот лучшего своего друга эвакуировать не сумел. Не смог. А здесь что ж? Здесь ему придется все-та-

ки вступать в командование — не батальоном, конечно, от которого он был отрезан, а этой маленькой группой, чтобы как-нибудь отбиваться до вечера. Вечером, возможно, к ним и пробьются. Но ему не понравилась эта неожиданная история с Авдюшкиным и его спасителем-немцем, с которым теперь неизвестно что было делать. Может, лучше бы этот Авдюшкин молчал о своей перевязке, так было бы проще. Так нет, раззвонил перед всеми, теперь разбирайся.

— Так, — сказал он, перевязав руку. — Надо отбивать траншею. Иначе они нас выбьют отсюда.

— С кем отбивать? — мрачно сказал Маркин.

— С кем есть. Надо собрать все гранаты. Может, немецкие гранаты остались?

— Немецких полно, — зашевелился в углу раненый. — Вот, целый ящик.

— А ну давай его сюда.

Волошин вылез в траншею — сверху все грохали разрывы и стегали пулеметы по склону, не давая подняться ротам. Ротам следовало срочно помочь отсюда, чтобы те смогли помочь им. Только объединив все усилия, они могли спасти себя и чего-то достичь. Разъединенность была равнозначна гибели.

Бойцы уже перерыли траншею, соорудив в

ней невысокую, по пояс, перемычку, и Волошин скомандовал:

— Стоп! Больше не надо. Всем запастись гранатами. Вон в блиндаже гранаты.

Глазами он сосчитал бойцов. У завала их оставалось шестеро, двоих он снарядил к пулемету, плюс двое их, офицеров; раненые в блиндаже, конечно, не в счет. Но и без раненых их набирается больше десятка. Если воспользоваться этой непонятной паузой и с помощью гранат ударить вдоль по траншее, может, и удалось бы пробиться к вершине, чтобы заткнуть глотку тому крупнокалиберному пулемету, который сорвал им все дело. Тогда, возможно, поднялась бы восьмая с остатками седьмой.

Бойцы торопливо разобрали из разделенного на соты желтого ящика немецкие гранаты с длинными деревянными ручками, пустой ящик сунули в устланную соломой и засыпанную гильзами ячейку сбежавшего пулеметчика. Волошин опустился на ящик.

— Что, будем штурмовать траншею? — спросил, обернувшись, Круглов.

Волошин задержал взгляд на энергичном, подвижном лице комсорга.

— А что ж остается, лейтенант? Лучше штурмо-

вать, чем убегать. Как вы считаете?

Комсорг подошел ближе и опустился на корточки, жадно досасывая немецкую сигарету.

— Боюсь, мало сил, капитан.

— Больше не будет. Подавим пулемет — поднимутся роты.

Круглов сунул в землю и притоптал сапогом окурок.

— Если подавим. И если поднимутся.

Это, конечно, вся война — если. Но отойти с этой высоты после стольких жертв и усилий он не мог, потому что повторить все сначала ни у него самого, ни у батальона уже не было силы. Сидеть же в бездействии означало предоставить инициативу немцам, которые, конечно, не замедлят ею воспользоваться. Значит, надо пытаться. Надо отбить хотя бы половину траншеи.

— Что ж, ясно, — сказал Круглов, вставая, и негромко скомандовал бойцам: — Приготовиться к штурму!

Глава девятнадцатая

Все в ряд они выстроились у поворота с левой стороны траншеи. Первым стал лейтенант Круглов, за ним прижался к стене Волошин, затем Чернорученко и остальные. Перед броском на минуту замерли, прислушиваясь. Из-за бортов шинелей, из карманов телогреек, из-под ремней у бойцов густо торчали деревянные ручки гранат, лица у всех были напряженны и решительны. Ничего, однако, не услыхав за грохотом разрывов в поле, Круглов по недавнему примеру Волошина снял с головы каску и бросил ее за колено. Но ожидаемой очереди оттуда не последовало, и комсорг первым рванулся за поворот, за ним, пригнувшись, сорвались бойцы. За поворотом никого не оказалось — разбитая снарядами, с развороченным бруствером траншея была пуста. Они добежали до следующего поворота и снова остановились. Вроде бы начало было обещающим. Круглов обрадованно взглянул на Волошина, но тот ответил ему прежним, озабоченным, взглядом — ему это нравилось меньше. Немцы исчезли, но не могли же они бросить

траншею, кто-то же должен прикрыть их пулеметы, значит, где-то они их поджидают. За которым коленом только?

Они прошли еще два-три поворота и нерешительно остановились — траншея разветвлялась на две: одна шла в прежнем направлении, вторая под острым углом забирала в сторону и выше. Волошин взглядом указал Круглову на ту, что ответвлялась в сторону, а сам шагнул прямо.

Он сделал всего три шага и, вздрогнув, резко обернулся, — сзади послышался вскрик, тотчас два гранатных разрыва обдали его песком, вонью и дымом. Шедший за ним Чернорученко размахнулся гранатой, но бросить ее не успел — из-за развилки в их сторону испуганно шарахнулись два бойца, вслед которым жарко пахнула автоматная очередь. Брызнув комками глины, пули густо вонзились в гладкую стену траншеи. Потом еще грохнуло дальше, и Волошин понял, что это бросили гранаты бойцы, выдернул из ручки шнурок и одновременно с Чернорученко метнул гранату. Сдвоенно щелкнув запалами, гранаты скрылись за бруствером, и еще до того, как они разорвались, из-за поворота вывалился бледный, без шапки, в распоротом на плече полушубке Круглов.

— С-сволочи!..

Он падал, слепо хватаясь за стенку траншеи, и Волошин, крикнув Чернорученко: «Возьми лейтенанта!», швырнул через бруствер в отросток траншеи две гранаты подряд. Оказавшиеся по ту сторону отростка бойцы бросили еще несколько гранат.

Они сунулись головами под стену, пережидая серию оглушающих, засыпавших их землей взрывов и глядя, как Чернорученко, обхватив за поясницу Круглова, поволок его по траншее. Швырнув еще по гранате, бойцы стали пятиться следом, и Волошин, чтобы не остаться одному, рывком проскочил разделявшие их три шага напротив отростка, из которого снова шибануло автоматным огнем. Однако на долю секунды он упредил пули и даже успел заметить там двух пригнувшихся немцев в касках и ничком распластанного на дне бойца со стриженым окровавленным затылком.

Обсыпанные землей, они отбежали десяток шагов до следующего колена и остановились, направив на поворот оружие в ожидании того, кто первым оттуда выскочит. Волошин понял, что глупейшим образом переоценил свои наступательные возможности. С десятком человек

траншеи ему не отбить, немцы запросто вышибут его отсюда, если только он срочно не предпримет что-то спасительное.

— Стоп! — тихо скомандовал он, вдруг осененный новой мыслью. — А ну разойдись пореже! По одному за поворот! Гранаты бросает первый. Ну, живо!

Бойцы, пригибаясь, послушно побежали по траншее, исчезая за ее изломами, последнего, подпоясанного поверх телогрейки немецким ремнем с выпиленной из пряжки свастикой, он задержал за рукав.

— Ты со мной! Бери две гранаты!

Не успел боец перехватить в левую руку винтовку, как в воздухе над бруствером, кувыркаясь, мелькнула длинная рукоятка гранаты. Они едва пригнулись под стену — выше на бруствере оглушительно грохнуло. Потом грохнуло дальше и сзади, осколками косо секануло по одной стороне траншеи, больно стегнув по щеке песком и тугой звуконепроницаемой пробкой залепив Волошину ухо. Зная, что последует дальше, он, не поднимаясь, выстрелил три раза за поворот, и, кажется, вовремя — кто-то там лишь сунулся, тенью мелькнув в пыли, и снова исчез за выступом. Не дожидаясь новой гранаты, капитан отскочил

назад, едва успев пригнуться под брошенной через него гранатой напарника. Сзади послышались немецкие выкрики, кто-то угрожающе прокричал за изломом, и он понял, что их напирало много. Они вышибали его подавляющей силой пехоты, от которой спасения тут, кажется, не было.

Но он все же надеялся. У них еще оставались гранаты, две он подобрал под ногами в траншее и торопливо свернул колпачки. Однако, когда впереди, где остался боец, сразу ударилось о бруствер и стенки несколько брошенных оттуда гранат, он со скверным, почти затравленным чувством подумал, что, наверно, долго не выдержит. Переждав прогрохотавшие взрывы, он бросил свои гранаты, но секанувшая вдоль по траншее автоматная очередь опять вынудила его на четвереньках спасаться за следующим поворотом, где еще можно было укрыться. Там, опустившись на одно колено, его поджидал с двумя гранатами в руках тот самый флегматичный боец из пополнения, который недавно бросился ему в глаза своим почти библейским спокойствием. Капитан сгорбился рядом. Оставленный им за предыдущим изломом боец больше не появился.

Точно так же, как еще недавно они, теперь

их последовательно и методически вышибали гранатами немцы. Спасали траншейные изломы. Заполошно дыша, Волошин пытался вспомнить, сколько еще поворотов осталось сзади, — казалось, не более четырех. В этих поворотах была вся их возможность, мера их жизней, другой вроде уже не предвиделось.

— Ну бросай! — кивнул головой Волошин. — Потом я.

Боец не спеша левой рукой дернул за пуговку и, выждав, пока щелкнет запал, правой без размаха сунул гранату за земляной поворот.

— Беги, капитан! — оглянулся он в дыму после взрыва. — Давай свой гранат!

— Вместе! — поняв его намерение, встряхнул головой Волошин. — Бегом к блиндажу!

— Беги скоро!! — крикнул тот, хватаясь за винтовку, похоже, к излому уже ринулись немцы.

Боясь не успеть, Волошин вскочил и, отбежав на несколько шагов, оглянулся.

— Беги!

Не увидев, что стало с бойцом, он в следующее мгновение содрогнулся от новой тревоги — сзади в траншее началась частая пальба из винтовок, там же загремели и гранатные взрывы, как ему показалось — у блиндажа, и он бросился по тран-

шее назад.

Бойцы, по-видимому, уже отбежали дальше, он наткнулся лишь на одного, которому крикнул: «Ни с места!», а сам, обежав два поворота, увидел свою перемычку и перед ней еще одного бойца, с колена торопливо бьющего вдоль траншеи из винтовки.

— Что там?

— Немцы, — бросил боец, клацнув затвором. — Двоих уложил.

Из входа в блиндаж тоже торчало несколько стволов, которые стреляли туда же. Значит, ошибки не было, немцы ударили с тыла, по-видимому захватив и начало траншеи. Они сжимали их тут, как в гармошке, с обеих сторон, оттесняя всех к середине, где, на счастье, еще оставался блиндаж. Но что им блиндаж? В такой обстановке блиндаж не укрытие, а скорее братская могила для всех.

Однако что было делать?

Спасаясь от полоснувшей по траншее автоматной очереди, Волошин сунулся в земляной проем блиндажа и упал на ступеньках, пережидая ошалелое щелканье пуль по стене, с которой обрушился целый пласт глины, наполнив траншею пылью. Под боком у него оказался знакомый кирзовый сапог с овальной заплаткой на задни-

ке, и он увидел перед собой оттопыренные уши Чернорученко, который коротенькими очередями тыркал по углу траншеи, и тот постепенно крошился, обваливаясь комками и удлиняя обзор по траншее. Горячие гильзы из его автомата сыпались капитану на голову и за шиворот, он тоже поднял свой пистолет, чувствуя при этом, что патроны в магазине вот-вот должны кончиться. Но он знал, что, пока они простреливают отсюда траншею, немцы прорваться в блиндаж не смогут, пятнадцатиметровый отрезок по обе стороны от входа для них был закрыт. Но — гранаты! Немцы могли забросать их гранатами, от которых спасения в траншее не было. Разве что в блиндаже.

В траншейном поединке наступила неопределенная пауза. С бруствера временами слетали разбитые пулями комья земли, и Волошин, оглушенный на правое ухо, не сразу понял, что это стреляли снизу. Оттуда же, ослабленный расстоянием, доносился четкий перестук ДШК, который вел огонь по траншее, очевидно, не давая немцам блокировать блиндаж поверху. Что ж, это была посильная помощь его батальона, и в душе капитана на миг потеплело от благодарности тем, что лежали внизу. «Главное, — думал он, — не дать

немцам сунуть гранату в блиндаж, в траншее же пусть рвут сколько угодно».

Повернувшись ровнее, он разрядил пистолет, сунул его за борт шинели, потом, зачерпнув горсть патронов в кармане, принялся торопливо набивать магазин. Но Чернорученко опять полоснул по траншее очередью, и он схватился за пистолет.

— Товарищ комбат, дайте я, — сказал кто-то рядом, и он, оглянувшись, увидел бойца с широко забинтованной головой, который, держа в руках автомат, лез занять его место на входе.

Помедлив, Волошин встал. Боец влез на его место, а капитан спустился на две ступеньки ниже и стал возле двери. В блиндаже, на устланном соломой полу, тесно лежали раненые, в полумраке серели бинты и слабо шевелились бледные лица, в углу кто-то тихо раскачивался в нательной сорочке, остро пахло лекарством. Несколько пар глаз из тесной полутьмы с вопросительным ожиданием уставились на Волошина, и он вдруг ощутил такую беспомощность, какой не ощущал под градом осколков в траншее.

— Ничего! — сказал он в утешение не так им, как больше самому себе. — Будем отбиваться. У кого есть оружие? Давай ближе к выходу.

— Оружие есть. Но что оружие...

— Пока есть оружие, мы — бойцы. Будем держаться.

Ответом ему было трудное, напряженное молчание, кто-то обреченно простонал, и он перевел взгляд на Маркина, который в прежней позе лежал на шинели.

— Черт! Не удалось! — тихо, ни к кому не обращаясь, проговорил Маркин. — Все к чертовой матери!

«Да уж не удалось», — подумал Волошин и, вспомнив комсорга, зашарил по блиндажу взглядом:

— А Круглов здесь? Что с Кругловым?

— Все, нет Круглова, — обернулся на ступеньках Чернорученко. — Вот его автомат. А там сумка, — кивнул он на блиндаж.

Волошин внутренне сжался — значит-таки и Круглов! Еще одного не стало из многих, с кем вместе прошли они весь этот недолгий, но устланный смертями путь батальона... Чья теперь очередь?

Кто-то в наброшенной шинели и с забинтованной рукой, неуверенно ступая между телами, пробрался к двери и передал Чернорученко два снаряженных магазина. Бойца с разрезанным

до плеча рукавом, у которого оказалась граната, Волошин посадил возле двери. Но одной гранаты для них было мало.

— Гранат надо больше. У кого еще есть гранаты?

— Вот последняя, — сказал Авдюшкин. — Для сэбе оберегав. Да черт з ей...

Он протянул из угла Ф-1, которую Волошин планкой нацепил себе на ремень возле пряжки. Других гранат у него не осталось. Теперь он снова был готов к бою и, стоя у сырого, из неошкуренной ели косяка, поглядывал в траншею. Рядом на ступеньках, выставив в разные стороны автоматы, сидели Чернорученко и мрачный боец с толсто забинтованной головой.

— Это... Нате вот еще каски, — заботливо передали из блиндажа две немецкие каски. Чернорученко одну насунул поверх шапки, а вторую раненый боец, примерив, зло бросил в траншею.

— Падлой смердит.

Волошин вынул из брючного кармана часы и с удивлением ахнул: было четверть четвертого. А он все думал, что еще утро. Действительно, до вечера осталось совсем немного, хорошо бы дотянуть до вечера. Вслушиваясь одним ухом в громыхание боя, он думал: «А вдруг поднимется

батальон?» Если бы он поднялся, может, что-то бы и удалось, пока еще было не поздно. Тогда, может, и они бы тут пригодились.

Но батальон, наверно, уже не имел сил подняться.

Вдруг оба сидящих на ступеньках схватились за автоматы, и одновременно с обеих сторон траншеи слишком знакомо мелькнуло в воздухе. Одна из гранат, прежде чем разорваться, ударилась концом в стенку напротив и отлетела дальше, другая торчком поскакала куда-то по дну траншеи. Как только они рванули, взбив облако пыли, оба автоматчика ударили из своих ППШ, наполнив блиндаж гулким автоматным треском. Волошин, прижимаясь спиной к стене, держал наготове пистолет. Трудно волоча простреленные, без сапог ноги, из угла блиндажа выполз и лег возле входа Авдюшкин. В его сжатой руке блеснула малая саперная лопатка.

— Ах гады! Ну идите, гады! — треща автоматом, исступленно кричал на ступеньках раненый.

Очередного броска гранаты Волошин не успел заметить, возможно, ее перебросили через бруствер, только рядом в траншее вдруг оглушительно грохнуло, пахнув в растворенную дверь блиндажа жарким смрадом взрывчатки, и немецкая

каска с головы Чернорученко с железным звоном ударилась о притолоку. На ступеньках, откинувшись навзничь, конвульсивно задергался Чернорученко, выпустив из рук автомат. Волошин подхватил этот забитый песком, горячий еще ППШ и отпрянул к закачавшейся на петлях двери.

— Дверь! Дверь! — закричало в блиндаже несколько голосов. — Держите дверь!

Чьи-то проворные руки мощным рывком грохнули плотно закрывшейся дверью, отрезая от себя все, что было за ней в траншее. Волошин не знал, что произошло с Чернорученко, убит тот или ранен, не знал, в каком состоянии раненный в голову боец, автомат которого, однако, тоже замолк. Испугавшись, что в блиндаж вот-вот ворвутся немцы, капитан через доски двери выпустил наружу три короткие очереди и снова замер у двери. На минуту все там затихло.

— Маты моя ридная! — взмолился кто-то из раненых.

— Мовчи! — крикнул на него с пола Авдюшкин. — Без тэбе тошно.

Опять настала гнетущая пауза, которая, казалось, предшествовала последней схватке. Теперь уже помочь им не мог никто в целом мире, и

даже они сами помочь себе не могли. Предстояло, наверно, проститься друг с другом и подумать, как подороже отдать свои жизни.

— Ух, сволочи! Ух, какие же они сволочи!.. — навзрыд плакал в углу раненый в нательной сорочке. — Неужто конец нам?

— Подождите, — не зная еще, чем можно их и себя утешить, сказал Волошин. — Еще не все потеряно. Еще мы подержимся. У нас ведь броня.

— Броня?

— А как же! — ободряюще сказал капитан. — Вот — земля родная. Лучше нет в мире брони. Попробуй пробей, — стукнул он кулаком в стену. — Там, на косогоре, бугорка не было. А тут... Там бы такой блиндаж!

— А це правда! — раздался вдруг просветленный голос. — Я там за лопаточку ховався...

Не успел он договорить, как стены блиндажа снова содрогнулись от мощного взрыва, потом еще одного и еще двух кряду. Дверь они держали подпертой у самой земли ногами. Волошин изо всех сил упирался в ее уголок каблуком сапога, и у него едва доставало силы удержать ногу при взрывах. Вся верхняя часть двери, иссеченная осколками, засветилась десятками щелей и дыр. Держа ее каблуком снизу, он ждал, когда она

рухнет на них или разлетится в щепки, и тогда... Тогда предстояла последняя схватка с минимальными для них шансами выйти отсюда живыми. Но дверь выдержала. Гранаты все-таки рвались в отдалении, за три метра в траншее, и он удивился, что ни одна из них не разорвалась под дверью. Впрочем, он тут же смекнул: скатиться гранатам к двери не давали двое убитых. Рухнув на ступеньках у входа, мертвые защищали живых, приняв на себя всю силу взрывов и все осколки. Им доставалось. Волошин уже почувствовал под подошвой жидкую лужицу и понял, что это было. Мертвые истекали живой, еще теплой кровью.

У стены встревоженно завозился Маркин.

Не выпуская из рук пистолета, он выдернул из-под изголовья сумку, коротко бросив в наступившей затем тишине:

— У кого спички?

Кто-то дал ему спички, и лейтенант, поворошив в сумке, выдернул оттуда несколько бумажек, свернул их в трубку. В блиндаже загорелся коптящий небольшой костерок, в который Маркин, нервно сминая, начал совать бумаги. «Предусмотрительный малый», — подумал про него Волошин. У него в полевой сумке тоже нашлось бы кое-что из бумаг, подлежащих уничтожению

в такую минуту, но он все тянул, словно на что-то надеясь. Маркин, оказывается, в этом отношении был предусмотрительнее и уже ни на что не надеялся. Что ж, видимо, он был прав.

— Карта у вас? — поднял к нему мрачное лицо начштаба.

Карта с нанесенной на нее обстановкой батальона была у Волошина, и, хотя обстановка эта здорово изменилась за сутки, капитан молча вынул карту из сумки и бросил Маркину.

Блиндаж скоро наполнился дымом. К горящим документам начштаба, именным спискам и картам кое-кто из бойцов начал подбрасывать свои бумаги, которые быстро пожирал огонь. Волошин увидел, как таяла в огненном ворохе маленькая карточка девушки — сначала ее плечо, блузка, затем кудряшки прически, ровненький носик, челочка на лбу. Скоро остался узенький обрез поля, который бесследно смешался с черной золой.

А немцы все медлили. С трудом вынеся эту мучительную паузу, Волошин повернул автомат стволом к двери и протрещал несколькими очередями. Иссеченная пулями и осколками дверь светилась многочисленными дырами, сквозь которые, однако, можно было наблюдать лишь узкий отрезок траншеи напротив. Заглянув в

одну из дыр, Волошин увидел вблизи разбитое взрывом лицо Чернорученко... В траншее, кажется, никого не было, немцы, наверно, скрывались за поворотами. Время от времени капитан заглядывал в эту узкую вертикальную дыру в доске и в третий или четвертый раз увидел нечто такое, что его удивило.

Сначала ему показалось, что это был дым, струи которого, расходясь под потолком, тянулись по воздуху к двери и которые собирались теперь в траншее. Но, приглядевшись, он понял, что это было что-то другое. Плотно-серое дымное облако быстро наполняло траншею, уже скрыв ее противоположную стену, затягивая изуродованный профиль Чернорученко. Тошнотворно-удушливый химический запах, проникнув, заполнял блиндаж, бойцы завозились, закашлялись, и лежавший у двери раненный в руку боец вскричал:

— Братцы! Да они же нас газом! Вы чуете?

— Тихо! — крикнул Волошин. Но было поздно.

Весь блиндаж встревоженно завозился, задвигался, кто-то в темноте заплакал, многие начали удушливо кашлять, и Волошин почувствовал, как у него самого нестерпимо защипало в носу и по щекам потекли слезы. Он опустился на корточки

у стены и думал: «Неужели же они в самом деле решились применить газ?» Но отчего бы и нет? Если они применили все, что столетиями проклинало человечество, отчего бы не применить еще и газ?.. Он давно не носил с собой противогаза, оставив его в обозной повозке. Впрочем, здесь почти все были без противогазов, и теперь за эту оплошность им предстояло расплатиться жизнью.

Дымной, удушливой мглы натекало в блиндаж все больше, стало темно, дышать становилось нечем. Уткнувшись лицом в суконный рукав шинели, Волошин с трудом делал мелкие, недостаточные для легких вдохи... Наверху своим чередом шел огневой бой, к которому он хотя и прислушивался, но уже давно перестал в нем разбираться. Видно, этот бой уже их не касался. С каждой минутой Волошин все больше страдал от удушья, от сознания своей беспомощности, от бессильной злой ненависти к тем, кто обрекал их на эту мучительную гибель. Он не сразу почуял, как кто-то потянул его за рукав, и недоуменно поднял глаза.

— Товарищ комбат, возьмите!

Чья-то солдатская рука протягивала ему знакомую матерчатую сумку с противогазом, в

котором теперь было спасение. Однако он не сразу решился протянуть свою руку навстречу, он не был готов к этому жесту великодушия. Чтобы спастись одному, когда погибали остальные, нужна была решимость особого рода, которой он не обладал. Но рука его инстинктивно, почти без участия воли, взметнулась к узенькой перекрученной лямке.

— Я комбат! Я здесь комбат! — вдруг почти выкрикнул под стеной Маркин, и Волошин, содрогнувшись, отдернул руку.

— Что, спастись хочешь? — просипел он. — Отдайте ему! Отдайте противогаз лейтенанту!

— Я — не спастись! Но здесь я назначен комбатом. Понятно?

— Ты!.. — негодующе выдавил из себя Волошин. — О чем заботишься!

Маркин ничего не сказал больше, противогаз он тоже не взял, и его подобрала с прохода чья-то поспешно протянувшаяся из угла рука. Волошин закашлялся, пораженный вдруг и нелепо прорвавшимся честолюбием бывшего своего начштаба. Но поздно было проявлять честолюбие и хвататься за крохи утерянных возможностей — какое теперь имеет значение, кто из них назначен комбатом. Один противогаз спасти их

не может.

Опускаясь все ниже у порога и обливаясь слезами, Волошин, однако, почувствовал нечто такое, что во второй раз ввергло его в смятение. Он не знал, какой это был газ и сколько может продлиться тут их агония, но вдруг почувствовал, что вот ведь живет, что смерть не наступает, что просто тут нечем дышать от наплывшего дыма, что, может, это и не газ. Только он подумал о том, как снаружи донеслось несколько дальних встревоженных криков, и он, напрягшись, чтобы расслышать их, не сразу увидел, как кто-то решительно шагнул по телам к двери и широко рванул ее на себя.

— Немец! Немца держите! — взвопили в блиндаже.

Волошин, который ближе других был к двери, вскочил, бросился следом, но сразу запнулся на выходе и растянулся поперек тел убитых. Когда он поднялся, немец уже скрылся в клубах серого дыма. Задохнувшись, Волошин нажал на спуск автомата, полоснув слепой очередью в дымную мглу траншеи, и сам рванулся вперед, тут же ударившись грудью о ее высокую бровку. Он еще не успел вскочить на ноги, как снова упал, больно сбитый в дыму сапогами бегущего. Не зная, кто

это, и совсем задыхаясь от дыма, он из последних сил ухватил бежавшего за ноги, опрокинув его в траншею, и, наткнувшись руками на холодный металл оружия, рванул его на себя. Кажется, он не ошибся, это был немец, по крайней мере автомат оказался немецкий. Волошин понял это на ощупь и с земли выпустил весь магазин и по отпрянувшему от него немцу и вдоль по траншее, где в клубах серого дыма слышались возня, гортанные вскрики, заполошная суматоха бегущих. Где-то рядом, багрово полыхнув пламенем, разорвалась граната, с разных направлений ударили очереди, но, обливаясь слезами, он уже не мог понять, кто и куда стрелял. Ни секунды не медля, он вскочил и, низко пригибаясь, бросился по траншее к недалекому ее колену.

Здесь он вдохнул на пол-легкого, услышал сзади два или три вскрика, знакомую матерщину и понял, что это выскочили из блиндажа свои. Не дожидаясь их, он шагнул за колено и побежал вниз по траншее. Наверно, это было опрометчиво — так вот вслепую бежать по еще неизвестно кем занятой траншее, ежесекундно рискуя получить очередь в грудь. Но он задыхался, ему надо было вдохнуть хоть глоток чистого воздуха, вместо которого по траншее валил удушливый кислый

дым. И очереди в упор пока не было. Немцы тоже куда-то исчезли, и он, чуть осмелев и слепо натыкаясь на земляные углы, шатко брел дальше.

В них не стреляли, немцев здесь не было, почти вплотную за ним кто-то бежал, и это его успокаивало. Не останавливаясь, он жадно хватал ртом дымный, но уже посвежевший воздух, пока не стал различать бруствер, бровку траншеи, потемневшее небо вверху. Ветер дул навстречу, вскоре он услыхал одним ухом недалекую автоматную стрельбу (как будто на высоте) и пошел медленнее. В глазах все плыло и качалось, обожженные ядом легкие натужно хрипели в груди.

Он шел по траншее вниз в проклятый тот ус, в который с пулеметом ворвался утром. За ним волоклись по траншее раненые. Он не видел их и не знал, сколько их было, но он слышал их заполошный кашель и голоса. Немцы исчезли. Нигде в траншее их не было, и это его удивляло и пугало одновременно.

Несколько раз он натыкался на трупы. Но он не смотрел вниз и не знал, свои это или немцы, а шатаясь, как пьяный, и мало что понимая, все шел по траншее в ту сторону, где утром оставил роты и где был его батальон.

Его остановил радостный вскрик сзади, и он, не

поняв, в чем дело, испуганно отпрянул, схватившись за ствол автомата.

— Едрит твои лапти, комбат! — вдруг басом прогудело вверху. Он остолбенело откинулся к стенке, чтобы не упасть, привалился плечом к бровке траншеи, в которую, обрушив сухой пласт земли, ввалился старший лейтенант Кизевич. — Комбат! — почти закричал он и неуклюже облапил его своими длинными руками в меховых варежках. — Живой, значит?

— Я? — не сразу найдясь, переспросил Волошин.

— Ты, кто же! А мы уже вас похоронили. Как увидели, что вас немцы жарят...

— Ты? А рота? — с трудом оправляясь от удушья, слабым голосом проговорил Волошин и закашлялся.

— Вон рота. Слышь, немцев погнала. С тылу зашли, понимаешь? Пуля что: пуля дура — штык молодец! — засмеялся командир роты, и Волошин подумал, какой все-таки молодец у него командир девятой и как он прежде не мог заметить этого. Повернув голову, он вслушивался левым ухом в редеющую автоматно-винтовочную пальбу за высотой и, кажется, впервые поверил в свое спасение.

— Эй, товарищ комроты! — сдавленно крикнул кто-то из бойцов на бруствере. — Вон бежать!

— Кто? — встревоженно выглянул из траншеи Кизевич.

— Немцы бежать!

— А ты что? Бей их! Бей, чего смотришь! Команду тебе надо, что ли?

Боец ударил из карабина, а Кизевич присел в траншее и подрагивающими от возбуждения руками начал вертеть цигарку. Ветер выдувал махорку, старший лейтенант большими пальцами едва удерживал ее на обрывке газеты.

— Однако ты вовремя. Еще бы пару минут и... — превозмогая саднящую боль в груди, проговорил Волошин.

— Хе, вовремя! За это генерала благодари. Нагрянул на КП и попер. Всех! Так шуганул, что откуда и сила взялась. Сам не ожидал. И всего трое раненых.

— Генерал? Вот как...

— Ну.

Пониже опустившись в траншее, Кизевич торопливо прикурил от зажигалки-патрона и, жадно затянувшись, поднялся. За высотой разгоралась перестрелка, и комроты внимательно посмотрел через бруствер. Медленно отходя от

пережитого, Волошин не сводил глаз со своего бывшего ротного, и Кизевич вдруг спохватился:

— Да, новость! Гунька-то комдив отстранил. Теперь полком Миненко командует.

— Это хорошо, это хорошо, — рассеянно повторял Волошин, охваченный новым строем мыслей и чувств. Что-то явно поворачивало в лучшую сторону, вот только радости от этого пока что было немного.

— А Маркин живой? — спросил Кизевич и, вдруг заторопившись, вогнал в автомат новый магазин-рожок.

— Маркин живой. Там, в блиндаже, повыше, — кивнул Волошин.

— Ну я — доложить. Комбат все-таки...

— Конечно, конечно, — понимающе согласился Волошин и посторонился, пропуская комроты-девять.

Глава двадцатая

Было тихо.

Как и прошлой ночью, в студеной темноте пронизывающе дул ветер и жал крепкий морозец. Огневой бой, неистово громыхавший весь день, постепенно затих, немцев вытеснили из совхоза и каким-то чудом выбили с высоты, верхушка которой черным покатым горбом вырисовывалась совсем рядом на фоне чуть-чуть светлеющего закрайка неба. Порой из-за этого горба взмывали огненные рои пуль и, уходя над головой в беззвездное небо, постепенно затухали вдали. Мгновение спустя доносился густой пулеметный рокот М Г, — отойдя за совхоз, немцы огрызались. Роты за высотой молчали.

Волошин хоронил убитых.

Трое легкораненых и два бойца из комендантского взвода сносили их со склонов высоты к отростку траншеи, где гаубичный снаряд вырыл днем вместительную воронку. Воронку наскоро углубили, зачистили стены, и получилась могила. Не очень, правда, аккуратная, зато на хорошем месте, с широким обзором в тыл — на болото и

пригорок со вчерашним КП. Немецкие очереди сюда не залетали, и ничто уже не тревожило отрешенный покой убитых.

Волошин помогал бойцам вытаскивать погибших из обрушенной гранатами, залитой кровью траншеи, натревожил руку, и теперь она разболелась вся, от кисти до плеча — наверно, рана все-таки оказалась серьезнее, чем он предположил вначале. Капитан стоял на куче свеженакопанной земли у могилы. Ниже, на разостланных немецких одеялах, в ряд лежали убитые. Крайним отсюда он положил вынесенного из траншеи лейтенанта Круглова в густо окровавленной и уже схваченной морозом суконной гимнастерке. Иссеченный пулями полушубок комсорга Волошин накинул на себя — от потери крови и пережитого его пробирала стужа. Один боец снимал с убитых шинели, вынимал из карманов документы, которые складывал на брошенную у ног плащ-палатку. Волошин молчал, скорбно переживая недавнее; всем у могилы деловито распоряжался Гутман. После смещения Волошина Гутман, чтобы не идти к Маркину, убежал в девятую, где по собственной инициативе возглавил взвод новичков из пополнения. При атаке на высоту «Большую» его ранило осколком

гранаты в шею. Маркина с простреленной голенью отправили в тыл.

Молчаливый боец из новеньких подравнивал дно могилы, в которую предстояло опустить убитых.

— Раз, два, три, четыре, пять... Итого восемнадцать, — сосчитал неподвижные тела Гутман и заглянул в воронку. — Маловата, холера, надо расширить. Вот еще волокут...

Волошин с кучи земли сошел вниз — в темноте видно было, как два бойца за руки и за ноги несли провисшее до земли тело, которое устало опустили на стерню возле мертвой шеренги — на одеялах места для всех не хватало. Волошин наклонился над мертвенно-успокоенным лицом, на секунду блеснув потускневшим лучом фонарика, да так и застыл, пригнувшись.

— Вера?

— Ну, — тяжело отсапываясь, сказал боец. — Там, на спирали, лежала. Зацепилась — насилу выпутали.

«Вот так оно и бывает, — покаянно подумал он, расслабленно выпрямляясь. — Не хватило настойчивости вовремя отправить из батальона, теперь пожалуйста — закапывай в землю...» Где-то в середине ряда лежал с простреленной

головой Самохин, здесь же ляжет и Вера, его фронтовая любовь, невенчанная жена ротного. И с ними остается так и не рожденный третий.

Сглотнув застрявший в горле комок, Волошин отошел в сторонку, рассеянно глядя, как бойцы, немного отдышавшись, опять пошли в темень. Каждый раз он ждал и боялся, что следующим они принесут Иванова. Но Иванова пока что не было. Не было его и в воронке, где его днем оставил Волошин. Возможно, командира батареи все-таки успели отправить в тыл, после ранения его никто здесь не видел.

Вскоре бойцы принесли кого-то еще, сняли подсумки, шинель, вынули из гимнастерки документы, которые передали Волошину. Развернув новенькую, обернутую газеткой красноармейскую книжку, он повел по ней слабым пятном из фонарика и прочитал фамилию: Гайнатулин. «Вот и еще один знакомец, — подумал капитан, — значит, не минула и его немецкая пуля. Немного же пришлось тебе испытать этой войны, дорогой боец, хотя и испытал ты ее полной мерой. За один день пережил столько всего, от трусости до геройства, а как погиб — неизвестно».

— Давайте опускать! — поторапливал Гутман, спрыгнув в могилу. — Подтаскивайте, мы пере-

нимаем.

Втроем с капитаном бойцы стали подтаскивать тела убитых к краю могилы, и придерживая их за ноги, помалу подавать в яму Гутману. Тот вдвоем с еще одним бойцом подхватывал их окровавленные, растерзанные осколками, с перебитыми конечностями тела и оттаскивал к дальнему краю ямы. Первым там положили лейтенанта Круглова, потом тех, кого они повытаскивали только что из траншеи. Среди них Волошин задержал на краю могилы телефониста Чернорученко, бок о бок с которым пережил три трудных месяца под адским огнем, в ровиках, траншеях, землянках и так привык к этому неторопливому, малоразговорчивому бойцу, постоянному смотрителю их камелька на КП. Но вот его больше не будет. Тело Чернорученко уже задеревенело в неудобной, застигнутой смертью позе — скрюченные руки с иссеченными в лохмотья рукавами торчали локтями в стороны, и когда капитан распрямил одну, она опять упруго согнулась, занимая первоначальное положение. Лица телефониста было не узнать, так его изуродовало разрывом гранаты, и Волошин тихо сказал:

— Ребята, перевязать бы надо.

У кого-то нашелся перевязочный пакет, и Гут-

ман, стоя в могиле, быстро обмотал бинтом голову и лицо Чернорученко. Потом они опустили его на дно.

Они заложили один ряд и начали класть второй. Крайним в этом ряду лег лейтенант Самохин, бойцы несли следующего, и Волошин, вдруг вспомнив, сказал:

— Постойте. Давайте сюда санинструктора!

— А что? Какая разница, — возразил боец в бушлате, которому, видно, не хотелось делать лишнюю ходку.

— Давай, давай... Там она, недалеко.

Они подняли с земли и поднесли к яме худенькое, почти мальчишеское тело Веретенниковой. Гутман аккуратно уложил ее рядом с Самохиным.

— Пусть лежат. Тут уже никого бояться не будут.

«Тут уже никому ничего не страшно, уже отбоялись», — подумал Волошин, горестно глядя в потемок ямы, где Гутман, посвечивая фонариком, аккуратно оправил на Вере гимнастерку, сложил на груди ее всегда залитые йодом руки. Скольких эти руки спасли от смерти, повытаскивали из огня в случайные полевые укрытия, перевязали, досмотрели, вдохнули надежду. Но вот настал и

ее черед, только спасти ее не было возможности, оставалось предать земле...

Так, тело за телом, уложили и весь второй ряд. Последним остался Гайнатулин, места для которого в ряду уже не было, и его втиснули в узкую щель в изголовье.

— А что, чем плохо? — сказал Гутман. — Отдельно, зато как командир будет.

Он выбрался из ямы, в которую они принялись дружно сдвигать с краев землю, словно торопясь скорее отделаться от убитых. Волошину было неудобно управляться с его перевязанной рукой, и он выпрямился. Погребение заканчивалось, оставалось засыпать могилу и соорудить на ней земляной холмик, в который завтра тыловики вкопают дощатую, с фанерной звездой пирамидку. На этом долг живых перед мертвыми можно будет считать исполненным. Батальон, возможно, продвинется дальше, если будет приказ наступать, получит новое пополнение, из фронтового резерва пришлют офицеров, и еще меньше останется тех, кто пережил этот адский бой и помнил тех, кого они закопали. А потом и совсем никого не останется. Постоянным будет лишь номер полка, номера батальонов, и где-то в дали военного прошлого, как дым, растет их

фронтовая судьба.

— Ну во, и порядок! — опираясь на гладкий черенок немецкой лопаты, с выдохом сказал Гутман. — Можно курить. Что не доделано, завтра по светлому доделают.

Заканчивая подчищать землю возле могилы, бойцы вытирали вспотевшие лбы и по одному молча отходили к брустверу возле траншеи. Волошин, закурив сам, передал свой портсигар Гутману, у которого охотно закурили остальные. Вместо спичек у кого-то нашлась «катюша», — побрызгав синеватыми искорками с кремня, боец высек огонь, и все по очереди прикурили от трута — обрывка тесьмы из ремня.

— Думал, сегодня закопают, — прервал молчание Гутман. — Да вот самому закапывать пришлось. Чудо, да и только.

— Как шея? — спросил капитан.

— Болит, холера. Недельки две придется покантоваться в санбате. Давно уже не был, прямо соскучился.

Волошин, не поддержав словоохотливого ординарца, устало сидел на бруствере, притупленно ощущая, что в этот злополучный день что-то для него бесповоротно окончилось. С каким-то большим куском в его жизни отошло его труд-

ное командирское прошлое, и вот-вот должно было начаться новое. Сегодня он побыл в шкуре бойца и хотя и прежде недалеко отходил от него, но все-таки тогда была дистанция. Сегодня же она исчезла, и он полною мерой испытал всю необъятность солдатского лиха и уплатил свою кровавую плату за этот вершок отбитой с боем земли.

Бойцы рядом докуривали, и он чувствовал, что приближалось время подниматься и идти. Только куда? Как и трое из них, он был ранен и формально имел право идти в санроту, откуда его могли на недельку-другую отослать в медсанбат. Соблазнительно было поваляться где-нибудь на соломе в тыловой деревенской школе, выспаться, отдохнуть от извечных командирских забот, атак и обстрелов, от усложняющихся отношений с начальством. Но если бы там можно было забыть обо всем пережитом, вычеркнуть из памяти то, что и там будет грызть, давить, мучить! Увы! Он знал, что через день-два тыловая деревенька станет ему в тягость и он начнет рваться туда, где бой, кровь и смерть — его фронтовая судьба, кроме которой у него ничего больше нет. Другой, на беду или к счастью, ему не дано.

На душе у капитана было скорбно и сумрачно,

как только и может быть после похорон. Не зная, на что решиться, он устало сидел, воротником полушубка прикрываясь от ветра. Пока дымилась цигарка, можно было тянуть время и решать, но, докурив, надо было встать и идти. Вниз по склону в санчасть или назад, за высоту, в батальон.

— Стой, тихо! — вдруг вскрикнул Гутман и вскочил с бруствера. Сидевший рядом боец схватил с колен карабин, но карабин не понадобился — Гутман обрадованно тихо вскрикнул, обращаясь к Волошину: — Глядите, глядите! Товарищ капитан, Джим!

Волошин обернулся почти испуганно — в ночных сумерках было видно, как, перемахнув через черную щель траншеи, на бруствер вскочил их сильный, истосковавшийся по своим Джим. Не обращая внимания на посторонних и круто взмыв в воздух, он очутился на груди у Волошина, едва не повалив его наземь и обдав знакомым запахом собачьей шерсти, усталым от долгого бега дыханием, бурной радостью от этой, видать, долгожданной встречи. Заскулив тихонько и радостно, Джим шершавым языком упруго лизнул его по грязной щеке, и Волошин, не отстраняясь, сжал на своих плечах его сильные холодные лапы.

— Джим!.. Ах ты, Джим!.. — с горькой радостью ласкал он обретенную свою утрату, думая о другом. После всего, что случилось, радость обретения Джима оказалась куцей, невсамделишной, заслоненной болью множества утрат.

— Смотрите, смотрите — он же сорвался! — дернул Гутман на собаке ошейник, с которого свисал недлинный конец оборванного поводка. — Вот же скотина!

— Скотина — не то слово, Гутман, — сказал Волошин, усаживая собаку рядом.

— Ну, не скотина, конечно. Собака! Собачка что надо.

Волошин ощупал свои карманы, в которых, однако, кроме песка и нескольких пистолетных патронов, ничего больше не было, и Джим, склонив голову, заинтересованно проследил за этим знакомым ему движением.

— Ах, Джим, Джим...

Быстро, однако, успокоясь от первой радости встречи, Джим привычно застриг ушами, осторожно оглядываясь по сторонам. Бойцы, отступив на два шага, устало поглядывали то на собаку, то в небо над высотой, в котором со стороны совхоза то и дело взмывали вверх трассирующие пулеметные очереди и блуждали недалекие отсветы

немецких ракет.

Немецкий пулемет из-за высоты выпустил длинную очередь, часть пуль, ударившись о землю, с пронзительным визгом разлетелась в стороны.

— Так, Гутман! — сказал Волошин, переходя на свой обычный командирский приказной тон. — Ведите раненых.

— А вы что?

— Я остаюсь.

— Остаетесь? — неопределенно переспросил Гутман, молча замерев в двух шагах от Волошина.

— Да. Пока остаюсь.

— Ну что ж. Тогда до свидания.

— До свидания, Гутман, — вставая, сказал капитан. — Спасибо за службу. И за дружбу.

— Да что... Не за что, товарищ капитан. Дай бог еще встретиться, — потоптался на месте Гутман и повернулся к бойцам: — Ну что? Ша-агом марш!

Они быстро пошли вниз по изрытому минами склону, а он, обернувшись к едва черневшему в ночи могильному холмику, постоял так минуту. Это была не первая зарытая им могила, но, как всегда, ее вид вызывал в нем горькое чувство тоски по тем, кто оставался там, и почему-то больше

всего — по себе самому. Хотя, если разобраться, в его положении он скорее мог быть объектом зависти, чем сострадания. Тем не менее тяжелый камень предчувствия лежал на его душе. Будто понимая состояние хозяина, Джим проскулил, тихонько и требовательно потерся о его сапоги.

— Что ж, пошли, Джим.

Все было решено — он возвращался к себе в батальон. Неважно, что его ждало там, не имело значения, что будет с ним дальше. Главное — быть с теми, с кем он в муках сроднился на пути к этой траншее, погибал, воскресал и, как умел, делал свое солдатское дело. Что бы ни случилось в его судьбе, ему не стыдно глядеть в глаза подчиненным, совесть его спокойна. И пусть он для них уже не комбат, что это меняет? Он — их товарищ. Тех, кто вышиб немцев из этой траншеи, и тех, кто остался в свежей, только что закопанной им могиле, где очень просто мог бы лежать и он. Но воля случая распорядилась иначе. В полном соответствии со своей слепой властью.

Она не властна только над его человечностью. Над тем, что отличает его от Маркина и, как ни странно, сближает с Джимом. Над тем, что в нем — Человек.

Потому что Человек иногда, несмотря ни на

что, становится выше судьбы и, стало быть, выше могущественной силы случая.

Он устало шагал за собакой вдоль разрытого траншейного бруствера, обходя разверзшиеся в темноте воронки, держа путь к недалекой вершине высоты, из-за которой мелькали в небе огненные светляки пуль и доносилось отдаленное рычание немецких «машиненгеверов».

Война продолжалась.

Командир 294-го стрелкового полка Герой Советского Союза майор Волошин Николай Иванович убит 24 марта 1945 года и похоронен в братской могиле, находящейся в 350 метрах северо-западнее населенного пункта Штайндорф (Восточная Пруссия).

Справка из архива.